

НОВОСТИ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
19 ЛЕНИНГРАД 25

С. С. С. С. С.

М. Д. В. И. Н.

42161/16°

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ленинград, Дом Книги, Проспект 25 Октября, 28. Тел. 132-44, 570-14.
Москва, Тверская, 51. Тел. 3-92-07, 4-92-31.

Серия „НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“

- Амп, Пьер.** — Золотоискатели. Пер. А. А. Поляк. Под ред. Б. Лившица. С пред. Ренэ Маршана. Стр. 167. Ц. 70 к.
- Амп, Пьер.** — Песнь песней. Книга первая. Пер. О. Брошниковской. Под ред. Б. Лившица. Стр. 223. Ц. 75 к.
- Д'Аннунцио, Габриэль.** — Ноктюрн. Пер. С. В. Герье. Под ред. А. А. Смирнова. Стр. 277. Ц. 65 к.
- Барбюс, А.** — Рассказы. Пер. с франц. О. Э. Мандельштама. Стр. 235. Ц. 1 р.
- Бергстрём, В.** — Дом пропащих. Пер. с датского А. и М. Ганзен. Стр. 104. Ц. 50 к.
- Гамсун, Кнут.** — Местечко Сегельфос. Пер. К. Жихаревой. Стр. 436. Ц. 2 р.
- Гастон-Жозеф.** — Коффи. Действительный роман чернокожего. Пер. О. Брошниковской. Под ред. А. Н. Горлина, с пред. Р. Маршана. Стр. 109. Ц. 40 к.
- Гзелль, Поль.** — Беседы Анатоля Франса. Пер. Е. В. Мечниковой, под ред. Н. Радлова. Стр. 218. Ц. 55 к.
- Доржелес, Роллан.** — Пробуждение мертвых. Пер. Э. Л. Вейнбаум. Под ред. А. Н. Горлина. Стр. 304. Ц. 1 р.
- Дорту, Макс.** — Город. Пер. с нем. С. Я. Закса, под ред. Инн. Оксенова. Стр. 62. Ц. 40 к.
- Дорту, Макс.** — Строители. Пер. с нем. Л. М. Гаусман. Под ред. Г. А. Зуккау. Стр. 71. Ц. 70 к.
- Дофф, Нэль.** — Там, где голод и нужда... (Воспоминания бедной девушки.) Пер. с франц. А. Поляк. Под ред. А. Н. Горлина. Стр. 135. Ц. 50 к.
- Дюамель, Жорж.** — Отрешенные. Пер. с франц. Б. Лившица. Стр. 182. Ц. 80 к.
- Дюамель, Жорж.** — У истоков жизни. (Воспоминания о Кюйбе и Тиупе.) Пер. с франц. О. Брошниковской. Стр. 151. Ц. 85 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

A 62

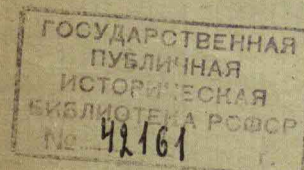
ПЬЕР АМП

84-3

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ
БЕНЕДИКТА ЛИВШИЦА

КНИГА ВТОРАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД

1925

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

В конторе своего завода в Обервилье, парижский парфюмер Тис читал июньский преискуронт 1920 года эссенций и сырья для парфюмерии и мыловарения

КСАВЬЕ МАССЬЕРА.

Грасс.

Франция.

Тис, носивший бриллиантовое кольцо и жемчужину в галстукe, имел наружность человека хорошего общества, но ругался как самый последний ломовик, когда дела не устраивались по его желанию. Будучи выдающимся знатоком тонкой французской парфюмерии, он по своей манере разговаривать походил скорее на человека, занимающегося вывозкой нечистот, которые он часто называл прямо своим именем, чем на представителя деликатной профессии, с годовым оборотом в восемьдесят миллионов франков.

Крайне настойчивый в проведении задуманных им предприятий, он приходил в бешенство при всякой неудаче.

— Чорт возьми! Грассовцы хотят задавить нас. Они расценивают кило чистой эссенции розы по двадцати тысяч франков, померанца — по тридцати тысяч, жас-

мина — по четырнадцать тысяч пятьдесят, лаванды — по пятьсот восемьдесят.

Если бы кто-нибудь из служащих поверг его в то состояние, в которое его привело чтение преискуранта фирмы Массьера, знаменитый парфюмер наверное обрушился бы с резкой бранью на своего подчиненного, но не имея возможности на ком-нибудь непосредственно сорвать свою ярость, он сочно выругался и замолчал. Он умел ругаться, но зато никогда не брюзжал. Он продолжал чтение своей корреспонденции, принесенной ему мадемуазель Маделен Фукар, статной девушкой с чудными черными волосами, одной из редких особ, с которой Тис говорил, не сквернословя, но всегда сухо, что несколько не пугало ее: как дрессированное, чуткое животное, она прибегала по первому же зову этого властного человека, которого отнюдь нельзя было упрекнуть в недостатке ума, ибо Тис раздражался криком лишь в том случае, когда это имело известный смысл.

Мадемуазель Фукар распечатывала письма даже с надписью «лично» или «секретно» и должна была подносить их в самом удобном для чтения порядке, чтобы каждый лист немного выступал из-под предыдущего. Этот образцовый порядок извоблял Тиса от многих лишних движений. Вне своих обязанностей она была положительно глупа, но очаровательна. Она не читала никогда ни одного из распечатанных писем. Корреспонденция была для нее материалом, который нужно было привести в порядок; она исполняла добросовестно свои обязанности, не стараясь вникать в суть дела, не поддаваясь соблазну любопытства и работая так же механически, как лает собака. Получая тысячу франков, Мадлена Фукар была всегда мило одета. Служащие фабрики прозвали ее «императрицей» за ее горделивую осанку, красивую фигуру и предполагаемое

знание всех секретов хозяина; в действительности же, она была аккуратной и быстрой исполнительницей приказаний своего патрона.

Служащие администрации не очень возмущались манерой Тиса разговаривать с подчиненными, потому что он платил широко, а выругавшись, проявлял столько здравого смысла в делах, что даже конкуренты признавали его одним из самых искусных парижских коммерсантов.

В начале его деятельности, впродолжение пяти лет, ему не везло. Он не ставил себе в заслугу того, что всем обязан был лишь самому себе: он даже скрывал это. Гордость проявилась в нем только после того, как он разбогател.

Окна конторы выходили во двор со стеклянным навесом, где находился склад всех товаров, предназначенных для вывоза и упакованных в белые еловые ящики с надписями: «Буэнос-Айрес, Монтевидео, Нью-Йорк, Шанхай», сделанными черным шрифтом.

Вся обстановка хозяйского помещения указывала на то, что фирма ведет дела со всем миром.

Тис весьма ценил тех из своих комиссионеров, которые не только выгодно устраивали его дела, но и привозили ему редкие предметы искусства.

Азиатские бронзовые курильницы тонкой чеканной работы отвечали изображениями животных в угрожающих позах и рисунками священных цветов с характерными тяжеловесными формами. Графины для розовой воды, привезенные из гаремов Востока, ярко выделялись золотом и медью своих украшений наряду с темными прокуренными кальянами.

Фабрика снабжала контору своего хозяина наиболее интересными сосудами из-под экзотических веществ: два воловых рога из Абиссинии, уже двадцать лет тому назад опорожненные от находившегося в них цибета,

но еще распространявшие сильный запах, стояли на камине из черного мрамора по обеим сторонам довольно редко встречающейся глыбы белой амбры весом в четыре кило.

На книжном шкапу блестели сосуды из красной меди, наполненные сицилийским и калабрийским бергамотом. Стойкий запах восточных ароматов все еще исходил из этой медной посуды, выделанной умелыми ударами молота. От бронзовых ваз с тибетским мускусом, от старинных банок французской парфюмерии из белого фарфора с голубой надписью, от мраморных ступок и от всех сосудов, в которых некогда сохранялись духи, исходил сильный возбуждающий запах, которым были пропитаны рога, металлы и гончарные изделия.

Управляющий фабрикой, Мартель, заметил признаки дурного настроения на лице своего патрона, исследовавшего в ту минуту пробу духов золотистого цвета в простом флаконе, но будучи человеком очень осторожным и весьма опытным в деле фабрикации духов, не сказал ничего, приберегая слово для более удобного случая. Он изъяснялся красноречиво, но наперед обдумывал все свои слова и говорил лишь то, что считал полезным и удобным в данный момент, не изменяя своим правилам. Он не получил от патрона никакого замечания по поводу новых духов.

Тис сказал:

— Кило чистой эссенции жасмина стоило в 1914 году — 2.000 франков, сегодня же оно стоит 14.500. Роза поднялась с 3.000 до 20.000, мускус с 2.000 до 12.000. Тубероза расценивается по 27.000 франков. Пармская фиалка по 80.000, а десятипроцентный раствор по 8.000. Нам дарят спирт.

«— Это совершенно изменяет нашу себестоимость. Надо бороться против всего, что заставляет нас про-

давать слишком дорого. Будем осторожны с клиентом. Мы требуем от него слишком многого.

«— Надо увеличить нашу дестилляцию и покупать в Грассе только то, что не сможем выработать сами. В течение полугода мы должны наладить собственное производство эссенций ириса, ветивери, мускуса и дубового моха ладана. Что же касается цветочных эссенций, то через три года мы будем получать их с наших плантаций на Корсике.

Совершенно неспособный к бездействию, Тис бросался навстречу всем препятствиям, пытаясь преодолеть их в соответствии со всеми желаниями. Он сделался бы котельщиком и выделял бы медные перегонные кубы, если бы это соответствовало его достоинству и интересам.

Повышение грасских цен было бы для него чем-то нестерпимым даже в том случае, если бы он не понес никаких убытков, соответственно подняв цены своего товара.

Он был слишком осторожным коммерсантом, чтобы позволить себе почитать на лаврах, даже при благоприятном течении дел.

Он стал бранить грасских промышленников:

— Каждый из них лелеет честолюбивые замыслы и мечтает добиться такого же блестящего положения, как Ширис - Карно. Фирма Рур - Бертран - сын уже достигла этого. После успехов индустриальных, она пожелала успеха политического. Ее глава, Амик, заместил в сенате Шириса. Парфюмерия имеет своих представителей среди членов парламента, как шампанское — среди обладателей гербов. Марка Шандон увенчивается гербом де - Бриай, эссенции Рур - Бертран получают кресло в парламенте.

«— Всякий грассовец, достигший успеха, очень высокого о себе мнения. Когда-то они создали во Фран-

ции перчаточную промышленность и стали назначать такие высокие цены на свои изделия, что Гренобль, ставший их конкурентом, переманил к себе всю их клиентуру. Затем они стали выделять оливковое масло и выставили такие требования, что заказчики вынуждены были перенести свои заказы в Ниццу и Тунис. В настоящее время в руках грассовцев цветководство, обслуживающее нужды парфюмерии, и еще раз они вздувают цены. Это будет их разорением.

«— Есть четыре лучших французских парфюмера: Тис, Коти, Убиган и Герлен. После них идут второстепенные марки, затем рыночная парфюмерия, в которой флаконы и красивая упаковка стоят очень дорого по сравнению с содержимым. Эта базарная торговля должна была повысить свои цены больше всех, так как стекло и картон вздорожали на четыреста процентов. Цена изделий низкого качества приблизилась к ценам нашего преysкуранта. Этим объясняется увеличение числа наших покупателей. Парижская работница развила свой вкус. Еще недавно она желала приобретать за три франка флакон величиною с голову. Теперь дешовка уже не имеет сбыта. В моде только дорогой товар.

«— С семи миллионов годовых сделок довоенного времени мы дошли теперь до восьмидесяти миллионов.

«— Но я хочу добиться еще большего и поэтому я вынужден принять известные меры. Я предъявляю иск к Ксавье Массьера за противозаконное поднятие цен.

Мартель остался очень доволен откровенностью хозяина и согласился с ним во всем. Он был самолюбив в отношении своего дела, но, дорожа спокойствием, не охотно выслушивал замечания; тем не менее, он не противоречил. Его прозвали «дядей Пти Пуа»¹⁾, потому что он жил в Кламаре.

¹⁾ Пти-Пуа — душистый горошек.

— Наши покупатели, — сказал Тис, — незнакомы с продуктами Грасса. Их не интересует происхождение эссенций, им нужна фирма. Они желают приобретать флаконы Тиса, Коти или Герлена. Сила нашей фирмы — в высоком качестве производимого нами товара.

«— Я хочу, чтобы все, что носит нашу марку, было сфабриковано, как и сейчас мы это делаем, из самого лучшего материала, но вместе с тем я не желаю безумно повышать цены. Если первоклассные духи будут слишком дороги, клиенты поневоле обратятся к товару более низкого качества и мы будем вынуждены вырабатывать эти сорта, чтобы не уменьшать цифры нашего оборота. Не будем рассчитывать на то, что мы прочно привязали к себе клиента и что ему остается только безропотно подчиняться скачкам нашего преysкуранта. Мода теперь на все, за что уплачены большие деньги. Пусть мода переменится, и фирмы, производящие дорого стоящие предметы, испытают на себе последствия изменившихся условий рынка. Я предчувствую падение роскоши. По моим судебным процессам с грассовцами наша клиентура будет знать, что я стою на страже ее интересов.

В этом Тис видел удобный случай для рекламы, которую он, в противоположность огромному большинству коммерсантов, осуществлял не при помощи широковещательных объявлений и плакатов, а стараясь использовать какой-нибудь факт, вокруг которого можно было бы создать известный шум. Он желал купить замок Ментенон, чтобы обзавестись хрустальным производством и освободиться от владельцев стекольных заводов. Он рассчитывал, что за право входа посетителей в замок он будет иметь пятьсот тысяч франков годового дохода, да в два миллиона он оценивал рекламу, которую они создадут фирме своей болтовней. Внешне он жил тщеславно, но не для лич-

ного удовольствия, так как всеми своими действиями желал поднять престиж своего предприятия. Его отель в Елисейских полях был ему не нужен, но он думал, что глава фирмы Тис должен занимать роскошную квартиру, причем считал необходимым, чтобы все знали об этом. Великолепная жемчужина, украшавшая безукоризненно завязанный галстук Тиса, свидетельствовала не о кокетстве ее обладателя, но выражала собой престиж хозяина фирмы. Он обременял себя торжественностью из уважения к своему производству.

Мартель, занятый мыслью сделаться самым авторитетным специалистом во Франции по композиции духов, откупорил флакон, стоявший на письменном столе, и понюхал его, но Тис возобновил разговор на коммерческие темы:

— Рост употребления парфюмерии вызывается духом подражания тех классов, которые только что разбогатели. Старая клиентура душится не больше прежнего, но теперь душится гораздо большее число людей.

«— Голландки, с отвращением относившиеся раньше ко всему, что кладут на лицо, в настоящее время покупают рисовую пудру. Употребление духов среди мужчин тоже увеличилось. Это происходит от совместного пребывания в траншеях людей утонченных и грубых.

«— Подражание богачам, попавшим на войну и привыкшим ухаживать за своим телом, повлекло за собой не только употребление духов, но также мыла и воды. В окопах все без исключения познакомились со вшами, кокетством и гигиеной. Тот, кто никогда не имел на себе насекомых, был покрыт ими, а тот, кто не знал физического ухода, из вонючего превратился в надушенного.

«— Одеколон — великий очиститель человеческого тела. Прятные научили нечистоплотных употреблению

растираний. Для здоровья нации важно, чтобы парфюмерная промышленность находилась в цветущем состоянии. В качестве крупного парфюмера, я являюсь оздоровителем народа. Древние парились, а мы растираем себя. Человеческой коже недостаточно одного употребления мыла. Ей нужны паровые ванны или спирт.

«— Фирма Тис имеет по всему свету тысячу двести агентур, где я продаю только французские товары и где я требую, чтобы вся корреспонденция велась на французском языке. Депутаты желают обложить нас налогом, как бесполезный элемент в государстве. Между тем Франция может получить один миллиард в год на экспорте дорогих парфюмерных продуктов. Это стоит политической программы.

«— Тис должен оставаться первой торговой фирмой Парижа.

Он понюхал флакон:

— Эта штука покроет нас славой.

Близость к духам, как и всегда, делала его кротким. Казалось, он клонился под лаской очаровательного создания, которое он любил величайшей любовью, какую только может испытывать человек. Таинственный аромат духов освобождал его душу от раздражения, а тело его от нервности. Он тихо проговорил, обдумывая каждое слово.

— Есть тонкость, свежесть, нежность. Недостает...

Мартель откашлялся, не желая явно противоречить восторгу своего непогрешимого патрона, который оценивал ароматы как гениальный скульптор линии мрамора.

Тис тихо повторил, как жалобу или вопрос:

— Недостает...

Мартель относился с большим вниманием к управлению служащими и рабочими завода: к семидесяти мужчинам и восьмистам женщинам — и говорил:

— К каждому рабочему, взятому в отдельности, я отношусь с большим уважением, но с отвращением смотрю на рабочих, объединенных Генеральной Конфедерацией Труда.

Он ценил работников, прослуживших на заводе не менее двух с половиною лет, — срок, необходимый для того, чтобы ознакомиться на практике со всеми видами работы, ибо Мартель не приспособлял рабочих к одной лишь операции, учитывая возможность переброски всего персонала на производство тех товаров, которые требовали большой спешки, и этим избегая сезонного найма и расчета рабочих.

Эта система перевода рабочих из одних мастерских в другие, применявшаяся с целью закрепить за заводом постоянный состав служащих, привела в одно утро в дурное расположение духа Эме Тупен, которой вместе с целой партией рабочих приходилось переходить из отделения туалетного мыла в отделение рисовой пудры, так как спрос на этот предмет ежедневно увеличивался. Тис объяснял это так:

— Женщины обнажают свои спины до поясницы. Это дает большую поверхность, которую надо мазать и пудрить. Чем меньше идет материала на платье,

тем больше мы должны фабриковать притираний и пудры. Женщины одеваются своей кожей, — тем лучше для нас.

Основной идеей Эме Тупен, родившейся в Обервилье и работавшей там в различных отраслях промышленности с тринадцатилетнего возраста, было в девятнадцать лет презрение к кокосовому ореху. Она награждала этим ругательством все предметы и всех людей, к которым относилась с презрением.

Суждение такого же порядка она высказывала и о производстве рисовой пудры:

— Это ерунда на кокосовом орехе.

Она так часто повторяла эти слова, что за нею осталось прозвище «Эме Коко», приводившее ее в бешенство. Эта смуглая девушка обладала еще другим качеством, помимо отчетливого образа мыслей: проворством рук. К какой бы работе ее ни приставляли, она через два дня достигала ловкости старых работников. По всем работам с флаконами, по части приготовления саше, складывания, склеивания коробочек во всех разнородных отделениях фабрики Тиса, ее пальцы схватывали предмет и придавали ему законченный вид с той уверенностью и грацией, которые свидетельствовали о том, какое совершенство представляет собою человеческая рука. Ни одна машина не могла бы справиться с ней в смысле чистоты и точности работы. Флаконы и коробки, окрыленные магической ловкостью ее рук, мелькали с быстротой ласточек.

В минуты азарта эта восхитительная работница имела отупевший вид. Склонив угрюмое лицо над быстро движущимися руками, она увеличивала скорость своей прекрасной и однообразной работы и совсем не улыбалась, несмотря на веселость своего характера, ценимого старыми работницами, говорившими ей:

— Коко, посмеши нас... Мы тебя поцелуем.

В это утро она ответила:

— Наплевать! Меня перевели на пудру... Ладно, уж я посахарю свою вишню...

Ибо она утверждала, что считала себя в праве пользоваться всеми товарами, с которыми ей приходилось иметь дело.

— Работать для потаскух, которые каждую четверть часа пудрят свои гнусные морды и каждое утро душат то место, откуда все мы вышли на свет! Если бы дядя Пти Пуа не был обезьяной с кокосовым орехом, он давал бы нам все, что нам нужно для нашей кожи.

Мартель считал необходимым прекратить воровство в мастерских. У него было сорок пять дел в течение пяти месяцев, послуживших поводом к аресту шести женщин, которых Эме Коко осуждала в своей среде:

— Я понимаю, когда берут необходимое, но тащить, чтобы продавать мелким кауферам, это то же, что терять невинность в тринадцать лет. Это нечестно. Если к двадцати пяти годам хорошо не устроишься, можно делать, что хочешь, как богатые, но до того на это способна только потаскуха.

Мартель обращался со своими работницами как с клиентками, снабжая их по себестоимости теми товарами, до которых они были падки. Затем он брал на себя тяжелую задачу контроля, так как трудно уследить, не положили ли упаковщицы только два куска мыла в коробку, предназначенную для трех. Ежедневный осмотр при выходе из завода мог породить бунт. Надо было знать наверняка тех, которых Мартель называл «преступницами». На них почти всегда были доносы. Склонность женщин вредить друг другу избавляла от необходимости проверять карманы. Чтобы угодить начальнику мастерской или dokonать товарку,

они усиленно шпионили. Мартель говорил: «Понятие о чести не могло никогда поместиться в голове женщин. Вот почему говорят, что она у них в другом месте. Мужчина, получивший пощечину, теряет свою честь, женщина же становится обесчещенной, когда ее тронут пониже. Если бы у них была честь в том месте, где у мужчин, я не так легко узнавал бы воровок...»

Эме Коко, назначенная в отделение упаковки рисовой пудры, освежила ею свое хорошенькое личико с широкими бровями, по которым она провела мокрым пальцем.

Вертящиеся машины медленно работали под непрерывное сотрясение решет, в которых смесь талька, крахмала, мела, фарфоровой глины, сернокислой магнезии и окиси цинка пропускалась через три сита под номерами 40, 80 и 200.

Бочки с порошкообразным составом, из которых работницы черпали сырье, снабжая им месильную машину с железными лопаточками, представляли полный контраст своими громоздкими формами по сравнению с алюминиевыми коробочками для укладывания законченного фабриката, украшенного роем белых бабочек, на бумаге бледно-розового цвета.

Работницы, приготовлявшие эти составы для женских лиц, носили на голове белые косынки с клеймом фирмы: «ТИС», вышитым красными буквами. Их одежда придавала им сходство с сиделками, ухаживавшими за ранеными; их лица были покрыты белой маской, но под седыми от пыли ресницами блестели молодые глаза. Тис считал себя фабрикантом лучшей парижской пудры и чрезмерно душил ее, придерживаясь того мнения, что один и тот же аромат отличается разными свойствами в алкоголе, пудре или мыле. Он обладал секретом самых нежных эссенций в сухих составах, про которые Эме Коко говорила:

— Это можно нюхать, от этого не рвет.

Ее быстрые и искусные пальцы в течение одного дня имели дело с пудрой белой, телесного цвета, розовой, охровой, рашель, изумрудной — для красных лиц и бледно-лиловой — для тех, кто показывается при электрическом освещении. Коробки, обвязанные золотой ниткой и запечатанные красной печатью «ТИС», были разложены перед работницами, сидевшими за белыми деревянными столами, на которых эта аккуратная работа не оставляла никаких следов.

Сквозь стеклянную перегородку, отделявшую мастерскую пудры от соседней мастерской, виднелись ряды девушек, занятых формовкой кремов и красок, в виде лепешек и карандашей, или же укупорки в коробки и в тубы составов для смазывания и окрашивания человеческой кожи.

Пестики и месильные машины растирали и размешивали глицерин для изготовления нежного крема под названием «Пена». Ураган лопаточек, делающих шестьсот оборотов в минуту, смешивал для этого превосходного крема очищенную соду с розовой водой. Пятьдесят тысяч слипшихся комков «Сирени Ментенон» находились в обработке у красильщиц, которые расправляли комки лопаточками на круглом деревянном щитке в лепешки сгущенной пудры, рассыпавшейся от прикосновения пушка.

Триста женщин работали над тем, что Тис называл косметическими изделиями, а Эме Коко — штукатуркой для рожи.

От этих порошкообразных или жирных препаратов поднимался аромат, ударявшийся своими громадными крыльями о стены мастерских. Он парил над толпой в часы выхода с завода, и работницы приносили каждый день в свои лачуги в Обервилье запах цветов Грасса и Сирии.

Самые отвратительные постройки, в каких только может жить человек, окружали завод, вырабатывающий нежнейшие благовония. В этой местности, бывшей средоточием всякого зловония, — от живодерни до склада нечистот, — запах падали соединялся с запахом человеческой грязи.

От благоухающего завода до грязных лачуг — таков переход запаха от улыбки к гримасе. Аромат цветов, привезенных из самых прекрасных стран на земном шаре, присоединялся в этой мрачной, безводной местности к зловонию, вызываемому недостатком воды.

Ни в одном округе вблизи Парижа не было такой вони и грязи от лачуг и навоза, как в Обервилье. Только крысы и насекомые могли уживаться с человеком в такой отвратительной заразе. Ни одна птица, ни одно животное не имели такого загаженного гнезда или берлоги. Куча птичьего помета, побелевшая от лучей солнца, казалось приятным веществом по сравнению с мочей, испражнениями и нечистотами, плававшими в канавах и около лачуг, лишенных канализации. Вокруг зловонных фабрик были расположены жилища, которые опрятный человек не пожелал бы использовать в качестве отхожего места, но где ели, пили, спали и любили семьи, изъеденные вшами.

Отбросы живодерни и салотопни, куски старого металла и тряпок, органические вещества, белильная вода, керосин, навоз, свинцовые белила — изобиловали в этой городской окраине.

В самой отвратительной местности, какую может создать человеческая грязь, проносилось теплое дыхание ароматов из садов Грасса и цветущих долин.

Поруганная почва, покрытая горами отбросов и слоем жидкой грязи, все же густо поросла травой, свидетельствуя этим, как величественно и прекрасно терпение вечно рождающей земли. Среди обломков листо-

вого железа, покрытых темною ржавчиной, улыбалась ветка сирени. На месте прежних садов, сделавшихся теперь владением тряпичников, кустарники, даже в этой безотрадной обстановке, говорили о надеждах земли, матери цветов.

Сваленные в кучу тряпичные обрывки и всякого рода лом образовали очень удобное возвышение для детских игр; дети вытаскивали оттуда вещи, подходящие для их скромных забав: обручи от бочек для катанья и консервные банки, которые они подбрасывали ногами.

Двор тряпичников освещался голубыми обрывками от мундиров, которые служили доказательством, какое громадное количество людей было призвано на войну.

Работа в этой зловонной местности налагала на тружеников отпечаток грязи и уныния. Для уборки этих куч и отбросов к машинам прибегали редко и самые способы работы были примитивны: взять в руки, навалить на спину. Такое же положение тела, какое принимали рабы под ударами палок, сохранилось у людей, занимающихся собиранием отбросов и у тряпичников.

Люди, с выражением оупения на лицах, проходили по зловонным улицам, куда выпускались дивные струи аромата с завода Тиса, места тонких работ. Химик Гастон Геркель имел совершенно противоположную страсть, чем Борсети, считавший, что химия должна быть законодательницей всей парфюмерной промышленности. Тис, предпочитавший цветок реторте, не допускал мысли ограничить фабрикацию синтетическими продуктами. Честолюбие Геркеля заставляло его добиваться самого почетного положения в предприятии. Он считал, что очень содействовал успехам фирмы Тиса своими работами по салицилово-кислому амилу, основе трилистника, и своим способом детерпенирования натуральных эссенций, на который фирма получила патент.

Он доказывал, что достиг превращения сгущенных эссенций Грасса в составы невыдыхающиеся благодаря окислению, и говорил, что этой ректификации была обязана нежность духов Тиса. Против этой претензии Мертель выставлял довод, что процветание фирмы обусловлено общим порядком производства, безукоризненным во всех деталях.

Он говорил Геркелю:

— Продайте кому угодно секрет ваших химических формул и вашего способа детерпенирования сгущенных эссенций—фирма Тисса, тем не менее, останется первой.

Геркель на это отвечал:

— Успех парфюмерии заключается в употреблении новых составов.

Он надеялся убить Мертеля изобретением средства омолаживания кожи человека. Он ничего не говорил про свою работу, о которой можно было судить только по тому, что происходило на его тридцатидевятилетнем лице, худом и прыщавом.

В противоположность употреблению вяжущих жидкостей, которые сглаживали кожу стягиванием, но разъедали ее, Геркель изучал бациллу увядания эпидермы и влияния атмосферы на человеческие покровы. Он хотел уничтожить употребление крема, пудры и туалетных вод. Он производил свои опыты на мертвой коже и на живой. У него находились под микроскопом куски трупа: щека и ляжка. Он работал также на своей правой скуле, сделавшейся лакированной и как бы покрытой эмалью.

Тис, вошедший в лабораторию, удивился этому лицу, одна сторона которого походила на ягодицу новорожденного ребенка, и спросил:

— Вы больны?

Это было редким проявлением внимания с его стороны.

Геркель ответил, что он здоров; затем, ожидая одобрения патрона, преподнес ему настой боярышника. Тис понюхал светлую жидкость и сказал:

— Это пахнет анисом.

Это было очень неприятно Геркелю, так как было сказано в присутствии только что вошедшего Рашара, представителя фирмы: «Рашар и Антом: Сырье для парфюмерии и мыловарения. Заводы и Контора — Фландрская дорога в Обервилье».

Производство Рашара заключалось в выработке синтетических эссенций, но он продавал также и натуральные, которых почти не поставлял фирме Тиса, получавшей все эти материалы непосредственно с мест их происхождения. Тис разговаривал почти одинаково со своими поставщиками и своими служащими, но он выделял из среды своих контрагентов Рашара, который давал себе труд приезжать всегда лично, чтобы предложить свой товар, и делал это весьма умело. К нему Тис относился с известным уважением.

Желая сохранить в своих фабрикатах первенство натуральных эссенций, Тис был поставлен в затруднительное положение между поднятием грасских цен, с одной стороны, и замедлением разводки плантаций на Корсике, которыми он хотел заменить грасские продукты, — с другой. Потому он сказал Рашару:

— Вы кстати приехали.

Искусный химик ответил, что он всегда очень счастлив, когда в нем нуждаются. Столь же вежливый, как и опытный в своей специальности, он указал на розовый след на щеке Геркеля:

— С вами случилось несчастье?

Его ум, работавший в определенном направлении, заставил его предположить, что это следы брызнувшей жидкости.

Тис сказал:

— Я употреблял бы гораздо больше ваших товаров, если бы они были лучше.

— Они настолько хороши, насколько современная наука это позволяет.

— Так думают грассовцы. Вы должны иметь там хорошую клиентуру. Инженер Геркель нашел в эссенции розы из дома Массьера семь процентов того же самого фенолового спирта, которым вы нас снабжаете.

Рашар не подтвердил даже улыбкой достоверность этого открытия, но сделал комплимент Тису.

— Я предполагаю, что фирма Массьера удачно покупает синтетики. У нее находится на службе химик Борсетти, один из лучших учеников Барбье.

«— Между парижскими парфюмерами вы самый знающий, и я предлагаю вам только наиболее совершенные фабрикаты. Мы ежедневно вводим в наше производство самые последние усовершенствования и сами являемся изобретателями. Мы занимаемся ремеслом, где неустанно приходится искать нового. Наши синтезы представляют собою искусственные соединения, которые лишь на тысячные доли уклоняются от натурального продукта. Синтетическая роза содержит девяносто процентов натуральной розовой эссенции, получаемой вами из Грасса. То, в чем вы упрекаете дом Массьера, не так уж скверно, если сделано искусно. Растительная эссенция жасмина содержит полпроцента индола, продукта кишечного брожения. Тайна природы: следы испражнений в самом нежном запахе.

«— Все тела, составляющие растение, медленно развиваются, согласно законам, которые нам неизвестны. Что такое жизнь в человеческом существе, в звере, в цветке?

«— Каково взаимодействие всех элементов, ее создающих? Когда химик уже ничего не понимает, он находит слово: диастаз. Это ничего не говорит. Что

такое фактор жизни? Способ, коим химия получает свои синтетические тела, не есть воспроизведение процесса природы. Если бы удалось даже узнать ее тайну, необходимо было бы еще подчиниться времени, чтобы тела оставались вместе в течение того же периода, как и в природе.

«— Натуральные эссенции содержат некоторые вещества в бесконечно-малых, неподдающихся анализу количествах. Химия и медицина не раз в процессе своего совершенствования впадали в серьезные ошибки. Когда медицина советовала слабым больным легкое питание, овощи, очищенные от шелухи, и прием во внутрь только легко усваиваемых веществ, она создала непоправимые болезни, истощение организма, который не мог больше употреблять простой пищи. Голуби, которых кормили очищенным рисом, чахли, но, питаясь затем необделанным, быстро поправлялись. Рисовая шелуха и овощи, которые химия признала ненужным отягощением органов пищеварения и которые, в сущности, непитательны, содержат в бесконечно-малых количествах тела — катализаторы, присутствие коих, хотя бы в незначительных дозах, необходимо для того, чтобы между двумя другими телами, взятыми в больших количествах, произошло химическое соединение.

«— В фасоли, как и в розе, есть вещества совершенно невесомые. Подвержены ли мы болезням, созданным искусственными духами, медленному отравлению? Лабораторный процесс не может вполне воспроизвести то, что происходит в розовом кусте, потому что химику недостает еще естественного света. Химики, белящие нитки и полотна, ничем не могут заменить солнца.

«— Ни один прием обработки не дает той чистоты, которая достигается воздействием солнечных лучей. Чисто белые лучи существуют только в природе.

Должна ли парфюмерная химия пользоваться фиолетовыми лучами? Она их пробовала. Ей нужна мечта: создать солнце.

«— Человеческих чувств недостаточно, чтобы определить все, что находится в цветке. Сяжки бабочек — органы, по всей вероятности, превосходящие все наши, несмотря на то, что мы вооружены аппаратами, начиная с телескопа и кончая микроскопом, посредством которых человек отодвигает немного от себя окружающий мрак, для того, чтобы лишний раз убедиться в его непроницаемости.

«— Природа видит нас. Мы не видим ее. Мы — маленькие существа, охваченные и насквозь пронзенные ее взглядом.

Тис с удовольствием слушал этого обаятельно умного собеседника. Он любил услуги людей, увлекающихся своею работой.

— Я предлагаю вам, — сказал Рашар, — родинол 534 по 1200 франков кило, с запахом очень близким к розе, который грассовцы продают по двадцати тысяч франков, ионон-альфа по 1300 франков и гизо-евгеноль по 500 франков, в добавление к фиалке и к гвоздике, за которые вы платите 6000 и 3000 франков.

«— Вы не скажете мне, как ваш почтенный собрат Серлин-отец: «Я парфюмер, а не химик. Вы продаете вещества, которые дурно пахнут, и мне нечего делать с вашими снадобьями».

Тис посмеялся над этим деликатным конкурентом.

— Это парфюмер для дам в носилках, старый фанатик, думающий сохранить красоту ремесла, выставя в своей витрине банки с губками. Из боязни вульгаризировать свои изделия, он отказывается поставлять их в большие магазины.

Рашар возобновил свое предложение.

— Я продаю недорого, но тем не менее, я должен зарабатывать деньги, чтобы преуспеть в своей области. Хорошая работа химика - парфюмера заключается в выработке продуктов настолько хорошо закрепленных, что раз положенные в флакон они более не выдыхаются и не портятся.

— Синтетики, употребляемые без примеси, — сказал Тис, — надо продавать клиентам с мало развитым вкусом и быстро их расходовать. Их надо помещать в идеально чистые, хорошо выполосканные флаконы. Остатки соды, употребляемой при чистке, вызывают омыление эфира.

Под навесом террасы, находившейся в одном этаже с лабораторной залой, Геркель орудовал на вольном воздухе взрывчатыми веществами парфюмерных составов.

Рашар воздал должное химии:

Подобно тому, как она нашла в окраске гамму красящих веществ, так она нашла в парфюмерии гамму ароматных продуктов. Но надо быть парфюмером, чтобы извлечь из них пользу. Мы не претендуем на знание формул нежного аромата. Мы только фабриканты красок для таких артистов, как вы. До изобретения искусственных эссенций парфюмеры имели в своем распоряжении шесть очень дорого стоящих красок. Химики увеличили краски палитры и сбавили цены. Есть синтетики чистые, есть менее чистые, выдаваемые, тем не менее, за превосходные. Химик дает то, чем можно подделать натуральный запах, но, кроме того, существуют еще подделки искусственных эссенций. Есть нечто худшее, чем примешивание искусственных продуктов к натуральным: это — прибавление недоброкачественных синтетических веществ.

— Я найду, — сказал Тис, — новые свойства в растительных эссенциях. Много лесных растений еще не

использовано. Цветоводство наравне с химией может развить мое производство. Я парфюмер, и это такой же дар, как родиться музыкантом или художником. У парфюмера — нос, у живописца — глаз, у музыканта — ухо. Когда на-лицо только одно прекрасное желание, не сопровождающееся личной одаренностью, ничего примечательного не создашь. Только талантом создается нечто выдающееся.

«— Живописец сравнивает краски, кладя одну около другой; он их видит одновременно, парфюмеру же невозможно чувствовать два запаха в одно и то же время. . . Вместо кистей живописца я имею в своем распоряжении бумажные палочки, которые обмакиваю в эссенции. Я не могу нюхать два зараз; мне нужно, прежде чем перейти ко второй, чтобы моя слизистая оболочка не была пропитана первым запахом. В области обоняния нет того, что доступно зрению: сличения гаммы и возможности выбора.

«— Парфюмер находится в положении живописца, который, имея две краски для сравнения, держал бы попеременно одну перед глазами, а другую за спиной, но никогда не был бы в состоянии иметь их одновременно перед собой.

«— Парфюмер должен в одно и то же время вспоминать о первом запахе, чтобы сличить его со вторым, и забывать его, чтобы не смешать оба запаха: освободиться от него и удерживать его в памяти.

«— Анализ обонятельный и исследование органолептическое гораздо труднее химического анализа.

«— Парфюмер — художник: он находит новые комбинации, как Дебюсси в музыке, как Сезанн — в живописи. Клиентура очень скоро охладела к флаконам Бошана: «Приди ко мне, день любви». Прежние парфюмеры любили изображать на своих флаконах женскую фигуру с распущенными волосами, бабочку, вазу,

цветок. У меня одно слово, выведенное золотыми буквами:

«Розы».

Тис презирал этикетки с голыми женщинами, носившие нежные наименования:

«Ее мечта».

«Любите меня».

«Чтобы ему понравиться».

«Нежная подруга» — все то, что называется воздействием на чувства.

На хрустальных флаконах он употреблял торжественный слог:

«Амбра волхвов».

«Аромат идола».

Рашар похвалил его изделия.

— Это чудо искусства. Синтетики нисколько не вредят, так как их качество повышается в то время, как качество натуральных эссенций понижается. Те и другие сравнялись. Я убеждаюсь в этом по тем натуральным эссенциям, которые должен покупать, чтобы иметь возможность сличить с нашими фабрикатами.

— Именно поэтому, — сказал Тис, — парижский парфюмер все более и более желает работать для самого себя, чтобы избежать связи с Грассом. Эссенции жасмина, купленные Массьера по 9.000 франков за кило, перепродаются им по 8.000 с барышем: доказательство его манипуляций с ними.

«— Грассовец имел большое преимущество: цветы. Но он отдает слишком большую дань химии. Фабрикант из департамента Приморских Альп и парфюмер Парижа — враги, обманывающие друг друга, а им следовало бы объединиться. Грасс, расширяющий свои лаборатории, вместо того чтобы создавать сады для опытов и расширять свою культуру, портит французскую парфюмерию. Она опозорена фирмами, которые

фабрикуют, не заботясь о цветке и поставляя исключительно химические композиции, как делают англичане, американцы и немцы. Парфюмерия для этих фабрикантов — бакалейная лавка. Я — артист. Искусству парфюмера нужен цветок. Я разведу его. Грасс утратит свою монополию. Вместо того, чтобы каждый раз путем химического анализа определять качества полученных эссенций, я буду их фабриковать сам.

Рашар сказал:

— Грасс поступает точно так же по отношению к химическим духам, жалуясь, что фирмы, продающие синтетики, доставляют их нечистыми, за исключением моей.

Честолюбие Тиса сначала заключалось в том, чтобы обладать натуральными эссенциями в таком количестве, как ни один из его конкурентов. Теперь он хотел завладеть всем. От удовлетворения достаточным запасом он переходил к горделивому желанию обладать всем. Он считал бы себя бедняком, если бы не был самым богатым. Независимость его от кого бы то ни было его не удовлетворяла: другие должны были зависеть от него, так как он принадлежал к породе людей, которые считают, что они не имеют ничего, пока не будут иметь все. Богатство порождало в нем желание разбогатеть еще больше. Он бы хотел при помощи ботаники и химии господствовать в своей специальности.

— Поедьте, — сказал он Рашару, — посмотреть на опыты по посадке новых растений, которая производится по моему заказу в садах Бергидона.

В автомобиле, качающемся на ходу по неровной мостовой Орлеанской дороги, Тис возобновил свой разговор:

— Французы — законодатели шика во всем: кухне, одежде, разговоре. Американец воняет жевательной смолой, англичанин — деттем. Соус Ворчестешайр

отличается специфически британским запахом. Франция не может превратиться в страну грубого труда и густого дыма. Ее процветание зависит от производства предметов роскоши, в частности, духов. В нашем распоряжении есть природный и притом несравненный материал: цветы Грасса. Если бы одной химии было достаточно, немцы были бы первыми парфюмерами в мире, но немецкий продукт, употребленный без всякой примеси, сух и неблагодарен. Пахнет, действительно, ландышем, но это не ландыш. Для этих искусственных составов необходим руководитель, каковым является натуральная эссенция. Вот почему, чем больше повышается спрос на духи, тем больше нужно увеличивать число не только лабораторий, но и плантаций. Если бы во всем можно было пользоваться услугами химии, мы скоро бы имели достаточное количество нужных материалов. Цветоводству несвойственна быстрота лабораторной работы. В любой местности можно нагревать реторты, но не в каждой — акклиматизировать цветок. Мне нужна земля, чтобы поддерживать превосходство моих изделий. Цветочного сбора с Приморских Альп не хватает даже для меня одного, а кроме меня есть еще двести фабрикантов на свете.

«— Я мог бы продавать миллион литров одеколона в год, а поставляю только 400.000, чтобы не вредить моей фирме и оставаться при умеренной пропорции померанцевого масла, которого я купил на три с половиною миллиона франков. Это только половина того, что мне требуется.

Они проехали Бург-ля-Рен, на главной улице которого въездные ворота служили указанием на находившееся здесь здание конюшень, где в прежние годы меняли лошадей на более красивых для въезда в Париж. По этой старой дороге дилижансов строения еще сохраняли тот вид, какой они имели, когда выполняли свое

прямое назначение: укрывать от дурной погоды всадников. Над крестом де-Берни путешественники увидели поля Бергидона, расцветшие под нежной лаской воздуха Иль-де-Франса.

Эта местность, сплошь алевшая красными плодами, была покрыта низкой листвой земляничных кустов до границы Веррьерского леса, который уже был отмечен золотистым отливом осени. Насаждения смородины и малины, густотой своих в порядке содержащихся кустов, возвышались над этой низко растущей зеленью. Сад был разбит на превосходные участки в виде шахматной доски и составлял полный контраст с неправильными очертаниями леса. Выравненные в линию растения, выведенные с громадным трудом, касались опушки роши, в которой каштаны уже падали на землю.

Причудливая линия волнистого леса и правильно разбитые плодовые насаждения окружали обширные семенные культуры Бергидона — первого садовода Франции. Аллея в тысячу метров, густо усыпанная песком, прорезала светло-желтой полосой большое цветущее поле. Она вела прямо к центру главного здания, выстроенного из темно-розового кирпича и крытого сланцем. Коралловый бордюр из шалфея возле линии серо-жемчужных серастиумов озарял обширное поле, полное осенних цветов. Культивированные в геометрическом порядке, с одной стороны — до спуска к Веррьерскому лесу, с другой — до земляничной долины, они покрывали как бы разноцветной шахматной доской хорошо обработанную землю. Оранжевые кусты индийских роз ярким пятном выделялись на самом верху огромного цветочного ковра. За ними, вплоть до шток-роз на подпорках, следовали красные бегонии. Затем возобновлялись, после шпалерника, ковровые растения, покрывавшие собою всю землю: агератумы, голубой гелиотроп, пурпуровые циннии. По ту сторону подсолнечников с их широкими,

как человеческие лица цветами, начинались серые хризантемы и королевские маргаритки, наполнявшие своей пестротой большой сад до тенистого каштанового леса. Великолепный порядок и богатство красок свидетельствовали о высоких качествах производившихся здесь селекционных работ. Обер — управляющий цветоводством, — обутый в высокие кожаные сапоги, для того чтобы иметь возможность обходить все пространство поля, но в галстуке, как служащий конторы сказал:

— Цветы Грасса не имеют равных себе во всем мире. Никакие цветы не в силах соперничать с ними в смысле качества. Лузианские, мароккские и тунисские не имеют того аромата. Померанцы Грасса выше испанского и итальянского; недостаточно только посадить розу, чтобы иметь аромат ее. Садовники Грасса счастливые неучи.

— Они так ленивы, что не хотят одеваться, — сказал Тис. — Брюки спадают им на ноги, и они даже не умеют заправить рубашку за шарф, которым обматывают себе бедра. Корсиканец не так небрежен.

Обер возразил:

— Еще более невежествен и менее опытен, потому что никогда ничего не делал. Он хочет быть тюремным сторожем и сохранить свой клочок земли, на котором пасутся шесть коз. Если некоторые участки распаханы — это сделано ливорнцами. Тот же цветок, что и в Грассе, мог бы культивироваться в Корсике, но как это сделать без работников да еще там, где крестьянин говорит: «Продать мое добро иностранцу, — да я лучше подожду с голоду».

Тис с одушевлением заговорил:

— Корсиканец, которого эксплуатировали генуэзцы, затем французы, сделался недоверчив и ленив. Он становится трудолюбивым, как только его работа доставляет ему прибыль. На острове вырывают корни вереска,

из которых выделывают курительные трубки в Сен-Клоде, в департаменте Юры. Это корчевание очень трудная работа, от которой отказались бы даже негры. Корсиканцы зарабатывают на этом пятьдесят су в день. Этим делом занялся один предприниматель, который в пять раз увеличил заработок рабочих и само производство.

«— Мой конкурент Коти начал культуру в Корсике, в поместье Барбикалья, купленном у Пульези-Конти. Я поеду в Корсику. Испробую Марокко. Я хочу быть первым в мире плантатором ароматических растений.

— Мы вам поможем, — обещал Обер. — Корсика может дать много горных эссенций: розмарин, тимьян, богородицыну траву, лаванду. Герань, розы, жасмин прививаются скоро, горький же померанец — только по прошествии шести лет, и то, если почва хорошо обработана. Но большие нововведения в парфюмерии должны создаваться употреблением новых растений. Ботаника еще не сделала для вас таких же усилий, какие сделала химия. Удивительно, что среди самых знаменитых французских парфюмеров — очень много химиков и ни одного ботаника. До сего времени не существовало подбора душистых растений. Грасс делается химиком и очищает продукты всего мира, но тамошние крестьяне попрежнему вслепую копаются в своих садах. Здесь мы хотим ввести генеалогический подбор душистых растений, развить те из них, которые, как показала практика, дают самые сильные эссенции. Если нам удастся акклиматизация и наши селекционные опыты увенчаются успехом, то растения, дающие богатый материал для дистилляции, раскроют перед вами столько же широких возможностей, сколько гаммы синтетиков.

Рашар, внимательно прислушивавшийся к тому, что здесь говорилось и что могло обогатить его знания, скромно заметил:

— Клиентка не спрашивает натуральных духов; она требует тонкого аромата по своему вкусу. Наука дает ей, посредством синтетиков, восхитительные иллюзии, которые ее вполне удовлетворяют, но этого нельзя достигнуть без помощи растительных веществ.

Обер ответил:

— Все, что имеет аромат, должно культивироваться и перегоняться. Вот туркестанский шалфей.

Он сорвал с ярко-зеленого кустарника лист, похожий на наконечник копья.

— Калифорнийский лавр сильного аромата; он не боится холода в окрестностях Парижа и растет, как порей. Можно было бы засеять им железнодорожные откосы. Мы также испробуем эссенцию индийской гвоздики. Это резко, но лесные растения, очень часто употребляемые, еще резче.

Он сорвал золотисто-малиновый цветок с пестрыми лепестками, плотно сидящими в зеленой чашечке. Группы деревьев окаймляли поле, засаженное карликовыми настурциями, которые как бы смеялись своими зелеными листьями и красными лепестками. Полевой калуфер с гордостью нес на своих высоких стеблях желтые цветочки с запахом иммортели.

— Это растение чрезвычайно жадно: оно так обильно разрастается, что после 1870 года признали возможным очищать им поля сражений. Оно быстро высасывает из почвы органические вещества. Если перегонка его даст положительные результаты и оно привьется в парфюмерии, женщины будут иметь на своем теле аромат растения, любящего лакомиться трупами.

Он показал майоран, бархотку, которая пахнет экстрагоном и анисом, затем ползучую мяту с листьями, касающимися земли. Растерев ее слегка на ладони, он провел рукою по воздуху: понесло крепким и нежным запахом.

— Она растет в Корсике в диком виде. Ее низкорослость и незначительные размеры делают сбор ее весьма затруднительным. Вот сорт с большими листьями, который англичане культивируют для *mint sauce for roast lamb*¹⁾. (До них донесся прелестный запах мелиссы и затем зверобоя.)

Тис сказал, что в некоторых местностях Франции это растение служило еще для освящения колоколов. Он назвал имена священных растений, до кедров включительно, балки из которого, пропитанные ароматической смолой, не подвергаются гниению, в виду чего они употреблялись всегда для постройки храмов.

Осенний ветерок смешал все ароматы сада. Как на холмах Грасса, аромат простирал над этой местностью Иль-де-Франса очаровательное величие своих нежных крыльев.

Дети хлопали деревянными колотушками, чтобы пугать птиц, истребителей этих отборных семян, которые они пожирали, как чижи корм из своих кормушек.

Обер пояснил:

— Много растений еще неизвестно европейской ботанике. Мы имеем по всему свету корреспондентов, которые присылают каждый год новые экземпляры. Мы их беспрестанно получаем из Китая.

— Наследственность, — сказал Тис, — такой же закон природы, как и закон тяжести. Подбор душистых растений, создание или видоизменение сортов, сильно благоухающих, и скрещивание тех из них, у которых сильнее аромат, с теми, у которых преобладает нежность, может совершенно изменить мое производство.

«— Сделайте для аромата цветов то, что вы делали для разнообразия их окраски. Я затрачу необхо-

¹⁾ Мятный соус для жареной баранины. (Прим. перев.)

димые миллионы, чтобы первым осуществить эти опыты. Одновременно я попробую то, чего еще никто не пытался делать: скрещивание и воспитание животных, дающих ароматические вещества. Дадут ли другие животные ароматы, как, например, кабарга или циветта? Культивируют же искусственно в зверинцах лисицу для меха, крокодилов для кожи. Циветта может быть приручена. Абиссинцы раздражают ее в клетке, чтобы увеличить выделение ее желез. Кабарга-самец приручению не поддается; его надо убить, прежде чем опорожнить его мускусную мошонку. Я хотел бы воспитать диких животных, как культивируют гусей для добывания пуха: их ощипывают три раза в год, после чего они болеют только несколько дней, тогда как прежде, чтобы получить пух, птицу убивали.

«— Я открою новые виды животных ароматов. Природа еще не поведала моей специальности всех своих тайн.

Они шли среди великолепных осенних цветов.

Таинственные духи ароматов, которые в Грассе, залитом лучами весеннего солнца, поднимались на воздух, словно стая бесчисленных птиц, здесь, в Иль-де-Франсе, как бы тихо опускались с распростертыми крыльями, чтобы, коснувшись земли, умереть.

Таинственный сумрак ночи, начинающаяся агония листья, предсмертное великолепие последних цветов нежно и властно сливались с сырым дыханием земли.

На всем пространстве от леса до сада таинственно-могущественный аромат неограниченно властвовал над людскими чувствами.

— Феодальная система, которой придерживались грасские промышленники, — сказал Тис, — в продолжение сорока лет угнетала крестьян. Я буду справедлив и этим увеличу рабочую силу. Приморские Альпы, Корсика и Марокко, обращенные в плантации растений

для выработки эссенций, удовлетворяют только самые настоятельные потребности французской парфюмерии, в настоящее время слишком нуждающейся в цветах.

Он спросил, для него ли работают сборщики семян, сидящие на корточках на участке, засаженном низкорослыми растениями.

Женщины и дети сидели или стояли на коленях, исполняя медленную работу за месячную или поленную плату. Поштучный расчет был неприятен при этом сборе семян, так как некоторые собирались в своих оболочках до выпадения, а другие прямо с земли. Самые легкие для сбора были те, которые срезались вместе со стеблями и молотились подобно злакам, что делалось механическим путем под одним из навесов. В нескольких шагах от быстро вращающегося ремня, приводящего в движение колесо молотилки, два человека с седыми волосами медленными движениями молотили на вымощенном дворе семена, насыпанные в мешки и слишком мелкие и легкие для молотбы на вольном воздухе. Это напоминало древний способ работы ударами палок. В незапамятные времена, тысячи лет назад, рабы, подгоняемые ударами бича, точно так же молотили деревянными цепями колосья и стручья. Трое работников стояли в ряд на необработанном поле и вонзали в землю блестящее железо своих широких лопат. Обер высказал по этому поводу свое удовлетворение:

— Это лучший способ работы. Лопата превосходит плуг, приводимый в действие силой животного, а также все механические способы обработки. Земля не может быть так хорошо вспахана машиной, как руками садовника, который разрыхляет ее очень равномерно, не рассыпая и не оставляя на поверхности сухих комков, как это делает тяжелый трактор. Верно направленный удар заступа раскалывает и раздробляет верхнюю часть,

встряхивает и расщепляет нижнюю; таким образом, влага имеет свободный доступ к корням.

Среди прекрасной обстановки этого научного питомника труд человека применялся в своей первичной форме: в виде ручного труда. Начиная от сидящих на корточках сборщиков семян и кончая молотильщиками, смиренен был лик труда, воплощенный в человеке, склоненном над цветущей землей. Люди, собиравшие семена, находились на уровне низкорослых растений. Недостаточно было бы для этой работы сгибать колена и спины: надо было приблизиться к земле насколько было возможно человеческому телу, чтобы собирать мельчайшие семена, уже созревшие и упавшие между бугорками на земле. За исключением нескольких стариков, нельзя было найти мужчин для этой кропотливой работы. Делали это женщины и дети, сидевшие в куче, как испуганные животные на земле, которая носила на себе богатство Бергидонов, являясь их феодальной собственностью, переходившей по наследству к старшему в роде. В продолжение ста восьмидесяти лет Бергидоны расширяли свои владения, с каждым поколением увеличивая свое могущество. В среде крупных французских собственников эта семья садоводов-феодалов, живших столетними традициями, была единственной в своем роде. Первый преискурант фирмы был помечен 1743 годом.

— Семена, сбор которых вы видите, — сказал Обер Тису, — не те, которые мы вам поставим. Мы вырабатываем здесь только семена, идущие для изучения в лаборатории и которые мы продаем земледельцам Франции и иностранцам для получения от них торговых семян в большом количестве. Наши инспектора ездят проверять работы по всем странам. Вот резеда, которую мы засеваем в Египте.

«— Душистое растение должно получить большое значение во французском садоводстве. Мы изучаем

итальянский жасмин, чтобы получить более сильную ветку. Роза Грасса не ремонтантная. Она цветет только в мае. Мы, может быть, найдем сорт, дающий два цветения, что удвоит производство эссенций.

Столетние деревья редких пород, экземпляры которых были привезены во Францию, вырисовывались перед дубовым и каштановым лесом и своим колыханием напоминали леса других частей света: конус американского bigtree ¹⁾, кедра с горизонтальными ветвями. Под странными очертаниями этих деревьев, сельская церковь покорно склоняла свою колокольню, крытую солнцем и увенчанную железным крестом, напоминая молитвенную позу крестьянок, собирающих семена.

Нежный, благодаря облакам, свет озарял эту влажную местность цветов.

Солнце, затуманенное испарениями, не пекло растений, как в садах Грасса и в долинах, бедных водой.

Колокольчики розовой петунии, колыхаясь, как бы перезванивались. Шпажная трава разрезала своими зелеными лезвиями приятный ветерок. По ту сторону строгих и задумчивых георгин, пахучая герань распространяла слегка подкисленный аромат роз. Поле настурций пестрело всеми цветами и напоминало причудливую шаль, вышитую для счастливой женщины. Бассейн, наполненный водой, оживлял окружающую местность.

Зелень и цветы улыбались своей грядущей смерти и тихо подкрадывавшейся к ним зиме. Ветер, разрывая облака, высоко носился в воздухе. Красные маки с бледно-зелеными, тяжелыми листьями, освещенные отвесными лучами солнца, отсвечивали золотым отливом. Грозди ярко-красных томатов густо росли на

¹⁾ Большое дерево. (Прим. перев.)

своих торчащих прямо подпорках из посеревшего дерева.

Глядя на роскошные цветы, с их бесконечным разнообразием ароматов и красок, Тис высказал вслух свои надменные мечты:

— Я хочу занять первое место в мире по части разведения ароматических растений. Грасс придерживается рутины. Пришлите мне семена. Я создам поля роз, такие же обширные, как в Болгарии, и нежнее, чем в Приморских Альпах. У меня будут в самых лучших солнечных местах земли для опытов над всеми растениями, способными дать нашей парфюмерии новый оттенок. Я заново переделаю эту отрасль промышленности, которая существует уже тысячелетия. Дайте мне ваши знания о растительности и химических составах; я из тех, кто не останавливается в своих изысканиях.

Он окончил свою горделивую речь уже в машине, которая покатила по лесной дороге, господствовавшей над красивой местностью, покрытой розами и садами. Великолешие владений Кольбера, занимавших в свое время всю округу, сохранялось еще в расположении парков и в изяществе белого замка, стоявшего на зеленом косогоре, окруженном вековым лесом. Деревья Орлеанской дороги, выстроившиеся в ряд, видны были вплоть до полосы тумана, из которого на расстоянии двадцати километров обрисовывалась башня Монтлери.

Машина спускалась по извилистой дороге, ведущей к Робинзону, — месту балов и верховой езды. Молодые девушки, ехавшие на ослах, подгоняли своих ленивых животных уговорами и угрозами, чтобы заставить их подняться на гору. Эме Коко ехала первой в этой скромной увеселительной прогулке за город: была суббота, и молодые девушки, согласно закону, установившему «английскую неделю», в послеобеденный час были уже свободны.

Роскошный мотор Тиса остановился перед осликом с большими черными глазами, которого молодая девушка немилосердно била каблуками по его грубым бокам. Юная работница узнала через стекло автомобиля своего хозяина, погруженного в честолюбивые мечты.

У взволнованной девушки вырвалось слово, которым она формулировала все свои волнения и восторги:

— Ах, дерьмо!

Это был ее обычный крик злобы, радости или любви; она выражала этим все разнообразие своего резвого ума и всю свою жажду добра.

В мастерской упаковки пудры Эме Коко на другой день оправдывалась:

— Это был крик сердца,—и с некоторой гордостью продолжала:

— Я сказала хозяину «дерьмо». Не знаю, слышал ли он, потому что его мотор гудел, а ослик мой пердел со страху, но все-таки не найдется ни одной из вас, которая могла бы похвастаться тем, что остановила мотор этой обезьяны и сказала бы ей комплимент почище кокосового ореха.

Довольная тем, что начала свой день шуткой и насмешила своих товарок, она прибавила:

— Это меня так взволновало, что я потеряла свой кошелек.

Одна из товарок пожалела ее:

— Сколько же у тебя там было?

Эме Коко ответила ей:

— Портрет моей задницы и три франка, чтобы вставить его в рамку.

Девушка, попавшаяся на эту старую удочку, смеялась вместе с другими.

Эме Коко теперь очень усиленно работала, ускоряя грациозную живость своих пальцев, чтобы зарабатывать двенадцать франков в день, плату, которую Мартель

устанавливал в зависимости от числа выделанных штук и от стажа. Он увеличивал плату на два процента работницам, пробывшим на заводе год, на четыре процента — пробывшим более двух лет, и на шесть процентов — свыше трех лет.

Как человек, привыкший управлять другими, он делил весь персонал на две категории, в зависимости от характера: на охотно подчинявшихся и ненавидевших подчинение. Он знал, что нельзя было ограничиваться на заводе одними только покорными; ему надо было прежде всего убедиться в знании ремесла, а не в кротости характера, так как он очень любил хорошую работу. Он считал необходимым руководить своими рабочими не столько строгостью, сколько пониманием их характеров. Он говорил, что женщины предпочитают авторитет уму. Всегда озабоченный своими обязанностями, он был весьма опытен как в общем управлении заводом, так и в композиции ароматов, вроде того, который он изучал выпариванием на полосках из пропускной бумаги. Он относился к Тису с ревностью практика, желающего присвоить себе все лавры работы, но вместе с тем, он до такой степени был ему предан, что отвечал как на личное оскорбление всякому, кто осмеливался дурно говорить о патроне.

Мартель, уже сорок лет работавший в парижской парфюмерии, начал свою деятельность учеником в фирме, еще перегонявшей красную розу, которую культивировали на холмах Пюто и продавали на рынках. Он также перегонял цветы померанцевых деревьев Трианона, что было очень трудно, так как они часто доставлялись в Париж увядшими и почерневшими, в те времена, когда не было быстрой перевозки на автомобилях. Он фабриковал простые духи при помощи только одной эссенции бергамота или лаванды, и не раз сталкивался, как и все прежние работники, с затрудне-

ниями, вызванными модою на смеси и туалетные воды высшего качества, которые создали прочность больших фирм. Каждый мог продавать духи розы или гвоздики, прибавив несколько капель эссенции в спирт, но рецепты букетных запахов и туалетных вод не так легко было приготовить, и Мартель вспомнил с чувством огорчения о тех из них, которые ему не удавалось в точности воспроизвести. «Сад моего кюре», Герлена, стоил ему немалых трудов. Он говорил:

— Можно делать хорошие духи каждые два года, а дурные каждый день.

Он упрекал грассовцев в том, что они всегда облегчают работу клиента, продавая растворы. Они сбивают в спирту душистые жиры и растворяют смолы для того, чтобы парижским парфюмерам оставалось только брать готовые капли.

Тис предпочитал покупать сгущенные помады и эссенции, а не спирт, смешанный с надушенным свиным салом, и растительный воск, обработанный керосином. Он любил, чтобы сбивание производилось на его заводе, и говорил:

— Тогда я уверен в том, что имею.

Мартель, в блузе из белого полотна, работал в лаборатории, в углу препарационной, откуда он мог видеть стеклянный двор и товары, собранные для отправки во все части света. За его спиной стояли расставленные в порядке экзотические и грасские сосуды: медные кувшины с бергамотом и лимоном из Сицилии; китайский бадьян в свинцовых бутылках, погнутых от толчков во время дальнего путешествия; амбра по пятнадцати тысяч франков кило, представляющая не что иное, как экскремент кашалота; цибета, или слизь виверы, продукт течки животных, пахнувший любовью. В белых стеклянных вазах находился сиамский росный ладан в шарах и другой сорт, более тонкий, — в каплях.

Эссенции, стоящие дороже золота, спрятанные в этой комнате, наполненной сокровищами ароматов, выносились отсюда только в разбавленном виде для приготовления смесей. Флакон с зеленой жидкостью носил надпись: «Чистая фиалка 100%».

Из деревянного ящика с китайской надписью Мартель вынимал мешечки с мускусом, похожие на почки. Некоторые имели оттенок синей сливы и аметиста. Парфюмер строго проверял их и находил иногда кровь кабарги, положенную вместо пахучих выделений. Весь свет подделывал это редкое вещество, которым женщины душились уже тысячи лет.

На полу стоял сосуд из-под бурбонской герани, открытый стамезкой. Мартель открыл удивительную хитрость, поразившую даже его, старого, опытного в своем ремесле человека, думавшего, что он знает все приемы обмана, столь часто встречающиеся при поставках дорогих предметов и служащие доказательством жадности людей всех рас, начиная с жителя Тибета, подкрашивающего мешечки мускусом, до грассовцев, подделывающих цветочные экстракты при посредстве химических продуктов. Жестяной бидон, сделанный из целого куска с припаянным дном, доставлялся закупоренным и с сургучной печатью, при взгляде на которую можно было убедиться в целости и поверить, что эссенция была неприкосновенна с момента закупки.

Мартель, хорошо осмотрев наружный вид жести и закупорку, не заметил даже сквозь лупу никакого взлома. Он вскрыл бидон и узнал еще один ловкий способ человеческого обмана: спайка, соединяющая дно со стенкой, была пробита и в ней были сделаны две крошечные дырочки; из одной выливалась жидкость, а в другую входил воздух; таким образом, сосуд наполнялся и опорожнялся без взлома сургучной печати.

Вторичная спайка по всей окружности скрывала отверстия, следы которых можно было заметить только на внутренней стороне сосуда.

Для того, чтобы увидеть их, надо было вскрыть и опорожнить бидон, чего и не думали делать покупатели, удовлетворявшиеся целостью печати на пробке.

Мартель еще не сказал никому об этом открытии. Он никогда не спешил торжествовать и приберегал свои успехи для тех дней, когда патрон сердился и кричал.

Он был теперь увлечен усовершенствованием новых духов, на которые он возлагал большие надежды. На столе у него стояло много склянок, точно расположенных, так как, будучи одинаково методичен в большом и малом, он выстраивал склянки в зависимости от той или иной дозировки, наблюдая за ними в течение двух или трех месяцев, чтобы узнать, произошла ли кака-нибудь химическая реакция.

Он ежедневно нюхал полоски из пропускной бумаги, обмоченные в опытные духи. Полоски были утверждены на стержне, благодаря чему они хорошо проветривались с обеих сторон. Мартель вставлял их еще в горлышко флакона между стеклом и пробкой, что было его старой привычкой практика, имевшего в своем распоряжении мало инструментов. По ним он судил, насколько изменился запах в течение двадцати четырех часов, к моменту, когда последняя эссенция, его составляющая, улетучилась.

На второй день после того, как новые духи были выставлены на открытый воздух, Мартель открыл в них какую-то горечь, несомненную для его сильного и внимательного обоняния. Он старался установить причину, не читая формулы, бывшей перед ним и заключающей в себе тридцать две эссенции, составлявшие этот букет. Ему не надо было вспоминать их. Для

него было достаточно только понюхать духи, чтобы распознать все, что они в себе содержат. Этот горький вкус был альдегидом и должен был происходить от амила.

Мартель хотел уничтожить острый запах, не портя духов. Он был доволен этим маленьким недостатком, чтобы объявить это Тису, который этого не заметил.

Всю свою жизнь Мартель размышлял о духах. Он занимался во время своего хождения по улицам тем, что смотрел и обнюхивал людей. Он удивлялся дурным духам на красивых девушках. Грубость запаха на красивой особе шокировала его, как грубая одежда. Элегантно одетая женщина ему казалась в рубищах, если она была скверно надушена.

Мартель думал только о своем ремесле. В политике он видел лишь то, что способствовало послушанию или вызывало неподчинение его персонала. Успех социалистов был ему неприятен, потому что он предвидел некоторые новые затруднения в управлении своими рабочими. В области техники — он негодовал на грассовцев за то, что они поставляют нечистые продукты: «Хуже всего не то, что они выдают восточную розу за французскую. Они поставляют своим лучшим клиентам свои лучшие эссенции, но даже в этих эссенциях нет ничего беспримесного. Раз они подделывают свой товар, я просил бы их оказать мне честь и сообщить, как они это делают. Мое ремесло заставляет меня по необходимости прибегать к подделкам для того, чтобы поддерживать аромат, но грассовцы обманывают в невозможной пропорции. Это принуждает меня делать исследования. Я чувствую здесь запах жасмина и нападаю на все семейство бензойного спирта, уксусную кислоту, маслянокислый бензил. Я хочу положить правильную пропорцию, — эта же эссенция содержит много скрытых примесей».

Тонкость его обоняния помогала ему бороться с обманом, встречающимся на каждом шагу в этой отрасли промышленности. Он мог удачно определять как простые ароматы, так и самые сложные. Он составлял композиции, где закрепляющие выделения животных, мускус и амбра были заменены перуанским бальзамом или толуанским; он комбинировал смолы, действующие на эссенцию, как лак на краску, приклеивая аромат к платку или к коже для того, чтобы предоставить ему развиваться лишь медленно.

Он дозировал букеты эссенций, стоящие гораздо дороже драгоценных металлов; он держал в руках сокровища и иллюзии, все богатство и все подлоги магии ароматов.

Он неустанно носился с мыслью о создании чего-нибудь неожиданного в этой области. Миллионы смесей были возможны: стоило изменить на один грамм какой-нибудь элемент данной эссенции — и менялся весь аромат. Однако, крупные фирмы имели, в лучшем случае, десяток рецептов — в результате миллионов экспериментов.

Несмотря на знание громадного количества комбинаций, Мартель не давал никогда себе отдыха, продолжая свои изыскания.

Старые практики научили его еще в молодости элементарному порядку рецептов: укреплять аромат цветов при посредстве вспомогательных запахов; класть рядом с дорогой эссенцией посредственную, герань подмешивать к розе, а в настоящее время химические экстракты к натуральным; прибавлять мускус, чтобы закрепить все, затем — растворитель мускуса: бензойную кислоту. В течение тридцати лет он записывал в тетрадь все формулы старой и новой парфюмерии, но это знание не удовлетворяло его. Он всегда надеялся, что найдет неизвестное. Он жаждал одной только

славы: изобрести новый рецепт, получить небывалое еще соединение веществ. Он был восхищен своим ремеслом и неустанно стремился ко всякого рода улучшениям. Он преклонялся перед ароматом и авторитетом. Следующее, что занимало его мысли после вопроса об усовершенствовании производства, была задача управления персоналом.

Девочки из Обервилье охотно нанимались на парфюмерную фабрику. Их любовь к хорошо пахнущим веществам обеспечивала Тису широкую возможность набора работниц: девочки тринадцатилетнего возраста получали по три франка пятьдесят в день, в четырнадцать лет — по четыре франка пятидесяти, и каждый год им прибавляли по одному франку в день, так что в восемнадцать лет они могли зарабатывать по восьми франков с половиной.

Девушки без определенных занятий, из коих некоторые на военных заводах обтягивали полотном части аэропланов или нарезали болванки для 75-миллиметровых снарядов, здесь партиями по четыре человека наполняли и украшали флаконы. Самые ловкие назывались жонглерками, в том числе и Эме Коко, в девятнадцать лет назначенная заведующей столом.

Она обладала редким у женщины качеством: весело отдавать приказания.

Старшие надсмотрщицы, получая сверх заработка в восемь франков пятьдесят сантимов, были часто безжалостны к своим товаркам, тогда как Эме Коко шутливо разговаривала с ними:

— У тебя грязная блуза. Тебе дают четыре метра серого холста, чтобы ты сшила себе блузу. Если ты хочешь иметь перемену, то купи себе ткань по два франка девяносто. Ты думала, может быть, что, придя сюда, ты получишь бальные платья? Когда хозяин раздает вещи, сверх ежедневной платы: нам — блузы,

мужчинам — фартуки, это называется филантропией. Пеняй на себя.

Завод не допускал исключений в манере одеваться на работе.

Девочки четырнадцать лет, скоро изнашивавшие одежду при переноске ящиков и пачкавшие ее при наполнении флаконов, стирали свои единственные блузы каждую субботу, чтобы снова надеть их в понедельник.

Эта скупость в распределении рабочей одежды свидетельствовала о разумном отношении заводоуправления к вопросу об общих издержках производства. Отпускать раз в год немного ткани каждой работнице было достаточно, чтобы требовать от нее форменной одежды. Эме Коко находила, что есть способ, могущий дать еще большую экономию. Она говорила:

— Будь я на месте хозяина, я дарила бы вам только образчик: ленточку серого цвета для волос.

Она старалась быть снисходительной к девушкам, которые опаздывали, но это было затруднительно. Одна минута опоздания отнимала у работницы полдня. Она теряла право садиться за работу на свое место и могла возобновить ее только после свистка в половине второго. Заводская дисциплина не допускала исключений для девушек, пришедших из Ренси, Гардана, Павильон-Су-Буа. Опоздание на поезд вынуждало их проводить утро в кабачке, тогда как девушки, живущие в Обервилье и не допущенные на завод, возвращались домой заниматься хозяйством.

Старые работницы фирмы Тиса говорили:

— Мужчины стали более властными и взыскательными, чем до войны; видно, что они были солдатами.

Летом, когда Мартель проходил по мастерской, Эме Коко тихо напевала:

Угости хоть вином, коль уходишь...

— Из бидонов, наполненных мятной эссенцией, можно было бы взять по одной капле в день для каждой из нас и подарить нам литр воды. Но здесь приходится наслаждаться одними запахами, а пить нам нечего.

Берта Равизе была всегда одного мнения с Эме Коко, которой она высказывала свое одобрение улыбками и подмигиванием. Она казалась очень застенчивой, что Эме Коко за ней отрицала, говоря:

— Ты выходишь замуж за забойщика; тут уж надо уметь не давать спуску... Такой человек должен быть ужасен.

Она отвечала нежным голосом:

— Он страшно мил.

Благодаря своим связям на бойне, она разделяла с Эме Коко хорошие куски мяса, купленные на розничном аукционе знатоками первоклассной провизии.

Берта Равизе была молчалива и не говорила, как Эме Коко, грубых слов, но у них были одни и те же взгляды на жизнь. Она возмущалась девушками, которые ранее года после смерти матери выходили по воскресеньям в цветных платьях. Носить траур, украшать могилы, венчаться в белом — было для них чем-то священным и равно непреложным, как для любительницы посквернословить Коко, так и для застенчивой Берты, работавшей раньше на ниточной фабрике, где при найме работницу спрашивали: «Были ли вы у первого причастия?».

Тактика Мартеля, стремившегося очистить завод от пропагандистов-синдикалистов, заключалась в предложении им трудной работы, а не в упреках в их политических убеждениях. Он перебрасывал беспокойных работников из одного отделения в другое, чтобы воспользоваться их оплошностью, естественной при новой работе, как поводом к увольнению. Свободомыслящие должны были быть очень искусными работниками, чтобы

долго оставаться на заводе. Тяжелее всего было справиться с лучшими работницами, удачно преодолевавшими все трудности. Таким образом, хотя Мартель в результате своей тактики создал малопокладистый персонал прекрасных технических исполнителей, он никогда не уволил бы женщину, хорошо знающую свое дело. Он не признавал большей добродетели, как быть хорошим работником.

Эти мысли занимали ум Мартеля, в то время как он возился с дозировкой нового состава духов, от которых он ожидал большого успеха, ибо никогда в этом не ошибался, обладая способностью предчувствовать, как отнесется женщина к новому товару.

Собираясь пустить в работу значительное количество материала, он вычислял, сколько понадобится кило тех эссенций, которые в рецепте были означены в граммах, начиная с нежных запахов, —

*Персик,
Апельсин,
Жасмин,
Роза в сухом виде,
Герань Бурбонская,
Фиалка,
Смородина,
Гвоздика,
Сельдерей, —*

и заканчивались сильно пахнущими:

*Мускус основной,
Мускус-фиксаж,
Свиной жир.*

Самый восхитительный запах закреплялся только при помощи испражнений козла или рыбы, каковы мускус и амбра, или составленных химически, как син-

тетический скатоль по шести тысяч франков кило, являющийся вытяжкой нечистот и образующий еще более сильный закрепитель, чем цибет.

Цветок, аромат которого был заключен во флаконе, черпал, как и в природе, всю свою силу в навозе,

Обходя завод, Мартель проверял запасы материалов и порядок работы; высокое качество фабрикатов было обеспечено алкоголем на двадцать пять лет вперед: крепкой водкой, очищенной от всякого запаха посредством ректификации. Эта масса содержалась в луженых медных резервуарах. Мастерская смесей находилась в подвальном помещении и была снабжена насосами. Электрический свет непрерывно горел в выложенном белыми плитами погребе, где приемники вместимостью в пятнадцать тысяч литров носили надписи духов, которые на заводе назывались четырьмя тенорами, так как на них, главным образом, зиждился успех фирмы Тиса:

*Амбра волхвов,
Аромат идола,
Любимые цветы,
Розы.*

Составы, предназначавшиеся для изготовления не столь ходких товаров, хранились в маленьких сосудах. На выстроенных в ряд цилиндрах из красной меди ярлыки, набранные черным шрифтом, гласили:

*Настой цибета,
Тинктура ветиверии.*

Пахучие тела размачивались в выдержанном алкоголе, причем уровень жидкости можно было всегда определить по стеклянной трубке. Система труб, проведенных ко всем бакам, установленным в этом длинном подвале, уходила под чисто выбеленный потолок. Только одну категорию жидкостей переносили ручным способом. Это были первоначальные смеси, составленные в зале, где приготавливались эссенции. Люди, специально обслуживавшие этот спиртовой погреб, наливали их в дозированный алкоголь, что сразу образовывало законченный продукт.

Опорожнение и наполнение производилось без посредства кранов, могущих пропустить воздух, так как почти не приходилось опасаться утечки или пожара. Все операции совершались при помощи сжатого воздуха, продвигавшего по медным трубам воспламеняющуюся жидкость. Ни одна капля приятно пахнущих растворов не могла ускользнуть из этой системы сообщающихся сосудов, функционировавшей при посредстве насосов, подымавших законченные продукты в разливное отделение.

Завод был минирован алкоголем, как парфюмерия Грасса — бензином. Аромат жил как бы на вулкане. Он таил в своей нежности алый лик пламени и всемогущество смерти. Люди, работавшие в подвале, жили спокойной жизнью крыс в хорошо пахнущем стоке. Объявление: «Курить воспрещается» вынуждало рабочих ограничиваться одним лишь жеванием табака, напоминая им, что одна искра может взорвать на воздух всех рабочих завода, а их было восемьсот. Обездоленные курильщики предупреждали друг друга о приближении Пти Пуа, знакомого с устройством всех кранов и труб так же хорошо, как и они сами. Мартель не верил тому, что можно одними распоряжениями управлять рабочими. В основу своего авторитета он пола-

гал возможность в любой момент показать подчиненному: «вот как следует работать». В упаковочной он учился собственноручно складывать бумагу и пытался установить приемы, помогающие выполнять это скоро и точно; но если в деле опораживания баков он умел научить рабочего обращению с кранами, то при попытке показать работницам, как надо украшать флаконы, он заставлял прыскать со смеху Эме Коко, обладавшую поистине окрыленными руками и умевшую находить без посторонней помощи то, что Мартель называл методом, а она — фокусом.

Тис упрекал своего директора фабрики в том, что ему доставляют удовольствие эти мелочи, но Мартель проявлял в этом отношении упрямство человека, гордящегося знанием своего ремесла. Быть менее искусным в деле, чем молодой рабочий, очень огорчило бы его.

Он не сделал никакого замечания в подвале, где все было в порядке и где стеклянные трубки указывали на уровень, точно сходявшийся со сведениями о наличии материала. Благодаря моде на светлые духи, все жидкости были бледного цвета.

Мартель помнил старые темные составы на перуанском бальзаме и на росном ладане. По его мнению, самые темные духи нынешнего времени считались бы прежде самыми светлыми.

В погребе с настойками большие стеклянные флаконы, с короткими горлышками, выстроенные в ряд на полках, согласно аптекарской симметрии, содержали в алкоголе, взбалтываемом каждый месяц в продолжение шести лет: мускусную траву, пальмовые семена, мускус и амбру. Шум турбин, взбивающих с алкоголем душистые помады Грасса, нарушал тишину подвала, где слабо постукивали насосы.

Взбалтывание продолжалось сорок восемь часов для получения первого настоя из надушенного жира, из

которого это промывание не вполне извлекало весь аромат; второй настой давал алкоголь, годный для туалетных вод и умываний. Дважды прошедшая через турбины помада, была еще настолько пахучей, что ее употребляли для приготовления тонких мыл.

Замороженные в охлаждающих машинах процеженные духи оставляли на фильтрах маленькие кусочки жира, еще удержавшегося в жидкости. Совершенство ремесла заключалось в замораживании на уровне температуры, соответствующей самой низкой температуре стран, приобретающих товар.

Устраивали зиму в бутылках для того, чтобы, находясь на холоде, духи не теряли вида. Замороженный одеколон оставался прозрачным на витринах даже в тех городах, где зима достаточно сурова. Замораживание должно было быть различно для Аргентины или для России.

Освободить жидкость от последней жирной мути было возможно только посредством фильтража при двадцати градусах холода; об этом упоминалось в преискуранте, но в действительности замораживание никогда не производилось при температуре ниже шести градусов, чего было совершенно достаточно для духов, продававшихся в хорошо отапливаемых помещениях.

Тис говорил:

— Порядочные покупательницы не посещают магазинов, в которых у них может покраснеть нос.

В подвале, наполненном инструментами и дорогими материалами, несколько человек наблюдало за душистой жидкостью, годами находившейся в покойном состоянии или подталкиваемой сжатым воздухом наверх, где девушки наполняли ею хрустальные флаконы.

Мартель, очень довольный, что новые духи, успех которых он приписывал лично себе, поступили в разра-

ботку, не выказывал, однако, такой явной радости, как та, которую он вдруг заметил на лице Геркеля; химик сиял от счастья, которое ему доставило удачное окончание его опыта над омолаживанием человеческой кожи. Скулы Геркеля носили на себе следы химических исследований и веселья; щеки его, густо намазанные препаратом, составлявшим его гордость, розовели от радости.

— Мои опыты положат конец употреблению мазей и пудры. Я заставлю радиологию служить нуждам парфюмерии. Я начну со светящейся краски, радиоактивной мази, которая сообщит человеческому лицу электрический блеск и придаст коже необыкновенную жизненную силу. Затем я увеличу силу эссенций. Радий умножает до бесконечности энергию всего, до чего он касается. Экстракт розы, насыщенный им, будет по интенсивности и по длительности во сто раз сильнее чистого экстракта, детерпенированного моим способом, на который фирма взяла патент.

«— Я начинаю с продукта, все составные части которого пропитаны кислородом и являются единственными элементами, содержащими в себе аромат; я выключил углеводородистые соединения, терпены, смолу и воск. Затем я получил добавлением радия вечный аромат.

Ученая фантазия Геркеля увлекла его далеко за пределы всего, чем на протяжении веков обманывали своих клиентов представители этого ремесла; по сравнению с нею робкой была мечта Мария Сенекки, химика фирмы Ксавье Массьера, увлеченного страстью найти жидкий удвоитель эссенций.

Мартель был совсем не в восторге от этого открытия.

— Это будет не первый случай, что умный и знающий человек разорит хорошо поставленное дело. Мы зарабатываем восемь миллионов франков в год, прода-

вая краски, пудры, кремы и умывания. Если мы, благодаря вашему изобретению, перестанем производить эти продукты, мы потеряем восемь миллионов, еще не зная, что мы можем получить взамен утраченного. Женщины любят класть разные косметики на свои лица. На ваше новшество они ответят, что знают гораздо больше всех химиков на свете, и сохраняют свою привычку, которая состоит в том, чтобы красить кожу, а не придавать веру вашим лекарствам.

Геркель не рассчитывал натолкнуться на такую рутину. Он стал обдумывать, как бы предложить свои работы Французскому Обществу Радия.

Гудок, дававший знать об окончании работ, заставил его пробудиться от размышлений. Он отстранился от выходной двери. Он не любил рабочих и жаловался, что должен был жить около завода, среди людей, которых он называл: «картузниками». Рауль, забойщик, влюбленный в Бертю Равизе, носил всегда фуражку с козырьком, а его подруга ходила без шляпки, не скрывая своих прелестных волос белокурого цвета. По воскресениям зимой она надевала шляпу с пером, а летом — с цветами. Когда молодые люди отправлялись на прогулку, за Курнев, они возвращались оттуда, обменявшись головными уборами: забойщик в женской шляпке, а Берта — в мужской фуражке на своих белокурых волосах.

Благоразумная Эме Коко одобряла только прогулки, совершавшиеся большой компанией, и говорила:

— Чем больше народу, тем меньше делается глупостей. Если бы ты уединилась со своим дружкой, твоя мать не обобралась бы забот.

На это Рауль отвечал:

— Я способен и наедине уважать свою невесту.

Этот двадцатипятилетний мужчина, убивавший

животных, обожал эту маленькую девушку и часто приходил за нею к моменту выхода из завода.

Работницы шли по шести человек в ряд, насколько позволяла ширина тротуара. Это были товарищеские отношения, созданные работой в одной и той же мастерской или проживанием в одном и том же квартале. Неспособные к профессиональной солидарности мужчин, так как они в огромном большинстве не входили в рабочие синдикаты и непрерывно соперничали между собой, они вместе с тем испытывали как бы физический стыд одиночества. Те, которые не шли с мужчинами, держали под руку других девушек. Цепь их локтей мешала проходить рабочим, двигавшимся скорее поодиночке. Каждая из них носила на себе следы и запах своей профессии: мешечницы и картонажницы были запачканы клеем; у занятых выделкой пудры были белые ресницы, у флаконщиц — надушенные руки.

Тис, которому поклонился Превель, содержатель живодерни, был весьма вежлив с этим собственником земель, прилегавших к его заводу, которые он хотел купить; Превель, обходительный человек, одетый в черное, заговорил с ним, медленно выговаривая каждое слово. Лицо его казалось образчиком его товара, так как было мертвенно бледно с красными прыщами. Пудра Рашель подошла бы к этому трупному цвету лица. Тис, не рекомендуя специально этот предмет, заговорил о своем производстве:

— Я расширяю свои помещения. Дело, которым я занимаюсь, дает возможность разбогатеть, не разоряя никого.

Живодер, с кожей, напоминающей друшлаг, выразил такое же притязание:

— Я также. Мой промысел, как и парфюмерное производство, прогрессирует только при условии общего

благополучия. Мои дела идут прекрасно, когда население хорошо питается, а ваши — когда оно ухаживает за своим телом. Уже два года, как я получаю довольно много птиц, что является признаком богатства.

«— Продавцы птиц продают мне попорченный товар. В периоды процветания едят много мяса, а также употребляют много духов. Немного тяжелый запах моего завода служит указанием на французское богатство, как и прелестное дуновение вашего. Чем больше режут скота в Ла-Вилете, тем больше я получаю забракованных туш для употребления в пищу, так как пропорция почти всегда неизменна в гурте. Я получаю еще большие взятки с мясников. Так мы называем остатки. В период общего благополучия розничный торговец, как следует, отделяет каждую порцию и продает котлету с очищенной косточкой; получается остаток, который поступает безвозмездно в наше распоряжение. В период бедности клиент хочет получить необделанную котлету и пожирает все, жир и мясо.

Тис заговорил:

— Парфюмерия не предмет роскоши. Она демократизировалась. До войны работница покупала коробку рисовой пудры, платя за нее от тринадцати до пятнадцати су, а теперь уплачивает за нее десять франков. На-лицо повальное увлечение духами, но публика стала разбираться в них лучше, чем прежде. Дешевый товар не в ходу. Франция начинает ценить блага гигиены. В былые времена крестьяне мылись только, когда шли бриться, чтобы мыло цырюльника не оставляло белого следа на фоне грязных скул и шеи. Они отдавали ежедневную дань чистоте лишь тем, что обтирали глаза и потом шли на работу. Теперь гораздо большее количество людей чистит зубы. Обратите

внимание, сколько места занимает в газетах реклама зубных средств: воды, пасты, мыла.

Живодер еще раз похвалил свое ремесло.

— Вы — гигиенист. Я также. Чем больше вы фабрикуете зубных препаратов, тем больше спрашивают у меня костей для ручек щеток. Торговля конским мясом принесла нам вред. Мы теперь почти не занимаемся лошадьми. Раньше, когда еще не употребляли в пищу конины, долго лечили больных лошадей и возились с ними до тех пор, пока они не делались годны только для живодерни. Теперь, как только лошадь захромает, ее продают мяснику, что гораздо выгоднее, чем звать ветеринара. Мне не хватает костей. Германия и Швейцария поглощали очень много французского сырья для нужд щеточной промышленности. В настоящее время Франция покупает такое же количество, как и за граница.

Полуденная толпа все еще двигалась по улице: работницы парфюмерной фабрики Ливера и К^о шли за работницами Тиса; затем прошли девушки с ниточной фабрики и хлопчато-бумажной; рабочие с фабрики свинцовых белил, подверженные влиянию свинца, и рабочие спичечной фабрики, подверженные влиянию фосфора; затем рабочие дурно пахнущих промыслов, имеющие дело с органическими веществами, керосином, выгребными ямами и свалками, наконец, работницы рафинадного завода, с истертыми пальцами, пользующиеся репутацией дерзких на язык и прозванные сахарными грызуньями. Перед вежливо беседующими хозяевами проходила могучая армия слабых.

Промыслы, имеющие дело с нечистотами, распространяли запах скатоля, основу хороших духов. От завода Превеля несло тем же запахом, как и от банки с цибетом. Затхлый запах навоза и падали не менее стойкий, чем аромат цветка, господствовал над прият-

ным дуновением драгоценных эссенций. Обервильская зараза обладала такой же силой, как нежный запах жасминных садов Грасса.

Превель пригласил Тиса приехать ловить форель в его пруде на Уазе:

— Я кормлю их мясом падали. Форель подобна свинье: напичканная падалью, она делается жирной и нежной.

Он похвалил забавную сторону своего промысла. Хорошенькая женщина ухаживает за собой, принимая гемоглобин и аптекарские продукты, извлеченные из крови животных, убитых на бойне. Ручка ее зубной щетки сделана из берцовой кости лошади и она любит форель, которую кормят вонючим мясом.

Тис не считал нужным распространяться о секретах своего ремесла, но воздал должное своей клиентуре:

— Красота женщины оказывает такое же влияние на торговлю, как вода и солнце на растительность.

Тис читал все письма, получаемые от клиенток.

М. Г.

Лавиза. Гардское озеро.

Позвольте объяснить вам все недостатки моего цвета лица, чтобы вы могли сказать мне—должна ли я употреблять все Ваши косметические изделия или же только некоторые, и каким образом: утром, вечером или предпочтительнее среди дня.

У меня жирная, блестящая кожа и в уголках носа всегда скопляются салые выделения, несмотря на то, что я тщательно обмываю его несколько раз в день вяжущей водой, перед тем как накладываю крем и пудру. Что меня более всего огорчает, это то, что с некоторых пор, может быть вследствие того, что продукты не подходят к свойству моей кожи, она вместо того, чтобы улучшаться—портится все более. На щеках поры очень открыты, под глазами начинают образовываться морщины. Думаете ли вы, что я могу приобрести мою прежнюю свежесть...

М. Г.

Брив. (Коррез.)

У меня на носу кожа в очень плохом состоянии и своим блеском приводит меня в отчаяние; поры открыты; есть склонность к красноте; утром, в особенности когда я просыпаюсь, моя кожа ужасна. Нет ли среди ваших многочисленных изделий—такого, которым можно было бы исправить этот недостаток, приводящий меня в отчаяние. Умоляю вас, посоветуйте мне что-нибудь...

Тис очень гордился этими признаниями. Великий жрец культа красоты, он превосходил своим могуществом любовника и духовника. Быть преобразователем и украшателем наружности значило в глазах женщины больше, чем быть проповедником новой религии.

Женская душа была для него ясна и понятна. Он был повелителем непреходящей силы: силы кокетства, помогавшей ему быть в курсе всего, что происходит на свете. Он определял богатство страны по числу женщин, пишущих ему в надежде похорощеть. Ни одна религия не могла обойти весь свет, и привести все народы к единому образу веры. Он, Тис, осуществил это путем своей коммерческой деятельности и добился того, что на всех языках и во всех странах женские уста шептали названия его изделий прежде, чем призывали имя божье в молитвах, ибо он, Тис, был искусителем, обещающим то, чего бог не захотел дать: вечную молодость. Из Христиании и Константинополя ему писали: «У меня появилась первая морщина». Он знал, что это было начало ада и что никому другому на свете, кроме него, эти женщины не говорили подобных вещей. Для них он был волшебником.

Среди его бумаг находилось много солдатских писем. Солдаты просили выслать им духи, точно указывая, какие именно, и мотивируя свои требования совершенно определенно:

— Пришлите мне ваш четырехугольный флакон под номером 3, форма которого удобна для укладывания в мой ранец.

Тис изобрел мужские духи и проводил резкую грань между духами мужскими и дамскими, находя, что запах жасмина прелестен на молодой, белокурой женщине и тошнотворен на мужчине, которому больше подходит амбра и чайная роза, в прежние времена pripravлявшаяся прибавлением чая к розе.

Тис задумал присоединить медицину к парфюмерии, уничтожить шарлатанскую рутину институтов красоты, массажисток лица, и сделать науку о человеческой коже общим достоянием. Очень осторожный в проведении этого намерения, он не спешил, не желая рисковать громадной репутацией своей фирмы, созданной из обаяния и тайны — благоуханным именем, от которого не должно было нести клинкой и аптекарскими бутылками.

Он взял на себя лично стилистическую сторону рекламы своей фирмы и находил отвратительным в области парфюмерии прибегать к грубому зазыванию покупателя, как это практикуется продавцами медицинских продуктов. В определении качества духов женщина не признает ничьего авторитета, кроме своего собственного. Больной, напротив, является безропотным рабом перед лицом фармакопеи. Страждущий верит в обещанное исцеление и бежит покупать то, от чего надеется получить спасение. Духи женщина сравнивает. Ее наивность не имеет предела только в том, что касается украшения лица. Она верит тогда всему, что ей говорят, и платит какую угодно цену.

Тис не хотел для своих косметических продуктов объявлений того же характера, что и для духов, и потому редко помещал в «Иллюстрацион» свои рекламы, стоившие по семи тысяч франков за страницу. Он предпочитал заметки в «Фигаро» о тех празднествах, которые он дает в своем отеле и по которым можно было сказать: «Дела Тиса идут прекрасно». К этому он очень умело присоединил скандальный процесс против Амбера, своего старого уполномоченного по делам, который имел неосторожность претендовать на знание всех рецептов фирмы Тиса, утверждая, что работа его будет так же хороша, но товар гораздо дешевле. Это был прекрасный случай для Тиса объяс-

нить публике все преимущество своего товара и недостаточностью одних только рецептов, правда, настолько замечательных, что компаньон-предатель собирался нажать на них состояние; помимо рецептов, необходимы еще запасы старого алкоголя, эссенций высшего качества и известный порядок в производстве работ.

Надо было положить не менее двадцати лет труда, чтобы наладить как следует парфюмерную фабрику. Амберу следует еще много поработать. Его выразительные объявления, ловко и пространно составленные, не могли восполнить все недостатки предприятия, лишённого технических усовершенствований и оригинальности. Он, Тис, не прибегал к шумной рекламе. Он только работал.

Он получил сто тысяч франков в возмещение понесенных убытков и разослал копию решения суда всем своим клиентам, извещая их, что он не будет более поставлять им своего товара, если они будут покупать изделия Амбера.

Скоропроходящая мода возносила на высоту некоторые фирмы и отдавала дань многим недоброкачественным изделиям. Никогда еще не было столько парфюмеров, как после войны, но публика, вначале введенная в заблуждение ловкими рекламистами, возвращалась, в конце концов, к старым фирмам. Они увеличивали цифру своих доходов, тогда как вновь открывшиеся парфюмерии одна за другою объявляли себя несостоятельными.

Тис не поддался бешеному увлечению саморекламой, к которой прибегали второстепенные фирмы, осуществлявшие ее, помимо иллюстрированных объявлений, еще посредством модных кафе-шантаных шансонеток или кинематографических фильмов.

Воспроизведение писем и фотографий знаменитых женщин, отвечавших похвалами на любезную присылку

изделий фирмы, было слишком грубым шарлатанством, чтобы вводить это в обиход крупного предприятия.

Мартель полагал, что фирма Тис должна первая отказаться от надоевшей моды и предложить абсолютную простоту: «Букет А. Тиса», в противоположность слащавой нежности наименований: «Скажите ему обо мне», «Настанет день».

Тис стремился превзойти в смысле этикетной литературы Убигана, у которого были точные и скромные названия: «Несколько цветов», «Немного амбры».

Коти прибегал то к мифологии: «Стикс», то к торжественности: «Античная амбра», то к таинственной экзотике: «Ориган».

С тех пор, как уничтожили простые обозначения экстрактов по их именам: гвоздика, фиалка, бергамот, владельцы предприятий направили все свои знания на то, чтобы найти самое неожиданное название. Парижский парфюмер должен был обладать большим воображением, чем грасский фабрикант, который работал только над изготовлением веществ, неизменных в своем составе и обозначаемых просто: жасмин, роза, померанец.

Тис заимствовал у Реми Белло: «Апрель», у Виктора Гюго: «Помечаем», у Мадам де Ноайль: «Четыре времени года». На полках его библиотеки, окаймленных медной полоской, стояли ряды богатых переплетов с клеймом фирмы «ТИС» вместо книжного знака — того же самого рисунка, как на флаконах, красках и кусках мыла.

Под произведениями поэтов находились книги археологического, исторического и религиозного содержания.

Тис пользовался при этом еще сотрудничеством женщин, обожающих тонкий аромат; письма этих корреспонденток не заключали в себе жалоб на дефекты

наружности, они преследовали иную цель: женщины хотели обладать какими-нибудь необыкновенными духами.

Милостивый Государь.

Я душу свою ванну вашим «Кустом Хлои» и моюсь мылом «Любимые цветы». Для лица я употребляю мыло «Апрель» и для волос «Розы». Белье я душу «Ароматом идола», меха — «Амброй волхвов», носовой платок — «Четырьмя временами года».

Я устала от этого нагромождения одного аромата на другой. Я обожаю ваши духи, но они мне надоели. Я пробовала смешивать их ста различными способами. Почему я не удовлетворена тем, что вы производите, хотя ваши изделия прекрасны и нравятся мне? Мне не хватает духов, которые были бы песней всех цветов.

Тис задумался над этим письмом, подписанным Денизой Броди, на бумаге с вензелем: Де Браке-Саатр. Ему казалось, что он видит название, которое старался придумать: «Песнь всех цветов». Под влиянием внезапного наития он нашел искомое название:

«ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ».

Он открыл библию с тысячелетней песней любви, в которой перечислялись еврейские благовония. Все ароматы торговцев: нард, мирра, ладан, шафран, корица, ароматический тростник, алоэ.

Тис радовался, уверенный в том, что нашел слова, которые вызовут улыбку женщин; он изучал по старым священным текстам форму хрустального флакона и место, где можно было надписать золотыми буквами:

Мировой пучок — возлюбленный мой у меня,
Отдыхающий между грудями моими

Твоя грудь — закругленная чаша.

Он нарисовал грудь Суламифи и изобразил на ней пучок мирры. В шлифованном стекле он уже видел

отражение гор, наполненных ароматами, где мелькали газель и молодой олень.

О древнем происхождении парфюмерии свидетельствовала поэма, полная старинными именами и ароматами, которые вдыхал Соломон на прекрасном теле своей любовницы; об этом свидетельствовали ароматы, поднесенные волхвами в подарок младенцу, родившемуся в яслях: ладан и мирра, хранимые в сокровищницах наряду с золотом. Тис искал, не существовали ли раньше флаконы в форме женской груди.

В шкафу с образчиками находились всякого рода безделки, имеющие отношение к духам: хрустальные с позолотой палочки Востока, гулабдан, медная бутылка для опрыскивания розовой водой, еще практикующегося в гаремах, несмотря на изобретение пульверизаторов, выпускающих брызги давлением воздуха.

Та, для которой была написана «Песнь Песней», душилась таким способом опрыскивания и умащалась душистыми маслами перед ароматическими курильницами.

Флаконы всех французских эпох в футлярах кожаных, золотых или эмалевых, содержали крошечные пузырьки. В футляре стиля Людовика XIII находилось зеркало, стальная лопаточка для мази, роговая гребенка с двумя рядами зубцов, тонкими с одной стороны, широкими — с другой, имеющая форму рыбьей кости.

Футляры с двумя или четырьмя отделениями указывали на то, что в старину было в моде носить эссенции при себе. Женщины душились на людях так же, как теперь они пудрят или красят губы; в прежнее же время краски и пудру накладывали на себя только в туалетной комнате.

Один из флаконных футляров был украшен на крышке надписью: «Дружба соединяет нас», а на обороте: «Подарки чувств».

Современная парфюмерия отказалась от употребления квадратной бутылки или круглого аптекарского пузырька. Простота хрустальных флаконов теперь в большой моде; стеклянные сосуды из хорошего материала, прозрачного и тяжелого, устойчивые, не боящиеся быть опрокинутыми и удобные для держания в руках, вытеснили все другие фasons. Изготавливать флаконы в форме женской груди было новостью, которая очень улыбалась коммерческой гордости Тиса. Он хотел получить для этого безукоризненный хрусталь, не темный, как во время войны, когда, благодаря недостатку угля, понизилось количество и качество стеклянных изделий. В тот период не хватало флаконов, картона, и приходилось ограничиваться посредственным товаром, что очень огорчало Тиса. Печальная сторона войны заключалась для него в ухудшении внешнего вида его изделий. Он надеялся, что «Песнь Песней» вернет ему прежнее совершенство его произведений. Он почти достиг этого, довольствуясь умеренным заработком, так как полагал, что солидная фирма должна противопоставлять постоянную выгоду временной наживе.

Он отказал комиссионерам в отпуске товаров низшего качества и сокращал размеры сбыта, лишь бы удержать репутацию своих продуктов.

У него была привычка говорить:

— Все могут стать парфюмерами, но есть только одна фирма: Тисс, преемник Жанвье!

Эта гордость основывалась на стопятидесятилетнем существовании фирмы, учрежденной в 1780 году Полем Жанвье, согласно правил, обнародованных в 1190 году Филиппом - Августом, подтвержденных в 1656 году Людовиком XIV и регламентировавших деятельность «тех, кто имеет право приготовить и продавать все сорта духов, пудры, помады, мази для белизны и очи-

щения кожи, мыла, душистых вод, перчаток, митенок и кожаных изделий».

Поль Жанвье, заплативший пятьсот пятьдесят ливров за трехлетнее ремеслу и четырехлетнее пребывание подмастерьем, быстро достиг хорошей репутации продавца продуктов собственного приготовления. Он открыл лавки в галереях Пале-Рояля и против наружной стены Версаля, где на одной из площадок больших лестниц поместил за прилавком молодую и хорошенькую девушку. Раздушенный двор был его верным и богатым клиентом, что доказывал журнал, писанный рукой парфюмера и благоговейно хранимый Тисом. Поль Жанвье, экономный и аккуратный коммерсант, переплел журнал в старый пергамент, сохранивший следы письма хорошими чернилами, не выцветшими, несмотря на полуторавековое выветривание. Эта книга вызывала воспоминание о честности прежних французских торговцев. Первая запись от 18 августа 1788 года была для принцессы де-Ламбаль:

Банка жасминной помады 1 ливр 16 су
Шесть фунтов тонкой пудры 3 ливра 10 су

Единственным плохим плательщиком был граф Эстремон. Запись проданных ему товаров не была перечеркнута тремя чертами—знаком уплаты, с наклоном слева направо, которые рука Поля Жанвье провела на других счетах.

Граф Эстремон был всегда должен фирме Жанвье:

30 июня 1781 года.

1 двойная палочка душистой помады . . 1 ливр 10 су
1 склянка воды Шипр 3 ливра
2 пары перчаток тонкой лайки 10 ливров.

И еще много других предметов, что заставляло Тиса восклицать каждый раз, когда он открывал старую счетную книгу: «Часто же приходила эта скотина!».

Мадам Бельваль, которой Поль Жанвье поставлял много мушек и бергамотовой воды, также часто посещала лавку парфюмера, но эта особа была исправной плательщицей.

Часто встречались имена аббатов — прекрасных клиентов. Очень много продавалось пудры для париков, как та, что понадобилась в утро 3 сентября 1792 года, чтобы украсить в последний раз хорошенькую белокурую головку Марии Терезии, уроженки Пьемонта, которая была пронесена на пике мимо лавки своего парфюмера.

Правительство переименовало название, народ — веру; богатство перешло в другие руки, роскошь приняла другие формы, и женщины перешли от платьев с фижмами к косынкам, от паваны к карманьоле.

Поль Жанвье, служитель женской красоты, пронес сквозь революцию благоухание французской парфюмерии.

Он ставил на своих счетах годы и месяцы республиканского календаря:

20 плювиоза. Год IV
Дворец Революции.

Поль Жанвье
Парфюмер.

Владелец фабрики и магазина перчаток, пудры, помады и духов, а также настоящих растительных румян, которые он довел до совершенства.

Поль Жанвье слышал из своей лавки, пользовавшейся большим успехом у покупателей, крики толпы, окружавшей телеги, в которых везли приговоренных к гильотине на площадь Революции; затем возмущение императорской армии, поднявшей в Тюильри свои сабли и штыки, обгаренные кровью всей Европы.

После прокладки улицы Наполеона, в 1806 году, Поль Жанвье перевел туда свой магазин, перед кото-

рым в 1815 году проехали казаки, чтобы расположиться лагерем в Елисейских полях. Когда улица Наполеона сделалась улицей Мира, Луи Жанвье унаследовал своему отцу, Полю. Он украсил свою лавку гербом Аделаиды Орлеанской.

Тис, соблюдая эту старую репутацию хорошо налаженного дела, пошел еще дальше, постоянно совершенствуя производство в Обервилье.

В магазине на улице Мира, существующем сто пятинадцать лет на одном и том же месте, Тис поддерживал славу Поля Жанвье, вывеска которого

В прекрасном саду

честно определяла характер ремесла, в котором все зависит от цветов.

Тис прибавил химию и изменил внешний вид духов. Он первый создал роскошь флаконов, затем футляров. Кичась тем, что он является хозяином старого французского предприятия, он с гордостью украсил свое бюро мраморными ступками и медными лоханками, принадлежавшими Полю Жанвье. Современным набором инструментов продолжалась эта же работа, которая началась полтора столетия назад во славу фирмы:

Жанвье — Тис.

Лагреде, комиссионер фирмы, каждый раз возвращаясь из кругосветного путешествия, удивлялся, что Геркель оставался все это время на одном месте.

Эти два человека, из которых один был представителем производства, а другой — сбыта, соперничали друг с другом. Комиссионер говорил, что предприятие обязано своим процветанием его удачным путешествиям и его большому уменью продавать духи во всех странах света. Геркель утверждал, что химия занимает первое место в успехах фирмы.

Лагреде, человек представительной наружности, носил массивные кольца и дорогую жемчужную булавку в галстуке. На его чемоданах красовались ярлыки лучших отелей мира. Ему дано было приказание путешествовать только в спальнях вагонов и останавливаться не в отдельных номерах, а в целых апартаментах. Своего рода полномочный посол торгового дома Тиса, он должен был с достоинством предлагать свои великолепные произведения.

Тис был к нему дружески расположен. Он не говорил ему неприятных слов и никогда не заводил разговора более оскорбительного, чем указание на то, что Лагреде еще недостаточно богат.

— Ваше комиссионное вознаграждение в этом году достигнет двухсот тысяч франков. Знаете ли вы хотя бы одну парижскую фирму, которая бы так оплачивала

своего комиссионера? Любят хорошее представительство, но не хотят, чтобы представители много зарабатывали. По-моему, вы еще недостаточно зарабатываете. Повсюду, где вы проезжаете, не должны были бы любить другие изделия, кроме наших.

Лагреде с большим умением возражал на это, что его снабжают товарами в недостаточном количестве.

Он часто бывал приглашаем к столу Тиса, потому что его беседа не носила характера сухого делового отчета: он очень интересно рассказывал обо всем, что видел в своих кругосветных путешествиях и что могло обогатить патрона в смысле знания света.

— Во Владивостоке мы взяли на пароход группу русских, спасавшихся от революции. Между ними была Мария Михеева, любовница атамана Семенова, с которой он познакомился в одном из притонов Порт-Артура. Она спасла немало жизней, препятствуя исполнению приказов Семенова, который ежедневно отдавал распоряжение рубить головы двум или трем человекам. Мария Михеева родилась в одной из деревень на Амуре, где говорят на русском наречии, непонятном в Москве. Дикарка, но что за женщина! Двадцать пять лет, глаза, каких я никогда не видал: кропотливость и жестокость! Семенов, дав ей на дорогу на пятнадцать миллионов драгоценностей, отправил ее из Владивостока, так как коммунисты хотели ее убить. Она сама командовала сотней казаков. На нашем пароходе это был лучший стрелок по морским птицам. Она была окружена толпою разоренных аристократов, людьми кутящими, как умеют это делать только русские: напиваться, безобразничать и драться. В Шанхае, где вся проституция — русская, Мария Михеева платила за то, чтобы запирали за нею и ее баронами двери публичного дома. О том, что там происходило — можете строить какие угодно предположения, но, вы

никогда не будете в состоянии представить себе это: ящики с шампанским, кило опиума, следы кровавых ударов на белых телах голых женщин. Это был ад. Это был русский двор. Пьяная Мария Михеева платила женщинам своими драгоценностями. Она давала им кольца по триста тысяч франков, награбленные ее казаками. На другой день мы шли отбирать все это на русский манер — револьвером и давали умеренную цену. У нее было большое доверие ко мне. Мы ходили вместе в китайские магазины. Она закатывала мне дикие сцены, когда я обуздывал ее капризы. Я не позволил ей купить пишущую машину, которая ей нравилась, потому что блестела и шумела. Дикарка топала ногами перед продавцами и клялась, что убьет меня. На пароходе она встала на колени и целовала мои руки. Она была пропитана запахом мускуса как природным, так и тем, которым себя обливала. Запах мускуса женщины гораздо тоньше, чем запах кабарги. Питая страсть к духам, она везла из России флаконы, из магазина Ферейна, в Москве, которому мы много поставили: у него на фабрике работало до войны шесть тысяч рабочих. Когда будут у нас опять такие клиенты?

— Я уже списал в счет убытков товары, поставленные в Россию. Все фирмы Парижа пострадали. Большие кишки дорого нам стоят.

Лагреде отвечал:

— Они будут нашими клиентами. Мы им обязаны весьма ценной рекламой на Востоке, где до последнего времени знали только три или четыре сорта духов: священные ароматы — ладан, мирру, сандал; мирские — розу. Русские, бежавшие в Константинополь, привили местному населению привычку употреблять наши продукты.

«— Москва все еще вспоминает отца Рура, грасовца, который в то время, когда еще не было железной

дороги, положил на русской границе на сани свой чемодан, уселся на него и две недели плутал в снегах, чтобы добраться туда, где он мог продать свои духи. В Грассе никто не хотел одолжить ему десять тысяч франков на путешествие. Он возвратился с двумя миллионами заказов и тогда нашел капиталы. Я научил Марию Михееву требовать повсюду наши товары. Она кричала на торговцев, предлагавших ей другие. Каюта ее напоминала мне сокровищницу Абд-эль-Азиса, где валялось в пренебрежении великолепное оружие и всякие драгоценности. Султан предпочитал комнаты, наполненные роялями, велосипедами, пишущими машинами, граммофонами, механическими игрушками и парижскими товарами.

«— Его наследник Мула-Хафид любил игры другого сорта. Я видел его львов, которым он бросил мятежника, уже сильно наказанного. Приговоренный, избитый толстыми дубинами, силою своего взгляда отстранял от себя зверей и вопил, посылая брань, насмешки и проклятия по адресу Мула-Хафида. Зверей разъяряли против него криками и выстрелами. Только один из зверей тронул его лапой за плечо. Мятежник поднялся с земли. Его увели из клетки живым и изрыгающим ругательства. Вблизи этого места находилось несколько ящиков из-под товара, большинство из них были с клеймом нашей фирмы. Их сложили в кучу, положили на него бунтовщика, облили его эссенциями и, награждая ударами палок, подожгли его. Его все время били по голове, чтобы заставить его замолчать.

«— Мария Михеева была бы способна на такую жестокость. Она путешествовала с компаньонкой, очень красивой, и секретарем, еще более красивым. В Венеции он ей надоел и она заплатила ему, чтобы он ушел от нее; он упорно отказывался. Она задала ему такую трепку в холле отеля, которая заставила его

пожалеть о том, что он не убрался раньше. Я никогда не видал женщины, которая бы прыгала и ударяла с такой силой и проворством и при этом не растрепала бы своих волос; она крепко стягивала прическу по кавалерийской привычке. Из них двоих растрепанным оказался секретарь.

«— У нее являлось быстрое отвращение к мужчинам, которых она выбирала. Она взяла себе в Каире продавца папирос, маленького египтянина, совсем бархатного.

«— Она была добра. Мы приняли на пароход в Корфу, как пассажирку четвертого класса, одну знатную русскую даму, разоренную революцией. Мария Михеева заставила перевести ее в первый класс и за столом посадить по правую руку капитана. Эта дама рассказывала нам о последнем бале Врангеля в Одессе. Наступление красных совершилось гораздо быстрее, чем предполагавшееся отступление белых. Бал происходил за несколько часов до того времени, когда явилась необходимость бежать и давить друг друга, чтобы попасть на пароход. Все это изысканное общество допивало вино и волочилося за женщинами. То, на что эта знатная дама намекала, рассказывая об этой последней вакханалии белых, приводило в отчаяние Марию Михееву, никогда не выдавшую ничего столь интересного, даже в публичных домах Шанхая. Она слушала и пожирала свой биштекс руками.

«— Отправляясь в Женеву, она думала, что едет в Англию. Окольными путями и протекцией она получила паспорт в Швейцарию. В Венеции я сдал ее одному протестанту, который питался только овощами и пил воду.

«— Этот протестантский проповедник оказал мне большую услугу, взяв на себя заботу о ней. В Шанхае и Калькутте я мог с ней выходить, в Каире это было

уже труднее, а в Венеции это сделалось невозможным. Представляете ли вы ее себе в кафэ Де-Ла-Пе, раздирающей своими ногтями Шатобриан с картофелем суфле или топающую ногами в галлерее Лафайета, если бы ей не положили весь запас шелковых материй в ее автомобиль?

«— Наши министры иностранных дел совершенно неосведомлены о том, что происходит на белом свете. В Индии мы совершенно не хотим отказаться от наших французских взглядов и привычек. Англичан там ненавидят, но они ведут себя очень хитро. Они не хотят задевать чувства населения, запрещая человеческие жертвоприношения, и думают, что, когда приносят в жертву Сиве одного индуса, это не плохо, ибо все же одним индусом становится менее. Один из моих приятелей повел меня в Калькутте в пагоду и сказал мне во время богослужения: «Надо, чтобы вы вышли: я сейчас не могу вам сказать — почему».

«— Я узнал, в чем дело. В честь Сивы накидывали шелковую петлю на шею девочке. В маленьких городах это делается не так тайно. Я убедил наши лавки в Индии продавать курительные ароматы, которые вы изготавливаете для калориферов. Если наши продукты вытеснят собою туземные благовония, сжигаемые в погребальных кострах, это даст нам большую прибыль: в Калькутте умирает много людей. Но мы должны будем доставлять наши товары в порошке, а не в настойках, как это практикуется в Париже. Порошок гораздо удобнее для перевозки и упаковки в коробки местного приготовления, которыми следует воспользоваться, чтобы скрыть его происхождение.

«— Персы, отдающие на съедение ястребам своих мертвецов, вместо того чтобы сжигать их на берегу Ганга, не могут быть нашими клиентами. Они помещают трупы в башнях, построенных с внутренней сто-

роны в виде уступов. Птицы прилетают пожирать мясо. Солнце выжигает кости, которые скоро рассыпаются в прах. Ястребы очень привыкли к своим башням мертвецов. Если такой же ястреб прилетает с соседней башни, на него нападают. Они знают людей, которые имеют право вносить трупы. Они ласковы с ними, как наши собаки, и являются хорошими сторожами. Если бы иностранец попытался проникнуть в это место, птицы напали бы на него.

«— С подлинной Индией не познакомишься по одной лишь клубной жизни Калькутты или Бомбея. У меня есть хорошие приятели между Патной и Бенаресом. Я пошлю им вашу *«Песнь Песней»*. Флаконы в форме женской груди — великолепная мысль. Благодаря этим друзьям, я проехал через Гималаи и сделал в Тибете все закупки, хотя европейцам туда очень трудно проникнуть. Я вам раздобыл прекрасную партию мускуса. Вы можете не нуждаться более в купцах Калькутты, потому что я для этого совершил перевал через высокие горы, где всадники вооружены копьями в шесть метров и носят шиньоны на лбу вместо хвоста на спине, как у китайцев.

«— Я встретил там уроженца Бордо, женатого на тибетке. Из местности, славящейся хорошим вином, он переехал в страну, где пьют дурную воду, немного соленую, которую кипятят вместе с зеленым чаем.

«— Я никогда так не зяб. Там мажут жиром лицо, чтобы предохранить его от холода. Люди считают себя в безопасности потому, что путешествуют, имея при себе автоматическое оружие новейших систем: шесть пуль в обойме и одна в стволе. Когда они используют все патроны, то дело их кончено. Я предпочитаю вести дело совсем иначе: я располагаю к себе людей. Один из моих самых преданных поручителей в Тибете, человек, которому я подарил свой

револьвер, сопровождал меня в продолжение всего моего путешествия и позволил бы убить себя из-за меня, что было для меня выгоднее, чем убивать его, защищая мой револьвер, которому он завидовал. Во многих странах земного шара ко мне относятся с большим уважением, потому что я привожу патроны мужчинам и духи — представительницам прекрасного пола. Даже среди бедуинов, которых можно считать самыми грязными женщинами на свете, хотя среди них иногда можно встретить поразительных красавиц, я пользуюсь симпатиями.

«— В Шанхае Мария Михеева хотела, чтобы я сошелся с одной из трехсот жриц тамошнего храма. Им нужны возбуждающие ароматы. Наша *Амбра волхвов* имеет там очень большой успех. Но мы, европейцы, не существуем для китайцев. Единственная страстная женщина желтой расы, это — анамитка. Сколько хочешь, когда хочешь — ей все мало. Она сверх того еще отдается бойю и кули. Японка не чувствительна. Все это мелкие указания, полезные для нашей торговли. Завод должен был бы собирать сведения о качествах женщины всех национальностей. Продавцы шампанского не подслащивают его одинаково для России и Америки.

Он предоставил Тису обдумать эту мысль и перешел затем от темперамента женщин к темпераменту народов.

— В Японии насчитывается шестьдесят миллионов жителей на территории, меньшей пространством, чем Калифорния: ежегодный прирост населения составляет 750.000 человек. Не пройдет и полувека, как оно достигнет ста миллионов. Япония становится Пруссией Дальнего Востока.

«— Ее промышленность вытеснила бы из Китая все европейские товары, если бы китаец не питал еще большего ужаса к японцам, чем к европейцам. Коэффи-

циент роста нации может быть определен по числу тюков с хлопчатой бумагой, которую она пускает в обработку. Япония становится страной хлопчатобумажной мануфактуры, но она еще не пробовала применить свои силы в нашей отрасли промышленности, тогда как Америка после войны значительно увеличила парфюмерное производство. Французские препараты занимают там первое место.

— Она покупает, не обращая внимания на цены, — сказал Тис, — наши растительные эссенции, в которых мы сами нуждаемся. Мы должны были бы воспрепятствовать вывозу их, как это делают с сандалом англичане в Индии. Они не позволяют вывозить дерево и эссенции.

Хозяин и служащий сравнивали продажу пяти коммивояжеров фирмы, из которых один отправлялся в Скандинавские страны, Голландию, Англию, Германию, Швейцарию, Россию; другой — в Испанию, Италию, Францию; третий — в обе Америки; четвертый — в Придунайские страны, Балканы, Турцию; Лагреде оставлял себе Китай, Индию, Японию, Австралию, Северную Африку. Они развозили коллекции духов в футлярах для того, чтобы показывать их покупателям, и те же самые сорта в стеклянных пробирках, чтобы давать нюхать.

Лагреде брал на себя такие поручения, как закупку мускуса за Гималаями, бергамота и померанца в Мессине или в Реджио, в Калибрии. Он любил делать новые открытия. Он создал громадную клиентуру в Новой Зеландии, стране, которая в смысле торговом всего лишь тридцать лет назад была нулевой величиной. Он в совершенстве знал Австралию, которую называл страной четырех бичей божьих: кроликов, мух, кактусов и австралийского бургундского вина: *Australian Burgundi*, — похожего скорее на слабительное.

Подняв свой бокал шампанского за процветание фирмы Тиса, он сказал:

— Я праздновал Рождество в сибирском экспрессе, на море, на пароходах, нагруженных черепахами, лапы которых были прибиты гвоздями к деревянному настилу, чтобы боковая качка не могла выбросить животных за борт. Ни один человек не пьет столько шампанского, сколько англичанин, радующийся рождению Христа. На пароходе «Cunard-line» ¹⁾ мы осушили весь винный запас, приготовленный для рождественских праздников. Конец путешествия, когда в буфете уже не осталось ни одной бутылки вина, был грустен. Мы перевозили зверей из Африки для лондонского зоологического сада; они казались такими же несчастными в своих клетках, как англичане без шампанского в своих каютах. Человек, привыкший к регулярному употреблению вина, приходит в отчаяние, если не может опохмелиться и напиться вновь. Морская болезнь излечивает опьянение. Я это сказал одному джентльмену, который удерживал рвоту. Ему удалось мне ответить, что так как у буфетчика не осталось ни одной капли вина, то он предпочитает сохранить в себе выпитое, чем выbleвать его в море, так как это был очень хороший сорт: черный ярлык, экстра драй.

Вояжер, рассказывая о своем кругосветном путешествии, перечислял названия старых караванных дорог — древних путей, по которым уже тысячи лет назад проходили торговые запасы драгоценных эссенций: от розы Сирии до мускуса Тибета, от камфоры Китая до бергамота Сицилии.

Лагреде доставлял французские духи азиатским женщинам под вуалями, гейшам Токио; он совершал

¹⁾ Название известной пароходной компании. (Прим. ред.)

плавания по восточным морям, где рыбаки находят амбру, в Японию, на Молуккские и Коромандельские острова. Он привез из Мадраса кусок амбры редкой величины и нежного серого цвета.

Тис, человек начитанный в своей специальности, взял из библиотеки том, озаглавленный: «Тексты арабские, персидские и турецкие, собранные на Дальнем Востоке, собранные Габриэлем Ферраном», и прочитал главу XXX:

«Абдул Фазл (1595): о приготовлении некоторых духов:

«— Некоторые говорят, что амбра растет на дне моря и что это — отбросы переваренной пищи разных животных, обитающих в море. Другие утверждают, что рыбы едят ее и погибают и что добывают амбру из их внутренностей. По мнению некоторых, это — навоз морской коровы. Есть и такие, которые полагают, что она падает, капля по капле, с гор некоторых островов. Многие считают ее морской камедью, другие, к мнению которых я присоединяюсь, считают ее воском. Говорят, что в некоторых горах находят большое количество меду, такое количество, что он действительно стекает в море. Воск поднимается на поверхность и теплота солнца превращает его в твердое вещество. Так как пчелы извлекают мед из благоухающих цветов, то и амбра имеет прирожденный аромат. В амбре находят по временам пчел...»

— Какие славные басни, — сказал Тис, — по поводу этих рыбьих извержений, о которых мы только не знаем, выделяются ли они кишечником или пищепроводом кашалота или являются последствием воспаления кишек или туберкулеза. Абдул Фазл обладал прекрасным воображением и любил записывать всякие рассказы. Он говорит о камфаре:

«Камфарный лавр представляет собою дерево больших размеров, которое растет в горных и приморских местностях Индии и Китая. Сто всадников и даже более могут поместиться под тенью одного такого дерева. Камфара добывается из ствола и веток. Некоторые говорят, что в летнюю пору

множество змей обвивается вокруг дерева, потому что оно имеет свойство освежать; местные жители надрезают его кору и собирают камфару в течение зимы. Другие говорят, что леопарды часто приходят к камфарному лавру: они до такой степени любят камфару, что никогда не удаляются на слишком большое расстояние от этих деревьев...

— Абул Фазл сообщает еще много удивительного про дерево алоэ, названное в Индии *агаром*.

«Запах дерева... удаляет блох... Алоэ часто входит в состав духов; когда его едят, делаются веселыми...»

— Веселящие духи, — сказал Лагреде: — это было бы доходной статьей.

Тис с гордостью продолжал читать старые тексты:

— О фальсификации мускуса писал еще в 1175 году Абул-Фалд-Джа в книге *«Об искусстве распознавать хорошие и дурные товары и подделки фальсификаторов»*:

«Из аптекарских товаров, чаще всего подделывается мускус. Если он в бутылке, то надо осмотреть приложенную печать и тщательно проверить, чтобы клеймо было наложено человеком, которого знают, что он действует честно.....»

— Это моя привычка, — сказал Лагреде: — находить на местах происхождения товаров доверенного человека и иметь для отправки их вполне надежную упаковку.

Тис отклонился в сторону:

— Мы занимаемся одним из самых благородных и самых старых ремесл на свете. Человечеству были знакомы ароматы прежде хлеба и вина. Сандальное дерево и смола ладана горели у подножия идолов и священных животных, прежде чем человек стал возделывать хлебные злаки и виноград. Мы служили всем богам и во всех храмах: Егове и Иисусу Христу. Мы умащали благовониями всех цариц и любовниц, начиная от Суламифи и Клеопатры и кончая Нинон де-Ланкло

и Марией-Антуанетой. Мы были банкирами, ссужавшими предметы более драгоценные, чем золото, а теперь мы готовим косметику для куаферов. Мне противна мысль о том, что теперь свою прибыль приходится строить на расширении сбыта в среде, которая ничего не мыслит в духах. А ведь некогда наши товары были священными предметами.

«— Фимиа́м для богослужения не спасает нашего достоинства. Я не могу сделать над моим магазином надпись: «Поставщик Собора Парижской Богоматери». Демократический парламентаризм враждебно относится к нам, потому что наша индустрия, по его мнению, является предметом роскоши; это сплошная нелепость, так как наша клиентура все более и более демократизируется.

«— Мы далеко отошли от древней священной парфюмерии. Египтяне, благодаря своему искусству балзамировать трупы, широко развили торговлю ароматическими веществами, предназначавшимися не для того, чтобы доставлять радость живым, а для сохранения мертвых.

Лагреде, только что вернувшийся из путешествия по дорогам, по которым провозили пряные товары, не интересовался исторической стороной дела. Продолжая деятельность прежних торговцев роскошными ароматами, караванщиков и мореплавателей, он, подобно им, был занят только своей клиентурой. До него проезжали по тем же самым местам китайцы, мавры, португальцы, венецианцы, генуэзцы, продавая драгоценные пахучие вещества: гвоздику, мускатный орех, мушкатный цвет с Бандских островов, сандал из Тимора, камфару из Борнео, корицу из Цейлона, мускус, ладан, розовую воду и перевоза их через Красное море по направлению к Каиру и Александрии для покупателей-христиан.

Для Лагреде археология аромата не имела того значения, как для Тиса, который давал редкие наименования своим изделиям.

Вояжер имел другие заботы и, в особенности, желания: нажить больше денег из чувства зависти к богатству своего патрона. Он носил по всему свету чувство досады на то, что не является главой фирмы. Он полагал, что Тис давно уже должен был сделать его своим компаньоном, а не оставлять его только комиссионером. Он имел внешний вид человека вполне счастливого и зажиточного, но глубоко страдал от зависти. По сравнению с Тисом он чувствовал себя незаслуженно бедным, проведя двадцать лет в путешествиях по всем странам света, чтобы увеличить доходность фирмы.

Как у всех французов, у него было желание работать для себя, но он боялся рискнуть своими деньгами. Он хотел, чтобы никто не пользовался его трудом, и вместе с тем не хотел ничего терять из того, что заработал.

Он часто жаловался: «Очень тяжело служить другим». Это обозначало, что он хотел бы сам владеть парфюмерной фирмой и говорить: «мои продукты, мои рабочие». У него была душа собственника.

Эме Коко, перейдя из отделения упаковки пудры в отделение флаконов, начала, как обычно, с того, что выругала ту работу, которую ей надо было делать, а затем исполняла ее в совершенстве. Она умело взялась за свое новое занятие, делая вид, что оно внушает ей отвращение, и жалела свою соседку по работе, которая жила в Сен-Дени. Эме Коко говорила:

— Сен-Дени роконосец. — Никто не понимал, почему она так говорила, и сама она также

Ее страсть благодетельствовать окружающих удовлетворялась здесь тем, что к ней приходил каждый день отец Равизе, дворовый носильщик, за бумагой, которая ему была нужна, чтобы вкладывать ее в сапоги. Эме Коко оставляла ему очень хорошие листы, и он говорил:

— Это для моих ног: нет надобности, чтобы это было чисто.

• Затем он уходил, довольный, что идет к себе поесть.

— Сейчас закусим. Это будет недурно.

В конце залы, расположенной над погребом для хранения алкоголя, машины, принимая из подвала жидкость, наполнялись в течение часа двумя тысячами литров туалетных вод и одеколона. Работницы, стоя-

щие перед никкелированными кранами, напоминали трактирных служанок, разливая напитки женщинам, которые, сидя за столами, украшали флаконы. Восемьдесят работниц трудились над приготовлением бриллиантина в той части, которую называли масляной стороной, и двести — над туалетными водами и духами. Ни одна машина не работала в этой обширной стеклянной мастерской, напоминающей фонарь, где сотни рук мелькали над большими столами, тесно заставленными бутылками. Светлая жидкость «Песни Песней», разлив которой, как и всех дорогих духов, не проходивших через трубы, производился ручным способом, наполняла хрустальные флаконы, формы удлиненной груди, которые, по мнению Эме Коко, были:

— Простое свинство.

У нее была привычка говорить непристойности, но на деле она была вполне невинным ребенком, спокойно исполнявшим свою работу и всегда уходившим из мастерской прямой дорогой домой.

Судя по ее словам, можно было подумать, что она распутница и бунтовщица, так как если ей что-нибудь не нравилось на заводе, как, например, когда приходилось простаивать минут пять у расчетной кассы, чтобы получить свою двухнедельную плату, она говорила:

— Надо поджечь это гнусное заведение.

Но, только услышав заводский гудок, она бежала, чтобы не быть последней при входе, и запоздавших называла лентяйками, у которых ноги — как паштет из печонки, а кровь — помой.

Когда ей говорили, что она дерзка, она отвечала:

— На вас можно надеть собачий ошейник с клеймом «Тис», как на блузах, и вы залаете «спасибо» и будете лизать лапы этой обезьяне.

Так как поштучная оплата могла повлечь известную небрежность, недопустимую при работе над пред-

метах роскоши, то женщины получали почасовую плату и не торопясь отделяли драгоценные флаконы, наполненные светлой жидкостью приятного запаха. Работницы герметически закупоривали их притертыми пробками, в виде пучка мирры, покрывали их пергаментом и завязывали красной шелковой ниткой, к которой была прикреплена медная позолоченная бляха с чеканным клеймом «ТИС».

Закупорка должна была быть очень плотной, чтобы не допускать просачивания, которое могло оставить следы на пергаменте и футляре, что было бы непозволительным браком. Основательное закрепление в каждом горлышке стеклянной пробки, шлифованной наждаком, требовало известного усилия от этих осторожных и ловких рук, завершавших им весь процесс производства этого безукоризненного товара.

Ярлык: «Песнь Песней», тисненый на картоне толщиной в шестнадцать листов, был покрыт бледно-желтым золотом, грамм которого стоил восемнадцать франков.

Женщины наклеивали на хрусталь эти драгоценные этикетки; Тис не допускал для ярлыков и футляров своих дорогих продуктов имитацию золота, которая тускнеет. Он требовал того же материала, который идет на чеканку монеты. Время придавало золоту немного матовый оттенок, но никогда не погашало его блеска.

Ремесленники Парижа занимались тиснением ярлыков в маленьких законопаченных мастерских, чтобы предохранить от движения воздуха золотые листы, легкие, как дым.

Фирма Тиса, поставщица многих иностранных дворов, получала от этих задыхающихся рабочих модные наклейки и исключительной работы футляры с гербом императора японского, короля испанского, и в прежнее

время императоров австрийского, русского и германского, орлы которых представляли собой благодарные мотивы для искусства позолотчиков.

Ниспровержение династий превратило в ненужный хлам матрицы для чеканки геральдических птиц. Тис убрал гербы с витрины своего магазина на улице Де-Ла-Пе.

Каждая специалистка по отделке флаконов писала номер на обратной стороне ярлыка; Эме Коко была сорок вторым. Сквозь прозрачную жидкость можно было видеть метку, по которой отыскивалась дурная работница, если клиент возвращал товар обратно.

Надсмотрщица этого отделения, Сове, добросовестно относилась к делу, очень тщательно осматривая и опрокидывая флаконы для того, чтобы проверить тщательность закупорки, и разглядывала их на свет у большого окна, чтобы убедиться, не содержат ли они в себе волокон, оставшихся, благодаря неудачной фильтрации духов или нехорошо промытого стекла.

Эме Коко сама проверяла свою работу; она никогда не ошибалась; очень наблюдательная, она лишь делала вид, будто не обращает ни на что внимания, на деле же ее глаза были так же искусны, как и ее руки: ничто не могло ускользнуть от ее взгляда.

Мятежница по темпераменту, лентяйка по общему мнению, она любила делать больше, чем могла, и лучше других, как, например, находить недостаток в тех флаконах, которые уже были проверены Сове. Надсмотрщица исполняла свои обязанности более придирчиво, чем мужчина, но, в свою очередь, терпела от зависти своего персонала.

Мартель заставлял женщин управлять женщинами.

— Они ничуть не хуже мужчин, но более злопамятны, несмотря на то, что сердятся из-за пустяков. Те из них, у кого есть самолюбие, работают, чтобы

сделаться заведующей отделением, вместо того чтобы расточать улыбки мастеру, если бы был таковой. Женщина способна больше увлекаться нашивками, чем человеком. Она гордится быть любовницей того, кто распоряжается. Это дает ей особое положение в мастерской. Надо иметь как можно меньше мужских штанов среди женского персонала: поменьше красивых молодцов, которым бы развязные бабенки вешались на шею, а также поменьше старичков, которые бы соврачали маленьких девочек.

В большой зале, так ярко освещенной, что у всех работниц блестели ногти, триста женщин, убирая и отделявая флаконы, трудились над украшением товара.

Из больших окон этого центрального помещения завода видны были во дворе ящики, заготовленные для отправки, и работа в мастерских, прилегающих к наружной заводской стене: перед дверьми перегоночной лежали, сваленные в кучу, корни ветиверии, еще дымящиеся от жары перегонного куба. Церковный запах шел из помещения, где варилась смола и ладан. Равизе и его товарищи носильщики ворочали тяжелые ноши на складе сырья: бочки с пальмовым маслом, свинцовые белила, тюки с дубовым мхом, ящики с флаконами, упакованными в сене. В экспедиции заказы были сгруппированы для отправки по назначению: в один и тот же ящик укладывались литры туалетной воды, флаконы с духами, мыла, косметики и все жиры, мази и краски для человеческой кожи и волос.

Обилие запросов опустошало полки с товарами; все оттуда перекочевывало на столы для отправки.

Торговые дома уже делали свои приготовления к новогодней продаже, очень значительной в области парфюмерии, как и в конфектном производстве: в определенные моменты в году на изделия как той, так и дру-

гой отрасли промышленности был безумный спрос, обусловленный общепринятыми правилами учтивости. Женщины в белых блузах, вышитых тремя красными буквами: «Тис», усердно работали на благоухающем заводе.

Автомобиль, на котором было поставлено такое же клеймо, но золотом по черному, проехал мимо толпы, вышедшей с завода по свистку. Роскошный грузовик для развоза товаров вмещал в своем лакированном кузове партию духов «Песнь Песней», предназначенную для магазина улицы Мира.

Он встретился с погребальной процессией, поднимавшейся к парижскому кладбищу Пантен; проходившие мимо работницы парфюмерного завода и ниточной фабрики осеяли себя крестным знаменем.

Здания хлопчатобумажной фабрики, с ее школой и церковью, были расположены в ряд, одна за другой по Фландрской дороге, и составляли целое католическое поместье, расположенное по соседству с парфюмерией Пивера.

На траурных дорогах, за которыми шли прачки с натруженными стиркой руками, лента одного из венков носила надпись: «*Приношение от служащих прачешного заведения*».

Эме Коко похвалила их:

— Это хорошие товарищи. Если работаешь вместе, то не надо жалеть о том, что жертвуешь свои десять су и теряешь полдня для того, чтобы дать возможность хоронить с погребальной процессией и цветами. Факельщики — славные малые, но шляпы их никуда не годятся.

«— Эта публика рассуждает, как те же прачки: их знамя из цинка для того, чтобы дешевле было бы разглаживать. Сделать себе знамя из куска металла, как у оловянных солдатиков, это, можно сказать, глупость и ерунда.

Похоронные процессии, беспрерывно двигавшиеся по Фландрской дороге, то и дело встречались у заставы Ла-Вилет с транспортами говядины, которую везли с бойни. Туши животных, разделенные по частям, висающие на крюках или сваленные в кучу на дно грузовиков, вносили красные и белые тона в общую картину этого квартала, где на каждом шагу приходилось наткаться на погребальное шествие.

Общественное благосостояние и эпидемия давали здесь друг другу очную ставку: большое количество убитого скота указывало на богатство города, а большое количество человеческих трупов, увозимых на кладбище, свидетельствовало о значительном распространении всяких болезней.

С участков, сплошь усеянных старым железом, костями и тряпками, шли люди, работающие среди мусора, обломков и отбросов. Из обширных грязных дворов выходили рабочие фабрики свинцовых белил, люди, с руками, окровавленными работой над солеными кожами, и другие, пахнувшие керосином и содержимым выгребных ям, вывозимым на плашкоутах; медленное движение этих судов оживляло спокойную воду канала, где прачки, стоящие на плотах, разбрасывали вокруг себя мыльные брызги.

В самом отвратительном месте земного шара, среди грязи и людской нищеты, эссенции, привезенные из краев, благоухающих цветами, направляли свой путь к коже женщины.

Ящики, туго стянутые веревками грузовика, высоко возносили над рабочей толпой название частей света, из которых только что возвратился Лагреде: Каир, Бомбей, Калькутта, Константинополь, Шанхай. ...

Эме Коко проходила позади завода, где пахло крысами, дохлыми кошками и косметикой. В шлаках, просыпанных фабричным обозом, искательницы кусоч-

ков угля истирали свои пальцы, чтобы поддержать жалкий огонь своего очага.

На участке земли, еле поросшем травой и заваленном разными нечистотами, стоял какой-то безработный, всей позой своей напоминая о том, что ему не к чему приложить свои руки.

Пастух сопровождал игру на первобытной свирели возвращение стада коз, длинношерстных и круторогих.

У порогов домов блестели белые кувшины в руках женщин, покупающих парное молоко. Это предместье, где зловоние нездоровых ремесл сливалось с ароматами, идущими от парфюмерного завода, занималось еще деревенским трудом: молочным хозяйством и огородничеством. Обервилье соприкасался с Парижем той своей частью, которая вела торговлю мясом, другой же — огородами — примыкал к деревне. Овощи, связанные пучками, лежали во дворах крестьянских жилищ, ворота которых были построены с таким расчетом, что в них могли въезжать широкие, высоко нагруженные телеги.

Свежие овощи, лежащие на земле, которую клевали куры, сменялись грязью мочи и человеческого испражнений вокруг жилищ нищеты. Целая часть предместья была заполнена крытыми фурами и служила образцом городской топографии в смысле порядка, в котором были расставлены повозки.

В этом поселке, сооруженном из ящиков на колесах, чернели толевые трубы, из которых выходил дым и газ, но тщетно было бы искать здесь каких-либо признаков канализации и водопровода. Жилища, лишенные воды, были окружены нечистотами.

Более прочно был построен «Городок веселых», низкое грязное здание, толщиной своих стен похожее на укрепление. Отдавать это антисанитарное помещение в наем было запрещено, и собственники его не

имели права взимать квартирную плату; обитатели же этой трущобы, довольные бесплатным кровом, оседали здесь надолго. Ничем не связанные, они пользовались тою же свободой, что и звери при выборе нор, но жили гораздо грязнее животных, так как человеческая грязь самая вонючая из всех зловоний. Трубы парфюмерии Тиса высоко развешивали над этой мерзостью легкие облака дыма, пахнущего цветами и продуктами брожения.

Эме Коко свела в «Городке веселых» знакомство с одним человеком, слишком маленьким для своих лет, несмотря на длину его вшивых волос, торчащих кверху словно проволока. Когда Эме Коко увидела его в первый раз, она спросила его:

— Твоя мать, вероятно, испугалась, когда рожала, что твои космы стоят дыбом на голове.

Длинные брюки мальчугана были просто подрезаны ножницами, а не пригнаны к нему по размеру, так как для этого понадобилась бы иголка. Маленький раскрепта не был избалован вниманием и чувствовал себя прекрасно в этих штанах земляного цвета, в которых он мог затеряться, словно картофелина в порожнем мешке.

Эме Коко обратилась к нему:

— Молодой богач, дай мне адрес твоего портного. Я люблю молодых людей, одевающихся с таким шиком, как ты. Ты находишь, что достаточно мыться раз в год? Дай мне все-таки твою руку. Как тебя зовут?

Он ответил:

— Меня зовут мальчишкой.

На другой день она принесла ему кусок мыльного теста, пахучего и нежного, взятого из машины, которая выбрасывала полосу, толщиной с женский кулак, и разрезала ее на куски.

Юная работница объяснила мальчугану, что надо делать, чтобы иметь лицо и руки чистыми. Однако, на другой день он был так же грязен, как и всегда.

— Я никогда не ел ничего вкуснее!

— У тебя должен болеть живот?

— Ну, дерьма-то из меня немного лезет, я не так богат для этого.

Она принесла ему пробный флакон «Песни Песней», десять капель в крошечном стеклянном пузырьке.

Он разочаровал ее своею манерою оценивать духи:

— Это воняет, что ли?

— У тебя нюх не развит. Какой запах ты любишь больше всего?

— Жареной картошки и ракушек, что продают по воскресеньям при входе на кладбище Пантен.

Она вылила все содержимое флакончика ему на голову, которая, вероятно, никогда не была мыта со времени крестин.

Почувствовав, что его вшивую голову оросили духами, он с недоверием посмотрел на Эме Коко:

— Я сердит. Надо мной смеются в квартале. Зачем ты приносишь мне всякую гадость! Лучше выделять вещи, которые можно есть. Я хотел бы быть торговцем кишек. Это вкусно — мякоть: это самое лучшее, что есть во внутренностях. Ты на парфюмерном заводе; бывают дни, когда оттуда несетя такая вонь! Надобно закрывать окна. Я не хотел бы заниматься этим ремеслом. Я лучше хотел бы быть продавцом спичек.

— Продажа спичек не ремесло: это — занятие.

У Эме Коко помимо страсти доставлять всем удовольствие, была страсть к растениям. Она любила не только цветы, но и самую маленькую травку, которая действовала на нее опьяняюще, как будто она выпила вина.

Эта любовь работниц к маленькому садику способствовала украшению самых мрачных кварталов; возделывая крошечный клочок земли, бедный человек не только искал прибыли от своих овощей, но и удовлетворял своему тяготению к природе. Расчищая землю с такой же энергией, как и те, что выкорчевывают девственные леса, рабочие выдергивали из нее крапиву, черепки, куски железа, обручи бочек и дырявые кастрюли, чтобы удобрить почву для салата-латука и вызвать улыбку роз среди жалких лачуг с окнами, украшенными цветами и птичьими клетками. Парфюмерный завод посылал последнее дуновение роскошных садов — людям, радующимся тому, что могут взрастить хоть какой-нибудь цветок в краю труда и нищеты.

Мадам Алис, старшая продавщица магазина Тиса на улице Мира приняла флаконы, украшенные надписью «Песнь Песней». Кроме нее, три молодые девушки, одетые, как и она, в черное, обслуживали магазин, где все убранство отливало хрусталем и золотом и где дубовая мебель была подобрана под тон модных, светлых флаконов. В этом роскошном помещении на виду стояло лишь немного товаров. Мадам Алис смеялась над парфюмерами старого образца, которые загромождали свои витрины флаконами, как это делают парикмахеры и аптекаря. Фирмы более опытные выставляли одну серию флаконов одинаковой формы и одного запаха. Мадам Алис называла это выставкой многочисленного семейства. Она имела обыкновение выставлять лишь по одному флакону каждого сорта, так что в витрине их было всего восемь штук: это позволяло капризным клиенткам внимательно разглядывать каждый из них.

На дубовую тумбу посреди магазина мадам Алис поставила «Песнь Песней».

Труд рабочих Грасса и Обервилье, живущих в бедных лачугах, был воплощен в блеске этого стильного флакона. Благоуханная грудь Суламифи, возлюбленной Соломона, царя иудейского, предстала во всей своей красе. Множество рабочих рук от садов Прованса

и Азии до парижских фабрик возрождали древний поэтический облик в этом гравированном флаконе с изображением ароматических цветов, растущих на горах.

Блеск хрусталя и меди усиливал очарование аромата, созданного вековой работой всех земных цветов и моря, дающего амбру.

От дубовых ромбов паркета до стен, обтянутых шелковой материей цвета старого золота, все оттенки убранства гармонировали друг с другом, образуя минорный колорит и как бы перешептываясь вокруг аристократических флаконов, размещенных в своих хрустальных хранилищах, украшенных белым муаром.

Электрические лампы, задрапированные дорогой материей, сеяли мягкий свет, окружая ореолом флаконы, в которых жили озаренные им эссенции. Эта часовня парфюмерии с жрицами, одетыми в черное, была наполнена благовоном, исходящим от высоких пульверизаторов, поставленных на круглом столе, хрустальная доска которого покрывала атлас такого же цвета, как и в витринах.

Благодаря всей обстановке, выдержанной в мягких тонах, жидкость, пронизанная световыми лучами, явственно выделялась на общем фоне, что доказывало умение достигать соответствия между тоном всего помещения и модным тоном духов, в то время как оставив их среди красного дерева, бывшего под цвет прежним темным духам, можно было бы всю эту гармонию уничтожить.

Мадам Алис предупредительно открыла тяжелую стеклянную дверь перед Денизой Броди, красота которой озарила все помещение. Ослепительно-прекрасная женщина посмотрела на величественный флакон, с ярлычком, на обороте которого значилась цифра 42,— марка, указывавшая на работу Эме Коко.

Название новых духов: «Песнь Песней» напоминало Денизе Броди легенду, под знаком которой протекала ее любовь, но молодая женщина, конечно, не могла знать, что это она сама подала мысль назвать духи таким образом.

Перед изображением груди Суламифи она мечтала о словах, которые тысячу раз повторял ей Поль в саду Грасса:

Запах приятный у масл твоих.
Как прекрасна ты, подруга, как прекрасна,—
Но страшна, как полки со знаменами.

Дениза протянула руку к брызгам пульверизатора и понюхала на своих пальцах, украшенных дорогими кольцами, новый запах.

Мадам Алис сказала:

— Фирма «Тис» не имеет ничего лучшего, которое так хорошо подошло к вам.

Она судила по наружности женщины, какой запах ей более всего к лицу. Эта искусная продавщица изучила в совершенстве диагностику обоняния: как ученый врач различает по глазам больных почками и диабетиков, она знала по оттенку волос и цвету кожи духи, которые подходили к телу.

— Мускус так же не к лицу рыжей, как и зеленое платье. Ей нужно носить серо-жемчужное и употреблять духи нежного аромата, потому что она должна уменьшать, а не усиливать яркость своих красок и довести их до минорных тонов. Вам, сударыня, идут духи, которые не мешали бы вашему природному аромату.

Вторая продавщица называла лучшие произведения фирмы: *Апрель, Аромат четырех времен года, Помечтаем*, американке, которую сопровождал плотный мужчина, бритый и в мягкой шляпе.

Женщины бросали жадные взгляды на «*Песнь Песней*», стоявшую на возвышении посреди помещения.

В этот магазин приезжали женщины кавказские, бразильские, шведки мраморной белизны, мексиканки—обожженные солнцем. И все они желали подражать тонкому вкусу французов, вроде мадам де Бельваль, прабабка которой была включена в книгу клиентов Поля Жанвье, покупавших у него в 1781 году.

Она вышла из своего крытого автомобиля для тех же покупок, которые делала ее прабабка, сходя с носилок. Эта молодая дама, принадлежащая к старинному роду, выбирала духи для своего прелестного тела, облеченного в дорогое платье.

Женщины отдавали невольную дань уважения Денизе Броди, пристально разглядывая несравненную красавицу.

Мадам Алис говорила комплименты этой страстной любительнице духов.

— Приятно продавать тем, кто не только любит, но и понимает духи. Многие клиентки не чувствуют того, что покупают. Они спрашивают модные духи в шикарных флаконах с красивыми названиями.

Американка упрямо отклоняла все предложения второй продавщицы и не соглашалась ни на какие изменения в реестре закупок, составленном в Нью-Йорке.

— Я не намерена отказываться от своих привычек.

Другая молодая девушка, одетая в черное, была счастливее, услуживая бразильянке, которая стремилась только подражать.

— Дайте мне то, что любят парижанки.

Дениза отвечала мадам Алис:

— У меня духи, которые я составляла из ваших, представляя мои собственные эссенции. Надо быть оригинальной, как в манере одеваться, так и в манере душиться. Если женщина душится духами, которые употребляют

многие, как, например, вашими «Помечаем» или «Апрелем», то любимый ею человек будет узнавать ее только по лицу, но не по запаху, свойственному ей. У меня спрашивают мой секрет. Он очень сложен. Амбра служит мне только как постельные духи; я душу ею мое ночное белье. Для выхода я беру запас свежих цветочных эссенций и меняю их согласно времени года, зимою и летом.

— Война создала неутолимую жажду роскоши и клиентуру, ничего не понимающую. Лавочники в рабочих кварталах выставляют наши продукты в своих витринах. Женщины, внезапно разбогатевшие, покупают у нас амбру, как пирожное в кондитерских.

Большой спрос на духи Тиса делал иногда излишним старания продавщиц.

Самым простым их приемом было предлагать заурядным покупателям подражание знаменитостям: «Эти духи мадемуазель Сесиль Сорель», и говорить богатым клиенткам: «Апрель» — духи, которыми душатся все. Их покупают даже модистки; «Песнь Песней» — более редкий и изысканный аромат». Коллекционерки брали все изделия фирмы.

Магазин доставлял каждый день флакон в двести франков одной американке, жившей на Вандомской площади. Многие дамы, любительницы химических изобретений, составляли смеси и приносили их мадам Алис, которая не особенно восторгалась ими:

— У вас получается нечто странное.

Она никогда не настаивала на том, чтобы убедить клиентку в выборе флакона. Она действовала при помощи пульверизатора, которым она опрыскивала нерешительных покупательниц. Она отпускала клиентку с пустыми руками, но под туманом духов, которые должны были ей понравиться. Аромат преследовал женщину даже ночью, и на другой день она при-

ходила в магазин уже с решением приобрести духи, от которых она накануне отказалась.

— Дайте мне то, чем вы пульверизировали меня вчера.

Это надо было делать осторожно: не мочить волос у страдающей мигренями и не дожидаться, чтобы клиентка подняла руку и сказала:

— Только не на голову!

Мадам Алис знала, как угодить покупательнице, и усиливала струю только тогда, когда имела дело с восточными женщинами, привыкшими орошать себя розовой водой из медных леек.

Обладая свежим цветом лица, несмотря на свои тридцать лет, она была прекрасной рекламой для косметических изделий фирмы. Клиентки спрашивали ее: «Что вы сами употребляете?».

Тогда она продолжала разговор в углу, удобном для сообщения секретов, касающихся недостатков кожи.

Слабость женщин, заставлявшая их скрывать свои недостатки, и гордое сознание своей красоты царили в этом магазине.

Мадам де Бельваль, завидуя взглядам, направленным на Денизу, рассеянно держала в руках свою покупку — большой флакон «Песни Песней», ценою в семьсот пятьдесят франков, и вдруг уронила его на пол. Ее пренебрежение к этой потере и спокойствие, с которым она сказала: «Другой, мадемуазель», доставили ей некоторое торжество. Довольная тем, что была замечена, она не обращала внимания на любезности продавщиц, говоривших «как жалко» и докладывавших в кассе: «Мадам Бельваль — тысяча пятьсот франков».

Сквозь открытую дверь аромат вырывался на улицу. Крошечные подошвы тщеславной женщины мокли в благоуханной жидкости, на изготовление которой ушло столько цветов и такая масса труда.

Мадам Алис говорила:

— В выборе духов есть такие же странности, как и в любви. Женщина может сказать про гелиотроп «это отвратительно», а другая «это прелестно». Нервные чувствуют лучше запах духов.

Мадам Алис никогда не пыталась примирить двух клиенток, придерживавшихся противоположного мнения об одних и тех же духах, так как знала, что каждая женщина чувствует не только запах духов, но и свой собственный; некоторые улучшали, другие же ухудшали качество духов, так как последние меняют свои свойства в зависимости от кожи, с которой они соприкасаются.

Хорошо осведомленная об этом продавщица не делала ошибок, зная, что одна женщина могла надуть комнату своим присутствием, а другая, надутая теми же духами, заставляла после себя открывать окна.

Неуклюжая клиентка с цветом лица, как у жирной свиньи, говорила гнусавым голосом:

— Я употребляю духи для мехов, для волос, для рук, для платка, для белья и шкафов. Весной я душусь под мышками эссенцией из роз. Для мытья лица, шеи и ушей у меня мыло «Вербена», для всего остального — фиалковое мыло. Все вместе составляет мой запах, но я хочу чего-нибудь нового. Что вы можете предложить мне?

На ней было кольцо из крупных жемчужин и ее рыло больной свиньи как бы колебалось между желанием пожрать их или удовольствием их показывать.

Благодаря своей опытности, мадам Алис умела согласовывать духи с физическими особенностями женщины, предлагая крепкие запахи обладательницам величавой наружности, цветочные ароматы — бойким и оживленным особам; но, казалось, ничто более не подхо-

дило к этой требовательной туше, как эссенция из помоев.

Прохожие, останавливавшиеся перед витриной, как бы для осмотра духов, пожирали взорами Денизу. Она жила под пламенными взглядами любующихся ею глаз. Ее появление вызывало рой самых разнообразных чувств в душе всех созерцавших ее женщин и мужчин.

От долгой ласки грасского солнца ее кожа, покрытая поцелуями, хранила золотистый оттенок на лице, на котором ее большие серые глаза сияли кротостью звезд. Ее руки протянулись любовным движением к вожделенным духам. Среди сделанных ею покупок, приготовленных на хрустальном столе, увенчивая все остальные духи, сверкала золотом надпись, сулившая счастье:

«Песнь Песней».

Тихо войдя в их квартиру на набережной Дорсе, Дениза увидела сгорбленную спину Поля де Браке-Саатра. Он смотрел на реку. Надолго прижавшись к нему, она довела его до восхитительного утомления и была разочарована тем, что он заговорил не о ней:

— Какое отдохновение смотреть, как течет вода! Шум Парижа сокращает нашу жизнь. Это — клокотание ненависти. Молчаливое движение реки — тихая и ласковая дружба.

Она не замечала его потребности говорить о своей физической усталости. Она находила в отражении Сены воспоминания об Эдеме под лаврами садов Грасса:

— Будем ли мы здесь так же сильно любить друг друга?

Из шести высоких окон их квартиры они видели быстрое течение воды; ширина реки наполняла их жилище таинственным светом. Ни тень дома, ни взгляд соседа не посягали на их уединение.

Поль прятал свое лицо в теплоту ее тела, пахнувшего мускусом. Он любил тонкие духи, потому что они были на Денизе. Он опускал материю ее платья, чтобы видеть на ее плече родимое пятно: черную звезду, которая всходила на белом небе кожи. По временам у Поля было по отношению к Денизе злобное

вожделение; он молча прижимал ее, передавая вздохами свое утомление, вместо того, чтобы говорить ласковые слова, которые так ее восхищали. Материнской лаской и нежностью она вырывала его из этого пароксизма и была счастлива, когда он засыпал около нее, вместо того чтобы давать волю своей печальной ярости.

Она побеждала его своей неисчерпаемой свежестью:

— Ты слишком красива!

Имея власть над ним, но подчиняясь его любви, она говорила:

— Я твоя царица и раба твоего поцелуя.

На Денизе было надето японское белое платье, вышитое серебряными аистами, напоминавшее ей торговлю предметами церковного облачения в Лионе. Она видела, как готовили для девы Марии одежды менее роскошные, чем та, в которую ее облачила любовь.

В этом торговом предприятии, возбуждавшем в ней отвращение, поскольку ей приходилось играть роль его хозяйки, — она только раз выказала себя шаловливой женщиной, украсив себя золотым позументом. Ее муж, Друар, строго сказал ей: «С товарами не играют». Он требовал, чтобы она усердно посещала церковные службы и садилась в первом ряду с целью привлечения духовной клиентуры. Он также делал вышивки для масонских лож, но скрывал это. Опасаясь своего компаньона, — Ода, — он не баловал свою жену, чтобы лучше научить ее торговле. Каждый день она должна была приходить в контору и возиться с катушками золотых и серебряных ниток, точно вымеренных для вышивальщиц.

Доходы с торговли предметами церковного облачения позволяли принимать денежное участие в Трамвайном обществе, в Газовом обществе и в колониальных предприятиях: Друар занимал там место административного

тора. Од, язвительно улыбаясь, упрекал его в этом: «Вы беретесь за всякое дело».

Друар наставлял свою жену относительно своего компаньона: «Он хочет иметь больше тридцати процентов, причитающихся ему по договорам. Остерегайся его».

Од негодовал на то, что фамилия его не входит в состав наименования фирмы. Взятый в долю в качестве продавца, с капиталом в двести тысяч франков, он путешествовал в то время, когда Друар управлял в Лионе фабрикой.

Совершая поездки на счет фирмы, он подгонял к ним свои личные дела по торговле лесом, которой он занимался тайно от Друара. Он поставлял через посредника сосновые балки луарским рудникам: «Мое имя, — говорил он, — хорошо известно всей Франции».

Он был старостой церкви на фабрике Фурьера и делал визиты епископам. Он был против выделки хоругвей для масонских лож и предупреждал Друара, что это подорвет дела фирмы. Тем не менее, это давало большой доход в то время, когда пожертвования в пользу церкви уменьшились.

Друар понял, что его жена умна, когда она ему однажды сказала: «Зачем вы подвергаете себя постоянной опасности, имея дело с человеком, который вас ненавидит?».

Она любила только ласку и каждый день сталкивалась с людской ненавистью.

Теперь, в одежде жрицы, она держала у себя на коленях голову человека, которого боготворила, и говорила ему с нежностью:

— Ты дал мне счастье. Все, что печалит или радует нас, происходит от нас самих. Я вся завишу от тебя. Я живу больше тобою, чем собою. Я слежу, каким ты будешь: довольным или тревожным, чтобы радоваться

или спешить изменить твоё настроение. Что теперь раздражает тебя в моих ласках? Посмотри на меня. Вспомни, что самым прекрасным небом был наш взгляд и что в моем ты видел звезды.

Чувствуя, что она предана ему телом и душою, он успокаивался и меньше жаждал наслаждения, предпочитая сильной страсти тихую ласку.

— Я такая, — говорила она, — какую ты меня создал; я думаю твоими думами. В моем уме один только ты, на моем теле только твои поцелуи. Я была вещь, которую ты уничтожил. Я — вещь, которую ты создал. Не сердись на меня: я ведь ищу причины твоего раздражения против меня. В первое время в твоих объятиях я могла только вздыхать или молчать. Если сегодня я умею говорить — это потому, что ты научил меня. Улыбнись мне: я твоё творение.

Сила, заключавшаяся в их любви, не позволяла им смеяться. Они были серьезны. В сумерках осеннего вечера жреческие одежды женщины выделялись своей белизной, словно яркая звезда.

Они долго молчали. Прижавшись лицом к ее благоухающему телу и закрыв глаза, он, как слепой, находился во мраке ароматной ночи. Эта близость восхитала их и доводила обоих до экстаза. Она трепетала под яростью мужчины, встревоженного мыслью, что он не может утомить ее своими поцелуями и умереть в ее объятиях. Он был счастлив, когда сила, с которой он прижимал ее к себе, налагала тень страдания на ее лицо и вызывала из высоко поднимающейся груди стон.

Она противопоставляла всю свою кротость его чрезмерной страсти, — такая бледная, с такими широко раскрытыми глазами, что он укачивал ее, лаская, как ребенка, и покрывая поцелуями ее очаровательно скорбные уста.

Когда они оба долго смотрели друг на друга, у них являлось чувство или безумной радости или угнетающей грусти.

Они были двумя существами, стремившимися уничтожить друг друга. Их тела, подчиняясь неотвратимому року, вынуждавшему их отдаваться друг другу до конца, снова возвращались к обманчивому восторгу страсти. Он брал в обе руки ее прекрасное лицо, которое как бы выходило из ее черных волос напоподобие белого плода из своей скорлупы. Восхищенная этим экстазом, она манила Поля в свою ласковую бездну. Они чувствовали присутствие смерти, которая находится на дне упоения любви.

В ослабевшем мужчине пробуждалось еще большее желание взять от Денизы всю ее нежность и красоту. Он сознавал, что это угрожает ему гибелью, и, уставая расточать ласки, которыми он не мог победить женщину, он внезапно отталкивал ее. Руки Денизы тихо и грустно шевелились, ища объятий. Ее тело в такие минуты исполнялось каким-то спокойствием и под покровом век угасал глубокий взгляд очей, которые для Поля только что наполняли весь мир. Он, изнерничавшись, не был способен на такую безмятежность, приходившую на смену усталости. Он смотрел на спокойное течение реки: движение волны давало отдохновение его взору.

Дениза плакала, оттого что была загадкой для него и самой себя, что, отдаваясь ему всецело, не могла удовлетворить его до конца и что после головокружительных наслаждений ей суждено было испытывать на себе гнев мужчины. Он говорил ей:

— Я твой бог, но никогда не буду твоим победителем. Ты сделала меня сильным, чтобы истощить меня собою; ты сделала меня кротким, чтобы уничтожить меня своей кротостью.

Она выдерживала эти разговоры с безропотностью любящей женщины. Она никогда не сердилась на него, и на его слова отвечала только покорностью. Принадлежа к превосходной породе незлобивых существ, она была олицетворением ласковости. Она соглашалась на все, чего хотел от нее человек, безумно ее любящий. У него была теперь потребность бранить ее, срывая на ней свое раздражение. Она обожала его в гневе, как и в его нежности.

Понимать его не было для нее так приятно, как подчиняться ему. Она преклонялась перед восхитительным законом, который обрекал ее на поцелуй и укус. Она ничего не желала более, как быть подвластной и чувствовать беспрестанно на себе дыхание Поля, был ли он радостен или угрюм. Она боялась только равнодушия, и, когда он, неизвестно почему, бывал явно раздражен, она, желая дать ему возможность излить свой гнев, становилась на колени и говорила:

— Бей меня!

Бледные тела их выделялись во мраке, наполненном ароматами. Возле них находились цветы, стебли которых скрещивались, как шпаги; такое положение придавало им раздвоенное горлышко судка, купленного у грассовца Пьера Теуля. Старые бутылки-близнецы, будучи прилажены крест-на-крест, смотрели в противоположные стороны, так что нельзя было наливать одновременно масло и уксус, и служили в течение двадцати лет при трапезе крестьянам-садоводам.

Под букетом красных азалий блестела перламутровая раковина, которая когда-то собирателю жасмина заменяла утренний гудок. Эти деревенские безделушки были приятными воспоминаниями в богатой, только что приобретенной обстановке. На столике возле постели стояло круглое зеркало на подвижном стержне; женщина, пробудившись, могла видеть, не появилось ли

у нее в эту ночь какого-либо признака старости. Первый утренний взгляд был устремлен в зеркало. Коробка с пудрой, золотые часы, лампа и цветы исчерпывали собою все, что могло понадобиться женщине: посмогнуться на себя, освежить свою кожу, узнать, который час, и вдохнуть аромат цветов.

Любить Поля, подчиняться ему, наслаждаться им или страдать из-за него — было для нее чем-то нераздельным: она не могла отказаться от одного и выбрать другое. Будучи восхищена душой и телом, она принимала и боготворила все без исключения.

Он внезапно становился на колени перед нею, когда видел ее грустную улыбку и слезы, которые она сдерживала, считая это преступлением и из боязни быть ему в тягость.

В нем происходила борьба жизни и смерти. Он не понимал причины своего раздражения, которая была защитой его тела против истощающей любви. Каждый раз, когда его физическая сила ослабевала благодаря объятиям, он доходил до ярости. Ласка, так недавно действовавшая на него успокоительно, доводила его теперь до отчаяния. Любовь превращалась в ненависть. Вначале появилось недовольство, затем гнев, которого он глубоко стыдился. Спокойствие, которое прежде давало ему пресыщение, было для него теперь возможно только в результате воздержания, а на это он не был способен, так как красота любимой женщины была для него слишком сильным искушением. Его рана зарубцевалась под солнцем Грасса. Цветы, поцелуи и лучи солнца в те дни царили над ним, заставляя его кровь быстрее переливаться по жилам и наполняя все его существо безмерным счастьем, самой большой радостью, какая может быть дана человеку. Обожающий и обожаемый, он подчинился женщине, которая была его рабой, а теперь, вникая в сущность этих отношений,

он начинал улавливать шопот смерти. Ласка была для него смертельна. Целуя, он погибал. Любимая женщина становилась его врагом, благодаря слишком большой любви. Увлеченный страстью, он был способен еще более погрузиться в эту бездну, откуда его выводил спасительный инстинкт, принимавший форму гнева. Этот подсознательный процесс должен был разъединить обоих любовников, расторгнуть их объятия, но беззаветная преданность женщины обрекала их в жертву неистовой любви. Он мог убить Денизу, но не мог рассердить ее. Прекрасная в сребротканной одежде жрицы, она служила ему, как раба. Любовь была для нее рабством и религией. Она верила. Ей в жизни нечего было более искать. Все было достигнуто: вера, страсть, самопожертвование.

Она не хотела и думать о том, чтобы умерить свой пыл, хотя это могло бы предотвратить гнев мужчины, сменяемого слабостью. Не соглашаться во всем, что он от нее требовал, казалось ей самым предосудительным и постыдным поступком. Она заботилась обо всех деталях питания и туалета любимого человека. Он должен был ограждать себя из уважения к ней от ее раболепия, которое доставляло ей удовольствие. Наполнять благовониями воздух, которым он дышал, нравилось этой женщине, любившей когда-то обстановку церкви. Опыленный усталостью и ароматами, Поль иногда находил в нежности воздуха, приведенного в движение благоухающим телом женщины, свежесть цветущих садов; в эти минуты им овладевало удивительное успокоение, похожее на сон или на смерть.

В атмосфере, насыщенной ароматами, его мысли принимали другое течение; перед ним чередой проплывали образы, которые можно было видеть лишь с закрытыми глазами: в его памяти возникали несчетные кусты роз и женщины, работающие в грасских садах. Счаст-

ливые места, залитые солнечным светом и служившие фоном ослепительному телу Денизы, создавались в облаках дыма, выходящего из медной вазы, где горели душистые курительные свечи. Грустя, что не может вполне удовлетворить его, молодая женщина хотела еще более похорошеть, чтобы увеличить его восхищение ею. У нее не было никакой надобности обдумывать то, что она скажет ему. Она доверяла своей красоте, а не уму: именно этим объяснялась ее торжествующая покорность, ее раболепие и, вместе с тем, ее уверенность в том, что ей дано властвовать над любимым человеком своим молчанием и своими протянутыми руками, в которых заключена неодолимая сила.

Она радовалась, видя на лице Поля выражение гордости, когда мужчины и женщины оборачивались, чтобы поглядеть на нее. В первое время их любви, восхищенные друг другом и не желая больше ничего на свете, ибо они уже встретились, они безумно желали уединения. Они прятались, как дикие звери. Теперь у мужчины появилось тщеславное чувство показывать женщину. Восхищаясь ею, он не противился тому, чтобы ею восхищались другие. Грудь самца вздымалась от гордого сознания, что он является обладателем этой красоты. Ей нравилось, что он любил взгляды, обращенные на нее. Чтобы усилить в нем это приятное чувство, граничившее с ревностью, она следила за своей наружностью, увеличивая ее блеск нарядами, драгоценностями, духами.

Появление Денизы вызывало в толпе шопот восторга. Тщательно ухаживая за своей кожей, в которой заключалась вся сила ее красоты, она вступала в новую для себя полосу: ею овладевала жажда обольщать окружающих.

Дениза пользовалась услугами мадам Жорж, маникюрши, сестры мадам Алис, старшей продавщицы фирмы Тиса.

Ее собственно звали Амели Дево, но она писала на своей карточке «Жорж», как на вывеске богатого магазина своего мужа на улице Фейдо и согласно профессиональному обычаю парикмахеров писать только имя. В четырех салонах, украшенных зеркалами, креслами, чашками и никелированными приборами, ухаживали за волосами, руками и лицом.

Восемь маникюрш, весьма приятной наружности, целый день пилили, стригли и полировали ногти мужчин и женщин.

Мадам Жорж ездила лично к богатым клиенткам, как, например, к Денизе Броди, жившей на набережной Дорсе, дом номер 149. Она расположила на белой вышитой скатерти столика свой набор ножниц, пилочек, полиссуаров и, как всегда, взяв правую руку, с которой она начинала свою работу, вступила в разговор.

— Я хотела предложить вам «Песнь Песней», новые духи Тиса, но вижу, что вы уже запаслись ими. Моей сестре нетрудно будет продавать товар, пользующийся таким успехом.

— Мы никогда не продавали столько духов и косметических продуктов. Женщины стараются действовать на чувственность мужчины. Самая холодная подводит глаза, чтобы казаться страстной.

— Существует мода на духи, как на платья, шляпы, обувь. Прежде не копировали духов и каждая фирма сохраняла свой жанр. Теперь же, когда Тис или Коти выпускают новости, их имитируют. Например, «Нежность» Бошана тот же «Лориган» Коти. Приказчик одной второстепенной фирмы приходил предлагать мне на двадцать франков дешевле подражание «Песни Песней» — «Ласку фей».

Мадам Жорж обычно спрашивала у своих клиенток: «Есть ли у вас все, что вам нужно?»

Этот вопрос носил чисто коммерческий характер. Но она слишком любила много говорить, чтобы не делиться своими впечатлениями.

— Маникюруш всегда ненавидят мужья тех дам, у которых она работает. Они ей не доверяют и думают, что она сводня. На прошлой неделе мадам Арман Потье спрятала меня в шкаф. Ее муж не выносит меня, за исключением тех случаев, когда он спрашивает у меня: «Это вы маникюришь Денизы Броди? Что за шикарная женщина!». Вы ему безумно нравитесь.

— Это очень затруднительно для женщины моего положения.

— Среди маникюруш вы можете встретить кого угодно: тех, которые занимаются женщинами и предлагают им мужчин с уютным уголком, где они могли бы встречаться; тех, которые занимаются мужчинами и похищают их у жен. Я знаю цену персоналу по манере держать себя за работой. Когда молодая девушка берет между своих колен ногу клиента, я знаю, чего она ищет, и отсылаю ее искать это в другом месте. Я затратила двадцать лет труда на создание солидного предприятия.

Она была опытная коммерсантка, которая положила начало своему состоянию, создав рядом с первым парикмахерским салоном Жоржа, на улице Лепик, парфюмер-

ную лавку с зеркалом на улице, что утроило в один месяц продажу. Доставляя женщине постоянное удовольствие видеть самое себя, она сделала из магазина западню для жаворонков. Игра отражения зеркал повторяла под разными углами изображение входящей покупательницы. Клиентки могли любоваться своим лицом, спиной и профилем, что не всегда было возможно делать у себя дома. Понимая, что они совершали небольшие покупки, и ограничивались каждый раз приобретением мелочей, чтобы чаще приходиться в эту зеркальную комнату, мадам Жорж стала отпускать духи по каплям и ввела пульверизацию носового платка: 20 сантимов.

Став хозяйкой многочисленного персонала прихорашивателей человеческого тела: парикмахеров, маникюруш, специалистов по удалению волос и сглаживанию морщин, присоединив еще специалистов каждой нации: шведского массажиста и китайского педикюра, она сохранила свои привычки бывшей продавщицы, любящей расхваливать товар.

— Лучшее средство для подведения глаз — коготь Харуна, турецкого парфюмера. Его репутация так велика, что клиентки не спрашивают коготь, а просто Харун.

Денизе не надоедали эти разговоры об уходе за красотой. Беседы маникюруш и портного не утомляли ее, так как она с удовольствием предавалась заботам о своей наружности и нарядах, делавших ее еще красивее. Ее левая рука была опущена в чашку с водой, пока мадам Жорж занималась ее правой рукой, отодвигая и срезывая как можно дальше кожу на ногте, чтобы удлинить роговую оболочку.

— Сударыня, я кончу через двадцать пять минут ваши обе руки. У вас и у Ольги Шарманд самые красивые ногти в Париже, без заусениц и без бороздок.

У других быстро образуется кожа, толщину с ремень, так что ежедневно надо срезать ее, и стелить салфетку на пол, чтобы не насорить обрезками. На хороших ногтях нечего делать ножницам и напильнику: работает только один полиссуар.

Миниатюристка, избравшая своей специальностью живопись на роговой оболочке, она расписывала кистью розовую поверхность до того места, где кончается тело, придавая этой части ногтя ярко-рубиновую окраску, а остальной части — цвет слоновой кости. При помощи замши, она навела блеск на законченный в смысле раскраски ноготь. Дениза вынула свою левую руку из душистой ванны. Мадам Жорж вытерла ее и начала с большого пальца свою работу отодвигания кожи и заострения ногтя.

Дениза спросила:

— Правда ли, что у Ольги Шарманд золотая ванна?

— Из вызолоченной мозаики под стеклом, а не из чистого металла. У нее, кроме того, есть баня. Она моется, как римлянка, предпочитая пар намыливанью. Она говорит, что мыло оставляет на коже осадок, очищает только поверхность, тогда как выпот удаляет грязь с глубоких слоев кожи.

— Я знаю все лучшие туалетные комнаты Парижа. Сесиль Сорель купается в египетском саркофаге. Самые простые — у сен-жерменских дам, которые мало моются и употребляют еще умывальную чашку и кувшин. Но, когда они увлекаются гидротерапией, они делают из своих ванн помещений — салоны. Теперь многие из них так же чисто держат себя, как и женщины полусвета. Как только богатые франуженки узнали, что существуют биде и ванны, они сделали из всего этого предмет тщеславия. Им нужны украшения на стенах, красивая мебель. Туалетная

комната, декоративно обставленная, — чисто французское изобретение.

— У моей американки-миллиардерши туалетная комната вся белая, с отделкой из никкеля. Она говорит, что это очень удобно для омовения и что комната для гигиенических целей не есть салон. Уборная находится рядом с ванной. Это отвратительно. Как может дама, занимающаяся своим туалетом, выносить близость клозета.

— Можете судить о темпераменте женщины по тому, соглашается ли она перешагнуть через некоторое препятствие и заводит у себя ванну наподобие гроба, стоящего на четырех львиных лапах, или предпочитает спускаться в бассейн; в зависимости от этого я сортирую своих клиенток на две категории. Я знаю туалетные комнаты, походящие на больничные операционные залы, и другие, напоминающие спальни, снабженные механическими приспособлениями: один нажим кнопки замыкает все двери. Я никогда не видела ничего приятнее и изящнее вашего помещения.

Все было в комнате Денизы из белого мрамора с розовыми жилками; белое вышитое белье было развешено по стене на золотых крючках. Цвет нижнего белья Денизы соответствовал цвету массивного мрамора. Когда ей приходила фантазия облачаться во все белое, туалетный кабинет ее приобретал свадебный вид; он делался вишневым, когда она предпочитала батисту шелковое белье, в котором ее черные, как ночь, волосы, казались дымом среди пламени.

В ящике из белого мрамора с крышкой из толстого стекла, сверкали драгоценности, положенные сюда на время совершения туалета, кольца и жемчужные ожерелья — такие приятные на вид. В другом ящике, очень плотно закрытом стеклом, лежали краски для лица: жирные румяна, которые накладывались

поверх сухих румян, наполняли коробочку из позолоченного серебра. Все снадобья для ухода за кожей начинались с духов и кончались аптекарскими изделиями. Рядом с духами Тиса были модные антисептические и зубные средства. Флакон с эвкалиптовым составом восстанавливал в памяти Денизы обстановку госпиталя в Лионе. Запахи знали все ее секреты и напоминали ей о них. В хрустальном флаконе с розовой водой возвышался большой букет, которым она украсила свою комнату в день первого объятия Поля.

Жирная белая жидкость служила для вечернего наведения эмали на грудь, руки и ноги, которые теперь красились, как лицо, в виду новой моды не надевать чулок. Розовая помада для удаления кожицы на ногтях нежно алела на тонкой пластинке, при помощи которой Дениза оканчивала сама работу мадам Жорж.

Как все кокетливые женщины, Дениза имела пристрастие к отделанным ногтям. Она сто раз в день разглядывала их. Маленькая неровность кожи, нарушающая их дугобразную линию, беспокоила ее, и она тотчас же брала инструменты для того, чтобы исправить замеченный дефект: ножницы, пилку, ножик и полиссуар. Ее ногти были предметом, который она рассматривала больше всего на свете. Она не могла иметь, каждую минуту перед своим красивым лицом зеркало, но всегда могла смотреть на свою руку. Она часто любовалась собственными пальцами и лицом, как будто части ее тела были ей незнакомы, и каждую минуту она в них находила что-то новое. Она знала так же хорошо, как и мадам Жорж, утомительную технику ухода за наружностью. Она с удовольствием возилась со всем этим и наводила на себя последний лоск. Черная краска для ресниц, синяя для век, паста для ногтей, палочка губной помады — ложились яркими тонами на нежный фон светло-розового мрамора.

Жорж нравилась своей многочисленной клиентуре — представительницам высшего света и демимонденкам — тем, что удовлетворяла их любопытство рассказами, как выглядят другие, какое у них белье, красятся ли они, кто их любовники. Шикарная маникюрша должна была знать все сплетни Парижа и передавать их во время своих занятий маникюром. Мадам Жорж, когда-то смиренная и снисходительная, не желала более вспоминать о своем добродушии дебютантки, не брезговавшей ничем, чтобы создать себе хорошую клиентуру. Ее честолюбие заключалось теперь в том, чтобы сравняться с мадам Кенсон, открывшей Академию Красоты на улице Мира, против парфюмерии Тиса. Кенсон презирала Жорж, поступившую помощницей в ее учреждение для того, чтобы узнать все ее секреты. Жорж усовершенствовала пластику своей специальности и ловкие приемы хитрой коммерсантки, но бесилась, что не может препятствовать своим клиенткам обращаться в Академию Красоты.

— Я знаю, — сказала она Денизе, — что вы там бываете. Это пункт помешательства парижанок. Они думают, что Кенсон волшебница. Это бывшая булочница; в молодости она была очень красива и вышла замуж за Кенсона, помощника пристава, грубого человека, которого нужно прятать от клиенток. Он на маленьком отвратительном заводе на бульваре Виллет prepares помады, составы и все гадости, которые его жена накладывает на лица клиенток.

Эти злобные речи были единственной оплошностью мадам Жорж в присутствии клиенток, которые считали ее только одной из лучших маникюрш Парижа. Ее инструменты, краски и кисти делали из руки женщины бело-розовый цветок, надушенный и редкий, к которому ничто не должно прикасаться, кроме драгоценностей и перчатки.

Уже готовой правой рукой Дениза Броди погладила свои волосы. Пальцы с розовыми ногтями, трепетавшими на этой эластичной черной массе, казались как бы веселым, безглазым зверьком, посаженным на темные ветки.

— Вы несправедливы к мадам Кенсон. Она говорит, что дурной характер портит цвет лица и взгляд.

На большом мраморном столе, накрытом белой вышитой скатертью, лежали инструменты и все принадлежности туалета: щетки всех размеров, гребенки, частые и редкие, ряд хрустальных флаконов посеребренных и позолоченных, в которые женщина, любившая ухаживать за каждой частичкой своей нежной кожи, вливала духи из покупных бутылок. Дениза употребляла только удобные флаконы, к которым привыкли ее руки.

Вылив несколько золотистых капель себе на руки и надушив их до локтей, что она делала всегда после каждого сеанса маникюра, Дениза выпрямляла свое тело под тяжестью двух маленьких гирь. Борьба с ожирением и наряды занимали все ее утро. Как всякая женщина-кокетка, она не любила принимать гостей к завтраку, так как это заставило бы ее торопиться с уходом за собой. Утром она хотела быть одна и свободна, спать в свое удовольствие, ухаживать за своей красотой, дежурить гимнастику. Она была готова и чувствовала себя хорошо только к трем часам дня. Дениза, будучи красавицей, жаждала еще большей красоты, как очень богатые люди жаждут разбогатеть еще больше. Она страстно стремилась увеличить ~~жизнь~~ своей красоты и боялась, чтобы время не наложило на нее своих следов. Поклоняясь себе и трепеща, она улыбалась себе в зеркало и следила, не хуже ли выглядит ее лицо сегодня, чем вчера. Три раза в неделю она посещала Академию Красоты, где молодая девушка в белой блузе

массировала ее и смазывала кожу от лба до груди. В отделениях с опущенными занавесками клиентки открывали свои секреты: морщины, выделения, все знаки, которыми каждый день смерть отмечает человеческое лицо.

Кенсон, очень опытная в искусстве косметики, говорила Денизе:

— Женщины готовят свое несчастье тем, что начинают ухаживать за своей кожей, когда чувствуют, что уже дурнеют. Надо беречь красоту и работать над тем, чтобы сохранить свою прелесть и не допускать увядания лица. Я ухаживаю за пятнадцатилетними девушками. В сорок лет у них не будет ни одной морщины. Двадцатилетняя женщина не умеет извлекать из себя пользу.

Бывали дни, когда кабинет Кенсон был наполнен букетами цветов и ее стол заставлен кондитерскими подношениями, которые присылали ей обожавшие ее клиентки, желавшие выказать благодарность этой женщине, спасавшей их от старости. Ее шестьдесят лет давали знать о себе только морщинами около глаз. Щеки оставались розовыми, подбородок гладким, шея белой. Она подтверждала своим лучшим клиенткам совершенство своей методики, открывая корсаж и показывая грудь, сохранившуюся, как у молодой девушки.

— Почему кожа на груди или на спине женщины дольше сохраняет молодость, чем щеки? На лице работают жевательные мускулы; немалую роль играют также смех, слезы, гримасы. Будьте покойны. Спокойствие лица — лучший предохранитель его красоты.

Мужчины не имели доступа в это заведение: по мнению мадам Кенсон, это сильно повышало репутацию ее предприятия. Жорж, завидуя своей бывшей хозяйке, стремилась достичь того же, избегая иметь в своем персонале девиц легкого поведения.

Кенсон любила рассказывать своим клиенткам всякие семейные истории:

— В один прекрасный день ко мне приходит скромная мешаночка, очень нарядная. С нею занялись, но я видела, что она пришла, чтобы рассказать что-то. Я успокаиваю ее: «Говорите со мной, как с вашей матерью». Она признается, что слышала обо мне от своей подруги, которой я так помогла, что ее характер совершенно изменился. Подруга обрела вновь веселье, радость, терпенье, кротость и доброту.

— Новая клиентка открывает мне свой секрет. «Вчера мой девятилетний мальчик говорит моему мужу: «у мамы сегодня желтое лицо». Муж посмотрел на меня и ответил: «Это правда». Сегодня утром, вставая, он повторил: «У тебя отвратительный цвет лица».

— Бедная женщина расплакалась. Я дала ей советы и навела на нее красоту. На другой день получаю букет цветов и письмо на четырех страницах: «Я вам обязана самой большой радостью, которую испытала за последние годы. Я вновь завоевала своего мужа. Сознание моей красоты придало мне силы. Я нарядилась, смеялась, играла на рояле, забавляла детей. Весь дом счастлив благодаря вам». Цвет лица спас семейное счастье.

Благодаря мягкости своего обращения, Кенсон имела большое влияние на клиенток.

Она поучала Денизу:

— Женщина обязана заниматься своей наружностью. Она может осуществить свое жизненное назначение только при условии, если она будет привлекательна. Мужчины души не ценят: прежде всего подавайте им тело и лицо. Душа женщины, это — ее красота. Преступление оставаться некрасивой, когда есть возможность придать себе красоту. Красивой никогда

не мешает похорошеть еще больше. Вы великолепны, но вы можете стать еще лучше. Уход за женским лицом не ремесло: это — апостольство. Для того, чтобы совершенно посвятить себя этому, я никогда не выхожу и уже лет пятнадцать, как не надевала шляпы. Я не делаю женщину прелестной только на час для того, чтобы она могла показаться на обеде: я пересоздаю всю ее физическую природу, а также и ее духовный уклад. У каждой женщины, даже самой счастливой, есть огорчения, которые происходят от недостатка денег, от недостатков кожи или от сердечных забот. Женщина должна защищаться своей красотой. Вы прекрасны, но, тем не менее, боитесь, чтобы ваш блеск не померк. Я догадываюсь, что вы уже сомневаетесь в могуществе своей красоты, в ее неотразимости для человека, которым вы хотите всецело обладать. Как бы женщина ни была любима, она все же переживает это мучительное беспокойство. Неограниченная надежда — достояние только самых юных умов, не испытывавших еще любви, но с момента соприкосновения с мужчиной в женскую душу начинает закрадываться страх. Женщине предопределено всегда быть победительницей и вечно терзаться беспокойством за участь этой великой силы, заключенной в свойствах ее кожи — за судьбу своей красоты. Имущий боится утратить предмет своего обладания: будь это государство, свежий цвет лица или красивые зубы. Не в старости, к которой привыкают, заключается самое большое огорчение женщины, но в появлении первого признака, посягающего на ее молодость. Он вызывает желание умереть, исчезнуть еще в расцвете красоты, скорее, чем согласиться на то, чтобы медленная смерть каждый день вонзала все глубже свои когти, оставляя неизгладимые следы на лице. Вы заметили ее тень и уже боитесь утратить свою власть над мужчиной. А, между тем, вы

так хороши, что мертвый и тот способен открыть глаза при виде вас.

Дениза с восторгом внимала речам этой женщины, поучавшей ее, как сохранять сокровище своей наружности. Она приходила к ней, как к жрице, с руками полными цветов.

— Дитя мое, самая совершенная женщина — та, которая сумела достигнуть старости и сохранить красоту. Сердце остается всегда пламенным, ум развивается по мере того, как стареет мозг. Поддерживайте нежность вашей кожи, и вы сохраните преимущество над молодой, свежей, но неумелой женщиной. Уход за собою придаст вам блеск, опыт приведет к успокоению и вас предпочтут молодой, пылкой и страстной любовнице, желающей, чтобы мужчина думал только о ней, требующей от него неограниченной любви и уводящей его к гибели. Опытная женщина не только берет, но и дает. В каждом, даже сильном мужчине, сидит ребенок. Надо ему помогать, носить его, ухаживать за ним. Но вопрос о наружности имеет колоссальное, решающее значение в деле любви. Как только мужчина замечает у женщины какой-нибудь внешний недостаток, он отходит, как бы ни были велики ум и сердце той, которая увядает. Счастье и несчастье женщины находится на поверхности ее кожи.

В зеркалах комнаты, где вела разговор эта составившаяся, но очаровательная волшебница, Дениза любовалась своей красотой. Изображение человеческой фигуры с обнаженными мышцами висело на стене. Кенсон показала на нее указательным пальцем, с ногтем кораллового цвета:

— Я читала все сочинения лучших врачей-дерматологов и создала метод, который основан на гигиене кожи. Я изучила законы кровообращения и нормального питания. Доктора специалисты по кожным

болезням присылают ко мне клиенток, не умея им помочь. Я излечиваю и возрождаю эпидерму, которую врачи отказались лечить. К уходу за своей кожей, разумеется, женщина должна еще прибавить пищевой режим.

— Цвет ее лица обусловлен качеством ее кожи, зависящей, в свою очередь, от легкого стола: ничего сырого, много молочного, фрукты, сладости, белое и черное мясо, никакого алкоголя и кислот. Чистота дыхания и свежесть кожи тесно связаны друг с другом.

— Красота была первой религией. Первое условие красоты — чистоплотность. Ко мне приходят клиентки с полосами грязи на шее, которых я заставляю мыться, и другие, очень опрятные, которых я всетаки учу искусству держать свое тело в чистоте. Женщинам с мстительным характером, которые рассказывают мне о своей злобе, я говорю: «Будьте добрее, и вы станете гораздо красивее». Дурные чувства портят цвет лица; дурные мысли и слова — губельно отражаются на коже. Ни один румянец не стоит румянца радости. Счастье, это — школа красоты. Свой труд я отдаю всем клиенткам, но некоторым, в том числе и вам, я отдаю, кроме того, свою душу. Многие женщины мне писали: «Вы спасли мою жизнь», ибо если бы они не стали вновь привлекательными, им пришлось бы утратить положение, которого добивались их соперницы. Я сделала больше для сохранения семейного счастья, чем священники, могущие только обещать рай или угрожать адом. Я спасаю лицо женщины.

— Мужчины, несмотря на тысячелетнее владычество над женщиной, не знают ее. Обнимая ее, они думают, что уже обладают ею. Они или едва прикасаются или давят ее. Одно наслаждение порождает больше ненависти, чем нежности у тех, которые предаются ему. Страсть — враг любви.

В этих разумных речах Дениза нашла то слово, которого с тревогой ждала:

— Любовь продолжительна только в том случае, если женщина всегда обворожительна, но не истощает мужчину.

— Мужчина не умеет сильно любить без возбуждения своей чувственности. К его верности всегда примешивается чувство сожаления о тех случаях, которые он пропустил. Он непостоянен из-за самолюбия, женщина — по необходимости и из-за денег, редко — по склонности. Она сама слабость, если мужчина не подкрепляет ее своей любовью. Она только думает об этом. Взятая без нежности, она обманывает даже в объятиях. Мысленная верность очень редкое явление.

Уверенная в том, что Дениза не искала любви, Кенсон благоразумно посоветовала ей нравиться всем, чтобы удерживать верность того, кто ею уже избран.

— Я вам открою утраченную тайну женской величавости. Утомление спортом уничтожило осанку женщины. Она вытягивает шею, вместо того, чтобы выставлять грудь, и уже не желает иметь ни груди, ни бедер. Она стремится быть худощавой и садится на пол, как зверь, вместо того, чтобы прямо и гордо держаться на ногах. Есть будуары без всяких сидений, только убранные коврами и подушками. Француженка перестала быть царицей мира. Она подражает англо-саксонке — женщине с ракеткой в руке. Для сохранения красоты требуется больше труда, чем для того, чтобы бросать теннисный мяч. Я могла бы назвать мое учреждение Академией Красоты и Характера, так как при отсутствии воли нельзя ухаживать за собой. Англичанка не умеет сохранять себя. Она прелестна в ранней молодости и банальна, когда становится женщиной, теряя зубы и цвет лица.

— Англичанка-спортсменка быстро старится. Мы подражаем ее скверной манере держать себя, губительной для здоровья женщины. Мы не умеем более ходить упирая ногу на носок; англичанка топает каблуками. Манера раздвигать ноги есть естественный недостаток женщины, которая принимает эту привычку в любви и материнстве. Стоя, она приобретает вновь достоинство, исправляя положение колен.

— Но теперь мало женщин, которые умеют сидеть, ставя одну ногу перед другой.

— Платье со шлейфом было поистине величественно. Короткое же удобно для спорта. Однако, его сохранили и для церемоний. Одеваются одинаково как для тенниса, так и для салонов. Жертвуют очарованием благородства.

— Война была великой школой красоты. Прививками раненым достигались чудеса. Узнали, какой жизненностью и гибкостью обладает человеческая кожа. Лечение раненых в лицо дало мысль о поднятии висков в целях омоложения женщины. Стареющая кожа щек опускается и образует морщины на шее. Ее притягивают к ушам посредством надреза и шва. Человеческое лицо молодеет благодаря этому на десять лет.

Кенсон улыбнулась, увидя в красивых глазах Денизы ужас.

— Успокойтесь. Академия Красоты не нуждается ни в хирургии, ни в электризации, ни вообще в каком-либо внушающем страх аппарате. Мой большой палец работает искуснее всякого инструмента. Мои пальцы делают все. Каждый день я обучаюсь действовать ими все лучше и лучше. Прикладыванием рук я вылечиваю мигрень у тех, которые не могут выносить духов. Для них это несчастье. Аромат женщины правит миром. Он составляет прелесть некрасивых. Каждая женщина

присоединяет к духам аромат собственного тела, так как каждая наделена природным запахом.

— Большинство женщин должны бы были удалять весь жир со своей кожи перед тем, как душиться, вместо того, чтобы это делать по потным следам. Духи держатся лучше на коже полных и чистых особ по тем же самым причинам, по которым на юге Франции употребляют топленое свиное сало для того, чтобы удерживать аромат цветов. Но это не живой жир, каким является жир человеческого тела, добавляющий свой запах к запаху эссенций и дающий в результате отвратительную смесь. Соединение некоторых ароматов с органическими выделениями создает зловоние: ландыш под мышками пахнет отвратительно.

— Вы обладаете натуральным ароматом. В настоящее время мужчины сделались очень деликатными; дурной запах заставляет их отступать. Есть женщины, пахнущие фиалками, другие нашатырем. Молодые люди, привыкшие к куртизанкам, говорят на балу о молодых девушках: «Эти девочки — противны. Они не моются и дурно пахнут», потому, что они танцуют, как сумасшедшие, и потеют.

— Молодость выше всяких помад и пудры, но ей нужен уход. К счастью, кокетство не знает возраста. Молоденькие девушки с такой же пылкостью, как и увядающие женщины, полируют свои тела и подкрашивают свои лица.

— Человеческий запах унизителен. Для вас же он составляет славу. Сколько мужчин только от одного вашего прикосновения остаются под неизгладимым впечатлением вашего лица и вашего аромата. Вы — незабвенная, образ которой живет в памяти многих тысяч людей. Именно в этом настоящая победа женщины. За вами следуют даже до моей лестницы. Моим

помощникам предлагали деньги, чтобы они только сказали, кто вы и где живете.

Входила разряженная клиентка, доказывая своим туалетом, что она совершала необычайный шаг в жизни, которого опасалась, как будто шла к доктору или духовнику. Мещаночка пришла, напялив на себя золотую цепь и шляпу с перьями; по ее походке можно было угадать, что она долго колебалась, прежде чем поднялась по лестнице. Персонал заведения мадам Кенсон умел различать по нерешительной манере держаться тех женщин, у которых не хватало духу высказать свою неотступную мысль, и которых надо было изолировать в отделении с задернутыми полотняными занавесками, прежде чем выслушивать их секреты. Богатые клиентки, привыкшие прибегать к чужой помощи даже в самых интимных своих слабостях, являлись одетыми более просто и требовали мадам Кенсон для личных переговоров.

Лица, похожие на ободранные куски мяса, преобладали среди сидящих женщин, послушных в руках ухаживавших за ними помощниц мадам Кенсон. Иногда слышны были отдельные фразы опытных девушек:

— Кожа толще на скулах и подбородке и тоньше вокруг глаз.

— Вы слишком верите в силу свежего воздуха и холодной воды. Для того, чтобы избежать красноты, надо умываться теплой водой. У кучеров, у моряков, живущих под дождем и на ветру, отвратительный цвет лица.

— Все бледнеет, старея: человеческая кожа, ткань, цветок. Красная роза менее красна вечером, чем утром. То же самое происходит с женщиной и с материей.

— Надо узнать свойства вашей кожи. Не всякая эпидерма требует воды и мыла. К ней надо применять

только те средства, которые ей подходят. Мы прибавляем к коже то, чего ей недостает, и отнимаем то, чего у нее слишком много. Смотря по тому, жирна ли она или суха, мы лечим ее алкоголем или жирами.

Продавщица предлагала банку из белого фарфора:

— Вот, сударыня, что вам подходит. Это безумие продавать, как, например, фирма Тиса, одну и ту же мазь для кожи и цвета лица. Нет универсального крема, который подходил бы ко всякой эпидерме. Некоторые мази хороши летом, другие — зимой. В виду свойств вашей кожи, эта помада вам очень подойдет по нынешнему времени года.

Одна покупательница сказала про свои покупки:

— Это для моего мужа.

Кенсон думала основать отделение для мужчин, но не могла найти подходящего мужского персонала: доктора стоили слишком дорого, парикмахеры унизили бы престиж предприятия. Заменить их обходительными и ловкими девицами было бы привлечением клиентуры, любящей похождения и способной в короткое время уничтожить почтенную и солидную репутацию, которую она создала своей двадцатилетней практикой.

Клиентки, благоговейно ухаживающие за своими лицами, выходили с искусно окрашенными в черный цвет ресницами и пунцовыми губами. Более яркие цвета были на лицах, приходивших впервые. Красились теперь не только актрисы и демимонденки. Лица мещанок были расписаны для любовного соблазна, подобно тому, как лица дикарей бывають размалеваны для устрашения. Дениза прошла, сияя ослепительной красотой. Все глаза женщин были устремлены на нее. В ней было то, чего все желали — сияние красоты.

Поль де-Браке-Саатр, исполняя желание своего брата, поручившего ему исхлопотать как можно скорее помещение под проценты лесов, принадлежавших Компании Лесных Разработок, сделал визит Виктору Кутансу — «Импорт и экспорт: 27, улица Лафайета, Париж», который сказал ему:

— Ваш брат не решается работать с Зальцбахом. Почему? Я хорошо знаю, что говорят: Зальцбах очень ловок. Когда предвидится потеря, он умеет во-время уйти, но не предупреждает тех, кого он вовлек в свои предприятия. Это только потому, что не хотят следовать его примеру и слушать его. Смотрите, как он поправил свои дела весной 1920 года. Был полный застой в торговле по всей Европе, курс падал. Никто не решался продавать с убытком, потому что все считали падение курса временным. Зальцбах, единственный из крупных оптовиков, сумел отрезать себе руку, чтобы спасти себя. Он предвидел продолжительное падение ценностей; он всюду сыграл на понижение, ликвидировал товары, продал с убытком на бирже более, чем купил. Теперь у него капиталы, в то время когда другие ищут их. Чтобы доказать вам, как клеветают на Зальцбаха, и убедить вас, что мы не прибегаем к хитрости в делах, я расскажу вам наш план. Мы — купцы-

финансисты. Нам удалось, как вы это знаете, совершить несколько удачных дел, но мы желаем более осторожного распределения нашего состояния и хотим поместить наши деньги в земли и леса. Этот род имущества почти не облагается государством.

— Владелец прядильной фабрики Деприз, который приобрел 4.000 гектаров земли и 2.000 гектаров леса на Уазе, платит 180 франков налога, как владелец, эксплуатирующий сам. Имущество такой же ценности в промышленности было бы обложено в 800.000 франков. Мы остерегаемся фискальных законов и коммерческого риска. Но мы недостаточно сведущи в этом деле, в котором будет нужно, в конце концов, рубить деревья. Мы знаем, что мы можем очень выгодно купить лес на корню и разориться до того, как его погрузят в вагоны. Ваш брат очень хорошо поставил себя и успешно проводит дела по покупке, продаже и эксплуатации леса. Дело, это — человек. Мы никогда не покупали товаров, кроме тех, которые требовали только переброски. Мы хотим работать с вами, чтобы не быть обманутыми. Мы думаем, что в стране, где надо много строить, рубка строевого леса — предприятие, почти не облагаемое фиском, — очень доходное дело. Вы видите: мы люди бесхитростные, что, впрочем, не мешает нам действовать неуспешно; я говорю о нашей оптовой поставке сосновых бревен для рудников на Луаре, при посредничестве Друара из Лиона.

Желание Поля де-Браке-Саатра оградить свое спокойствие от забот и не предпринимать никаких дел, способных усложнить его жизнь, целиком заполненную любовью, заставило его защищать себя вполне правильными аргументами.

— Вы хотите вступить в компанию с влиятельными и денежными земельными собственниками, пользующи-

мися всеобщим уважением? Мой брат ничего не имеет против такого сотрудничества, если вы докажете ему, на какой доход он может рассчитывать.

— Это очень легко, — сказал Кутанс, — но мы для начала должны немного подружиться. Приезжайте сегодня вечером к Зальцбаху обедать.

Приглашение понравилось Денизе, которая была рада всякому случаю показать свою красоту для того, чтобы Поль еще больше гордился ею. Она соглашалась на то, чтобы он занялся денежными делами, для поддержания роскоши, без которой она принуждена была бы отказаться от своего блеска. Тем не менее, она боялась дел, как своих соперниц. Она хотела быть царицей его души. Ей нравились наряды, потому что это соответствовало тому пути, который она избрала в любви. Богатство помогло ей дать любимому человеку радость быть повелителем создания, перед которым все преклонялись и которое преклонялось только перед ним. Но любовь могла бы заставить ее отказаться от роскоши. Самыми лучшими днями ее жизни были те, в которые под солнцем Грасса ее обнаженное тело и ясная ее душа знали одно лишь наслаждение: быть рабой любимого человека. Ее смирение было для нее блаженством. Теперь же их любовь черпала свое удовлетворение в гордом сознании, что им завидуют. Эта любовь требовала для себя иной обстановки: роскоши материй, блеска драгоценностей и нежного ароматов. Все это было в изобилии на обеде, данном негоциантом Зальцбахом, который рассчитывал увеличить уважение к себе и свое состояние деловыми операциями в компании с семейством де-Браке-Саатров. Зальцбах сказал Полло:

— Ваш брат образовал капитал для эксплуатации лесов в Уйли, в Кальвадосе, с группой шведов. Они основывают общество для рубки кедров в Атласских

горах. Примите нас в это дело: мы пользуемся большим влиянием в Марокко.

В нарядных женщинах, украшенных дорогими цветами, деловой разговор о продаже леса рождал представление о высокой растительности. Этот образ вызывал на их устах приятную улыбку.

Мужчины говорили о различных породах деревьев, а женщины о духах. Жена Кутанса хвалила духи Тиса:

— Я люблю их за скромность. Они не уничтожают моей личности. Прикрывая, но не скрывая, они подобны вуали на лице. Черты остаются видимы. Духи, это — продолжение нашего существования. Они действуют даже в нашем отсутствии. Образ умершей женщины возникает для того, кто оплакивает ее, из запаха духов ее платка, который она имела при себе в последний раз.

Зальцбах давал советы Полю де-Браке-Саатру, желая завоевать его расположение.

— О вас говорят, что вы заняты совсем другим делом, а не зарабатыванием денег. Это дурная рекомендация. В делах признают серьезным только того, кто уже успел обмануть кого-нибудь. Вы приобретете репутацию способного человека, только погубив кого-нибудь. Если вы умеете защищать свои интересы, вы внушите к себе доверие, и люди, убедившиеся в вашей ловкости, будут поверять вам свои дела.

Этот купец не нравился Полю, любившему большую деликатность в денежных делах.

Великолепие Денизы затемняло блеск драгоценностей.

Арман Потье — фабрикант автомобилей — сказал:

— Достаточно работать четырнадцать часов в день. Неужели нужно еще слушать за обедом Зальцбаха и Кутанса, говорящих о своих прибылях. Рубите

деревья в Нормандии и Норвегии, но дайте нам повеселиться немного.

Мадам Кутанс спросила его:

— Когда вы доставите мне мой автомобиль в шестьдесят лошадиных сил? Покрасьте кузов в оранжевый цвет. Я сяду, одетая в черное. На радиаторе поместите бронзовую фигурку японской обезьяны; модель я вам дам.

Потье развел руками и мотнул головой.

— Начали с двухцилиндрового мотора: это то же, что иметь на воде две лопасти с вращательной осью посередине. Между двумя ударами лопасти о воду происходит перемена скорости. Затем соорудили четырехцилиндровый мотор, так сказать, четырехлопастное колесо. Это уже немного мягче, более ровный ход. Довели число цилиндров до восьми, тряска исчезла совершенно. И вот теперь мы фабрикуем мотор, работающий так же плавно, как ветер надувает паруса: никакой заминки, никакого толчка, — для того, чтобы хорошенькая женщина сказала: «Я хочу обезьяну на моем автомобиле цвета апельсиновой корки, в котором я могла бы показать себя в трауре».

Жена Зальцбаха, полная блондинка с претензиями на изысканность, ответила:

— Вы повелеваете духом механики. Но если вы презрительно отнесетесь к нашим капризам, ваш завод будет выпускать только уродливые машины. Вы объясняете нам устройство мотора, вместо того, чтобы благодарить нас за то, что мы полдня прихорашиваемся, чтобы украсить своей особой ваши автомобили.

Мадам Кутанс наклонила свой белый лоб, на котором черные волосы, зачесанные назад, вырисовывали у корня дугу. Вырез ее платья воспроизводил ту же линию.

— Сколько мужчин не знают всего того, чем заняты женщины, которым нечего делать. Они проводят три часа за своим туалетом, чтобы показаться им на два часа. Предпочитаете ли вы тех, которые тратят столько же времени на кухню, тем, которые заняты своим туалетом? В моральном отношении туалет очень важен для женщины. Ее характер меняется с ее нарядами. Ее расположение духа зависит от качества ее платья. После наряда любовь для женщины самое вожаделенное и самое страшное, что есть на свете. Она очень любит, чтобы ее искали, но боится быть скомпрометированной. Этим объясняется то, что существует столько женщин, которые часто бросают, но ищут всегда. Они могут отдаться незнакомцу, у которого нежный взгляд и элегантнй костюм, но, вместе с тем, способны забыть его имя и никогда не встречаться с ним.

Потье выразительно улыбунулся ей:

— Центр тяжести мужчины находится над его плечами, центр тяжести женщины — ниже ее пупка. Она мыслит тем органом, к которому устремлены все наши мысли, но она может заставить мужчину преклониться перед другими ценностями — перед музыкой и состраданием, где мы имеем по сравнению с ней только то преимущество, которое она нам оставляет: я не говорю о той стороне женщины, которая обусловлена ее физической природой и над которой она не властна, ибо в любви она играет роль укрощенного суккуба и расплачивается за нее девятью месяцами беременности.

— Мое богатство, — сказал Зальцбах, — в том, что я не имею детей: это дает мне возможность думать только о своих делах. Так надо поступать, если вы не желаете себе отказывать в пище.

По мнению мадам Зальцбах, ее отель был слишком мал для прибавления семейства.

— Я должна буду тогда переехать. Где здесь поместить мисс, кормилицу, зал для игр?

Потье сообщил точный размер колыбели:

— Сто двадцать сантиметров на шестьдесят — этого вполне достаточно. Мы подвержены эпидемии кокетства.

— Мои машинистки не ударяют десятью пальцами по пишущей машине, потому что это заставило бы их подрезать все ногти. Они спасают безымянный и мизинец, вопреки методу, требующей, чтобы работали всей рукой. Они — клиентки мадам Жорж, благодаря которой в Париже очень много рогатых мужчин.

Кутанс заговорил:

— Солдаты, находящиеся в траншеях, писали своим крестным матерям: «Пришлите нам женщин вместо ваших шерстяных вязаний». Журналы с эротическими изображениями успешно продавались в то время, когда люди убивали друг друга.

Кроткая мадам Потье, с нежным выражением лица, тихо проронила:

— Когда мужчины принуждены были жить между мужчинами, без нас, женщин, они поняли цену того, что потеряли.

Зальцбах философствовал:

— Сила женского лица подобна великим силам природы: ветру, морю. Среди чувств человека, вооружающегося для защиты своей родины, самое сильное — жажда насилия. Покорить женщину, убить, топтать ее — самое большое наслаждение мужчины. Война начинается с того, что мужчина бешено набрасывается на женщину. Борьба экономических интересов пользуется этой сексуальной силой, направляя ее в свое русло. Исторический эротизм дополняет исторический материализм. Это имеет большее значение для духа армии, чем защита мнений Поля Деруледа. Французы

великий и воинственный народ только потому, что они народ страстный. Между половым актом и актом смертоубийства — прямая и пропорциональная зависимость.

Жена Зальцбаха поучала Потье:

— Улыбка может вызвать переворот. Я знала одного офицера американского флота, который был причиной опоздания парохода на шесть часов благодаря продолжительному прощанию с любимой женщиной. В устах красивой девушки заключена была сила, задержавшая корабль. Этот молодой человек был большим смельчаком; он сделался впоследствии авиатором и был убит в Польше.

Поль де-Браке-Саатр заговорил, в свою очередь:

— Существует, может быть, таинственный закон взаимного зачета любви и смерти. Чем больше убивают, тем больше совокупляются. Во время бомбардировки Дюнкирхена 380-миллиметровыми снарядами, которая произвела панику, население убежало из города. Люди укрывались в дюнах и оставались там, зарываясь в песок, где, можно было предположить, они дрожали от голода, жажды и страха. Но часто случалось встречать целующиеся пары молодых людей и девушек, более занятых тем, как бы вырвать у жизни последний поцелуй, вместо того, чтобы дрожать перед неминуемой смертью. Скомбинировала ли в нас природа уничтожение и воспроизведение таким образом, что вид трупа вызывает безумное желание оплодотворения? Этим можно объяснить большое число изнасилований, совершаемых солдатами действующих армий.

— Природа, — сказала мадам Кутанс, — нелепа. Она не отняла у любви возможности освободить себя от материнства. Не каждое объятие приводит к зачатию ребенка, который мог бы возместить труп. Если есть головокружительное желание уничтожить друг

друга, то такого же головокружительного стремления к беременности нет. Никогда так много не любили, как во время войны, и никогда так мало не рождалось детей. До бешенства доходили у мужчин поиски за наслаждением, как противоположностью страданиям, но не было сил к деторождению, которое бы можно было противопоставить смерти.

Потье возражал жене Зальцбаха:

— Только в табаке и спичках можно обойтись без одобрения женщины. Если фабрикует товар, который ей не по вкусу, то можно скоро разориться. Когда мои экипажи нравятся клиенткам, я всегда знаю, что найду клиента.

Зальцбах наклонился к своей жене, так как был очень вежлив с нею, и ответил за нее:

— Мы быстро нажились благодаря войне. Женщина может дать нам возможность зарабатывать с такой же скоростью и так же прибыльно. Объявление новой моды приводит к тем же последствиям, что и объявление войны: к богатству и разорению торговых предприятий.

«— В начале промышленного кризиса больше всего покупают предметы роскоши. Это — признак неустойчивости рынка. Усиленный спрос на женские наряды так же сильно, как и голод, подгоняет человеческий труд, но такое положение не может быть слишком длительным. На ткацких фабриках, вырабатывающих предметы первой необходимости, как кретон, постельное белье, холст для рабочих костюмов и принадлежности женского туалета, — челноки в станках, изготавливающих простой товар, давно уже не работают, тогда как на предметы прихоти есть большие требования. Самый верный клиент — женский каприз. Этот рост производства роскоши — последняя надежда коммерсанта. Женщина сильнее закона. Она желает носить

только шелковые чулки. Когда парламент увеличивает пошлину на этот предмет ввоза, шикарные женщины не носят вовсе чулок. Вы все здесь с голыми ногами.

Потье рассуждал с более веселой точки зрения:

— Если бы Иисус Христос понимал что-нибудь в делах, он научил бы торгашей храма, вместо того чтобы топтать ногами их товары. Он рассказал бы им притчу о ста бататах. «Когда сто пятьдесят человек торгуются над кучей в сто бататов, какую бы цену они ни назначали, никто из них не получит ни одного клубня. Но если они прекратят соревнование и согласятся оставить все одному, который посадит весь картофель в своем поле, тогда на будущий год каждый из них понесет мешок бататов на своих плечах, так как работающий человек стоит больше ста пятидесяти покупающих и продающих».

«— Эта проповедь может быть применена к французским вязаным изделиям и к шелковым чулкам. Каждая женщина хочет иметь пару таких чулок, но фабрики вискозы не могли доставить необходимого количества искусственного шелка. Повысилась цена наличных запасов. Когда производство не поспевает за спросом, повышение цен не улучшает снабжения рынка, а только вызывает недовольство клиентов. Вы, коммерсанты, слишком поздно поняли это. Чрезмерно обогащаясь, вы возродили нищету. Клиенты не хотят больше покупать. Прелестные дамы щеголяют голыми икрами.

Этот, не лишенный юмора фабрикант, сделал Денизе комплимент с грубой откровенностью, которая часто шокировала его друзей, так как Потье не привык стесняться в выражениях.

— Ваше прекрасное лицо отнимает у нас немало энергии. Все, о чем мы сегодня говорили, было сказано только из соперничества, чтобы понравиться вам. Мы

всячески изоощряемся, потому что вы великолепны. Чтобы взволновать аудиторию, мужчина должен распинаться в красноречии. Женщина может ограничиться только тем, что предоставляет нам наслаждаться созерцанием ее молчаливой красоты. Мы выпячиваем грудную клетку, чтобы казаться ей лучше сложными, и напрягаем мозги до мигрени, чтобы как можно больше выказать ума.

«— Я знаю одного знаменитого человека, который не дает себе такого труда. Он обладает замечательным даром слова, благодаря чему был приглашен к одной хорошенькой женщине на обед, на котором не вымолвил ни одного слова. По выходе из-за стола он углубился в чтение газеты и исчез за ее листами к досаде приглашенных, ожидавших от него интересного разговора. Знаменитость, отдавая газету хозяйке дома, наконец, произнес: «Сударыня, нет ли у вас вчерашнего номера?».

Жест Денизы, протянувшей свою руку Полю, свидетельствовал о том, какое счастье она находит в подчинении любимому человеку. Она была величественна в узком платье из черного тюля, строгость которого смягчалась вышивкой из блесток; свет накладывал розовые тона на этот улыбающийся мрак, в котором бюст казался мраморным изваянием на постаменте из черного дерева. Волосы зачесанные назад, открывали весь лоб Денизы. Ноги женщины, перед которой все раболепствовали, бросали лучи с туфель, застегнутых изумрудом. Единственные ее украшения были на ногах. Эта бронетка с золотистым отливом волочила свои драгоценности по земле, тогда как другие женщины носили их на головах. Выхоленная кожа казалась еще белее от контраста с темнотой платья и прически. В этой простоте выступала вся сила красоты ее лица. Дениза подняла руку, чтобы пригласить свою прическу;

казалось, она с трудом удерживала волосы, чтобы они не упали. В их восхитительной ночи рука с розовыми ногтями зашевелилась, как бледное крылатое животное, и обернулась вокруг шеи Поля. Розовая звезда одной груди показалась над темным корсажем. Жадные взгляды мужчин и завистливые взоры женщин обратились к ней, как к дивному светилу. Определяя прелестный запах, которым было надушено тело Денизы, мадам Кутанс сказала:

— «*Песнь Песней*».

Чтобы отвлечься от расточаемых Денизе похвал, все женщины принялись хвалить духи. Зальцбах заговорил о них с коммерческой точки зрения:

— Я наживу на косметических продуктах еще большее состояние, чем нажил Тис, который отказался утилизировать работы своего химика Геркеля. Французское Общество Радия, во главе которого я стою, принимает их. Оно будет фабриковать сперва светящиеся соли для ванн. Радий — вещество, усиливающее свойства, присущие каждому телу. Он может повысить жизненную силу человеческой кожи. Никакой жирный состав и никакой массаж не даст обновления клеточек. Я могу это сделать. Достаточно, чтобы женщины поверили этому, и мое состояние обеспечено. Продавали же пилюли для увеличения бюста, мыло для уменьшения бедер. После религии, заставляющей плавать за свое благословение, за двенадцать зажженных свечей и за четыре капли воды тысячу франков, нет более выгодного ремесла, как омолаживание женщины.

Мадам Потье не соглашалась:

— Надо приносить женщине пользу, но не обманывать ее. Пилюли, в самом деле, увеличивают бюст, воспаляя грудные железы, что причиняет впоследствии нарывы. Употребление мыла для худобы, действительно,

убавляет бедра, если, согласно предписанию, натирать их по двадцати минут каждый день. Этот массаж заставляет худеть. Доктора прописывали настойки из мяты с уверенностью, что больные будут пить только кипяченую воду.

Зальцбах продолжал свою речь:

— Действие солей радия не иллюзия. Это дает удовлетворение женщине как ее телу, так и ее фантазии. Когда она увидит светящийся флакон в своей туалетной комнате, она тогда поверит.

« — Нам было очень нелегко закончить удачно этот продукт, так как флуоресценция получается при помощи сернистых соединений, представляющих большие затруднения в смысле устранения неприятного запаха. Мы все-таки достигли этого. Ванна хорошо пахнет и светится.

Женщины слушали с восхищением этого искусного человека, поучавшего их новому способу омолаживания кожи. Потье накинулся на них:

— Вместо того, чтобы утруждать себя каждый день подновлением своей красоты, требуйте для себя права умирать в тридцать лет, а для нас, мужчин, в сорок. Преступление женщины заключается в том, что она широко пользуется обманом, крася свою кожу и волосы, и подавляет восхитительную молодость своей молодящейся старостью. То, что она делает для своего лица, то мы делаем для нашего ума. Мы насилуем свои желания, как вы подкрашиваете свои мордочки. Только что сказанное Зальцбахом свидетельствует о том, что уже два года как его умственные способности сильно ослабели. Мы увидим стареющего Зальцбаха, пускающего слону в свою тарелку и шамкающего о своих проектах, над которыми можно только смеяться. Надо быть молодым или умереть. Не говорите мне ничего о заслугах старости, о жизненном опыте,

о благоразумии. Мне приятнее быть изъеденным червями в тридцать лет, чем сделаться таким, как папаша Эйфель или папаша Эдиссон. Я видел этих знаменитостей. Это ужасное зрелище. Но за ними была лаборатория хорошо организованная, наполненная молодыми людьми, работающими изо всех своих нетронутых сил. Их энергия поддерживала славу учителей. Я желаю смерти до достижения старости. Я не хочу рисковать сделаться Полем Дешанелем, сидящим на дереве и говорящим: «Не стреляйте, я — птица!»

«— Я требую закона против старости. Старик, который не может более держаться на ветке кокосовой пальмы, в то время когда молодежь его племени трясет ее, должен быть убит. Вот вам лучший способ поддержать красоту расы.

«— Франция наших дней управляется старыми женщинами, мажущими свои лица помадами и красками (эти особы будут теперь купаться в ваннах из радия!) и сенаторами, большинство которых — больные, дряхлые, сифилитики, старики, мерзкие старики! Смерть старикам!

«— Против Академии Красоты я открою Академию Самоубийства.

Он обратился к Зальцбаху и Кутансу:

— Смейтесь! Вы ничего не смыслите в том, что я говорю, потому что вы продавцы, торговцы, но не изобретатели, не фабриканты. Вы приходите, когда наша работа уже сделана, чтобы нажиться на ней. Мы надрывались изо всех сил, обдумывая средства достигнуть успеха, но не способы обогащения. Даже если бы пришлось пожертвовать здоровьем и деньгами, все это было бы ничего, лишь бы дело пошло на лад. Вы никогда не испытывали того волнения, которое бросает вас в озноб при первом пуске в действие машины, над которой вы бились два года. Неужели же она не тро-

нется с места? Это не барыш, который можно положить на текущий счет. Это жизнь или смерть.

«— Будь я молод, без гроша в кармане, но с надеждою в сердце, я бы занялся вопросом о междупланетном сообщении. Удивление или смех людей не остановили бы меня. Двести лет тому назад сожгли бы, сто лет тому назад — стали бы обливать холодной водой того, кто заговорил бы о беспроволочном телеграфе или же об электрической энергии, извлекаемой из водопадов и передаваемой на огромное расстояние посредством металлической проволоки. Нам уже доступны аппараты, отделяющие нас, быть может, только на сто тысяч миль от волны, идущей с Марса. Можете ли вы представить себе человека, который получит на конце своего соединителя первый контакт двух энергий? И когда радиий позволяет надеяться на это, вы придумываете, как бы использовать его для прихорашивания женской кожи. Вы старики. Вас надо на кокосовую пальму! На смерть!

— Опыт, — сказал Зальцбах, — очень ценная вещь. Я узнал это от одного инженера, который в первом заседании правления, под моим председательством, сказал нам, в виду окончания своего контракта: «Господа, когда мы начали наше сотрудничество, я принес вам мой опыт, вы принесли ваши капиталы. Сегодня я, оставляя вам мой опыт, уношу ваши капиталы. Мы квиты».

Потье сделал ему такой комплимент:

— Способ, которым вы умудряетесь расхваливать собственный товар, доказывает, что вы действительно начали свою торговую карьеру, продавая в зонтике нитки. Это удобная лавочка, у которой ставни быстро закрываются.

Затем он заговорил о видимой усталости на одутловатом лице коммерсанта:

— Будьте осторожны: у вас начинаются признаки старости. Пойдите в Академию Красоты, чтобы помазать свое лицо черным мылом. Это очень хорошо для цвета лица.

— Я знавал, — сказал Зальцбах, — одного доктора, который брился маслом, утверждая, что все мыла губительно влияют на кожу.

Кутанс припомнил Потье его долг:

— Вы мне еще должны за мои хлопоты в пользу вашего «Общества закалки стали». Дайте мне сто акций. Это дело, которое может погибнуть. Это вознаграждение не будет убытком для вас.

— Кому вы передадите их? Де-Браке-Саатру? Надо быть для этого меценатом.

Автомобильный фабрикант сказал дворянину, владельцу лесных угодий:

— Вы знаете философию Зальцбаха? Честных людей нет. Есть глупцы и хитрецы. Надо быть вором или обворованным. В делах остерегайтесь ваших друзей и оказывайте им доверие только в том случае, когда является необходимость перепродать им то, от чего отказывается клиент.

Мадам Кутанс вынула свою палочку для губ, принявшую, от частого употребления и от ее манеры красить свои губы всасыванием, форму свистка. Тотчас же все женщины стали поправлять на своих лицах румяна и пудриться, держа перед собою маленькие зеркала, перед которыми они ворочали головы во все стороны, не имея возможности разглядывать как следует свое изображение. Пудра от встряхивания пушковых сыпалась на ковер, оставляя следы.

Потье подбадривал их:

— Рассыпайте побольше. Зальцбах недостаточно еще состарился, чтобы предложить вам пушок, не допускающий встряхивания. Ваше удовольствие заклю-

чается в разрушении. Когда у Тиса спросили, какая привычка женщины дала ему больше всего прибыли, он ответил: «такая» и сделал жест, как бы встряхивая пушок. Женщина просыпает больше пудры, чем пользуется ею. Три четверти продукции завода бросается на ветер вашего каприза. Я слишком восхищаюсь вами, чтобы желать перемены этого. Вы прелестны и имеете на это все права. Так прекрасно быть женщиной, — лишь бы обладать свежим цветом лица.

Кутанс выпил свою большую рюмку коньяку. Он похвалил его аромат и перешел к вопросу о женских духах:

— Когда женщина красива и хорошо пахнет, она обладает тем могуществом, которого мы не можем достигнуть десятью годами упорного труда.

Потье воспользовался этим, чтобы высказать свою мысль:

— Человеческое тело по своей природе зловонно. Мы шарахались бы в сторону от вас, прелестные дамы, если бы вы были покрыты благородным потом рабочего. Запах благочестия мало чем похож на запах того, кто трудится изо всех сил и не имеет возможности вымыться как следует. Не исходил ли приятный аромат от умирающих аскетов только потому, что тела их были лишены жира, а желудки пусты и их высохшие, ослабевшие ткани начинали разлагаться раньше, чем прекращалось биение сердца? Уже став трупом, они все еще казались живыми. Это должно было походить на запах муравьиного спирта у старух, морщины которых наполнены грязью.

Гримаса отвращения появилась на раскрашенных губах женщин. Потье настаивал:

— Мы освящаемся только одеколоном. Кто дурно пахнет, того презирают. Как уничтожить пот другим способом, как не праздностью? Сколько нужно потею-

щих и дурно пахнущих людей, которые отдавали бы свой тяжелый труд на то, чтобы женщина всегда хорошо пахла, за исключением моментов, когда она танцует. В человеческом теле находится летучий яд. Даниил вышел живым из ямы со львами только потому, что у него воняло из носу. Дикие звери не хотели дотронуться до него: он был им противен.

Зальцбах заговорил о торговле:

— Рост гигиены тела и половое возбуждение — две базы парфюмерной промышленности. Много моются и много любят. Надо, чтобы я на этом нажил много денег. У Тиса одно из самых больших состояний в Париже. Я хочу так же, как и он, работать для женщин.

Зальцбах слишком хорошо понимал значение денежной потери, чтобы любить шутки: не потому, что ему не хватало времени придумывать и вспоминать их, а просто потому, что веселье было для него возможным только после удачной покупки или продажи. У него была неутолимая страсть к торговым сделкам. Лишенный клиентов, он глупел. Застой в делах был ему так же ненавистен, как верующему равнодушие к религии. Он не находил способа понравиться Полло де-Браке-Саатру, с помощью которого он хотел завязать прочные сношения с земельными собственниками. Эти два человека (один охваченный жадной наживой, другой — страстью) вежливо презирали друг друга.

Зальцбах старался приобрести уважение хорошими советами.

— Все биржевые операции основаны на том, чтобы знать, надо ли купить прежде, чем продать, или продать прежде, чем купить.

«— Если бы работать только с людьми, которых любишь, мало было бы торговли на свете. Человек, говорящий о делах: «Я остановлюсь здесь», погиб. Я не ограничиваю себя. Зальцбах безграничен.

«— Мораль коммерсанта заключается в том, чтобы подороже продать. Чем больше имеешь денег, тем больше уделяешь внимания своим делам. Вот почему не надо церемониться с клиентом.

Он был способен дружелюбно относиться к людям богатым и был совершенно лишен чувства привязанности и уважения к бедным. Люди, на которых он ничего не мог заработать, были ему отвратительны. Он имел бы большую склонность к де-Браке-Саатру, если бы Поль занимался делами, но не любовью. Первый вопрос Зальцбаха, чтобы собрать сведения о ком-нибудь, был: «Чем он торгует?».

Под влиянием сильного запаха гвоздики, мадам Кутанс, смеясь, говорила о своем темпераменте:

— Я не удовольствовалась бы неусердным влюбленным.

— Доказательство счастья в любви, — сказал Потье, — это — жир. Худеющий человек начинает чувствовать усталость. Она уничтожает блаженство. Любите и сохраняйте мускулы. В этом вся мудрость.

Грусть изменила выражение в глазах Денизы.

— Предпочитаете ли вы, — спросил веселый собеседник, — платье цвета зеленого кузнечика, вышитое красными лангустами, или красное лангустовое, вышитое зелеными кузнечиками? Откуда явилась мода так декольтировать спину? От дроздов, которым продавцы птиц выщипывают зад, чтобы показать их мясистость.

У него была привычка говорить отрывисто, наблюдая на лицах слушателей впечатление, производимое его шутками. Его мысли перескакивали с одного предмета на другой с быстротой блох. Зальцбах боялся его, но относился к нему без неприязни, заимствуя у него хорошие мысли.

Он спросил у Потье:

— Объясните мне, почему денежный успех располагает к любви? Мужчина, кладущий себе в карман хороший куш, очень внимателен к женщинам. Они, со своей стороны, очень усердно посещают торговые места: утром рынок, днем биржу.

— Это имеет такое же значение, — ответил Потье, — как мушиный след на вершине Гималая, хотя в зоологии это могло бы вызвать переворот. Что вы об этом думаете?

Кутанс ответил:

— Я хороший отец, примерный супруг, честный гражданин, и требую для себя свободы ничего не думать.

Зальцбах обратился к Потье:

— Недавно я еще рассчитывал, сколько заплатить за молчание тому, кто меня оскорбляет, а теперь я рассчитываю, сколько спросить у него за клевету. Я уже выиграл два процесса по обвинению в диффамации. Клеветайте, клеветайте, это мне всегда что-нибудь приносит. Когда в общем собрании вам угрожают недоброльные акционеры, лучший способ защиты, это — нападать на самого себя. Я признаюсь в ошибках для того, чтобы не искупать грехов.

«— Вы опускаетесь. Вы теперь стали недостаточно умны, чтобы выказывать себя глупцом. Вам доставляет удовольствие проявлять свой ум, вместо того чтобы иметь силу спрятать его, на что способны только очень сильные люди. Научитесь вновь изображать идиота. Всем слишком известно, что вы опасны; это доказывает вашу слабость.

«— Мы не так много совершаем дел вместе для того, чтобы вы меня хорошо узнали. Нельзя узнать человека, пока не продашь ему чего-нибудь. У вас заняты тысячи рабочих, а я знаю их дух лучше вас самих; для вас они только представители наемного труда, а для меня

они покупатели. Они приносят свое жалование в мои лавки, устроенные в рабочих кварталах. На мелочи больше заработка. Продаешь по два су то, что ты купил за один. Это сто на сто, тогда как обыкновенно наживаешь лишь тридцать три процента, как большие магазины. Рабочий — замечательный клиент. Он вам помогает. Если нет того, что он хочет, он сам предлагает дать ему другое. Его жена спрашивает: «Сколько это стоит?». «Двадцать пять франков». «Много же вы наживаете денег. Заверните-ка мне это поскорее. Не то меня муж накроет на месте». Мещанка говорит: «Я подожду, пока цены не понизятся».

Зальцбах любил людей, не боящихся тратить последний грош, так как сам он был очень туг в этом отношении, привыкнув в дни своей жалкой юности экономить по мелочам. Он не возражал, когда его спутники платили за мотор, и брал с собою в зрительный зал шляпу, чтобы в театре не давать пятидесяти сантимов за хранение платья. Но он брал из кассы большие суммы, когда надеялся крупно заработать на этом. Он без страха совершал миллионные операции, потому что у него не было привычки бояться за них.

Он колебался только в тех случаях, когда дело шло о грошах. По старой привычке, он крал мыло на умывальниках. Все знали, что после него уже не удастся вымыть руки. Опасаясь казаться грустным, что могло повредить его кредиту, как если бы не было крупных бриллиантов в розовых ушах его жены, брюнетки по природе, белокурой по окраске, он принял веселый вид:

— Каждый человек годится для дела, если он умеет соразмерять свою прибыль с затраченным капиталом. Пятьдесят процентов это слишком много. Я вспоминаю о колбаснике, которого спросили, как умудрится он зарабатывать столько денег продажей паштетов из зайца. Предприимчивый малый ответил: «К зайцу я

прибавляю конину». — «В какой пропорции?» — «Половину. Пятьдесят процентов: на одного зайца одну лошадь».

Довольный своей шуткой и заставляя этим предполагать о блестящем положении его дел, Зальцбах продолжал выкладывать запас своих анекдотов:

— Я знал священника, бывшего когда-то борцом. Когда он давал представление на ковре, он так расхваливал свою работу: «Еще двадцать су, милостивые государины и милостивые государи, и мы покажем такую работу, какой вы никогда не видали. Недостаёт еще четырнадцати су, чтобы купить один литр вина. Можно будет тогда выпить. Мы настоящие фокусники, не какие-нибудь любители, ничего не смыслящие в ремесле». Сделавшись священником, он переменял свою манеру сбора на подносе и, перед началом обедни, говорил правоверным так: «Дорогие братья и сестры. Бросайте ваши гроши на ковер перед алтарем. Бог воочию узрит вашу щедрость. Еще пять франков, мои дорогие братья и сестры, и мы начнем нашу маленькую работу: обедню с вином!» У духовенства и у балаганных фокусников один и тот же способ делать сбор.

Заметив по строгому выражению лица Денизы, что она не любила насмешек над священниками, Зальцбах нашел более благочестивую тему для разговора:

— Бог и я, мы оба прекрасно понимаем друг друга. Если бы он занимался коммерцией, то не мог бы это делать лучше меня, так как ныне это нелегкая задача.

«— Почему де-Браке-Саатр хочет положить предел вашему состоянию, тогда как нет предела вашей красоте? Должно считать честным человеком того, кто имеет мужество хорошо зарабатывать. В такое время, когда банки в панике прекращают авансировать торговые предприятия и выдают ссуды только под земельную собственность, де-Браке-Саатры еще не заложили своих

земель и лесов, под которые они могли бы получить по восьми процентов, два миллиона, и — я ручаюсь за это — удвоить полученную сумму в течение двух лет.

Поля сказал:

— Надо было иметь некоторого рода мужество, чтобы любить спокойствие в то время, когда целый свет был в погоне за деньгами. В настоящее время все богатства не прочны, за исключением богатств земельных. Заводы прекращают работу, в торговле сильный застой. Хлебопашец один продолжает наживаться, потому что, если можно на некоторое время отложить покупку машин, одежды, духов, то нельзя ни одного дня прожить без питания. Крестьянин, который извлекает из земли все, чем кормится Франция, — настоящий господин положения. Он копит деньги и хранит их. Богатый помещик продает свои земли, потому что ему не хватает рабочих рук, чтобы обрабатывать их. Разбогатевшие фермеры покупают у него участки и работают на них по пятнадцати часов в день, вместе со всей своей семьей, для того, чтобы еще более разбогатеть. Когда вы вырубите лес, надо будет продать землю, потому что разработка земли в настоящий момент имеет не больше шансов на успех, чем промышленность или торговое предприятие. За исключением одного лишь случая: если у вас будет мало земли и вы будете работать сами. Слишком большая земельная собственность в этой демократии — разорение собственников. Вы не восстановите феодального строя во Франции. Замок в настоящее время только приятное место пребывания, очень дорого стоящее, но отнюдь не собственность, приносящая доход.

Веки Поля закрывались от усталости. Разговор быстро утомлял его, потому что любовь истощала его силы.

Зальцбах преклонился перед общим смыслом этих идей и старался возбудить симпатию Денизы, расхваливая католическую религию.

— В это воскресенье я забыл свой зонтик в синагоге. В понедельник я отправился за ним, но его уже не было. Я говорю сторожу: «В церкви Ла-Маделен я бы, наверное, нашел его».

Потье напомнил ему о его рассуждениях:

— Вы утверждаете, что Иисус Христос сказал: «Если у тебя украдут из правого кармана, подставь ему еще левый. Продавайте кесарю кесарево».

Автомобильный фабрикант быстро перешел на смешные темы:

— Один из счастливейших дней моей жизни тот, когда я встретил человека, переживавшего большое горе; он носил фамилию Петар¹⁾. . . Это было не единственным его бедствием. Родители дали ему вдобавок еще смешное имя: Гиацинт. Я прошу всех присутствующих выпить за здоровье Гиацинта Петара и провозгласить тост в честь этого великого человека. Я сейчас объясню вам почему.

Они выпили и хлопнули в ладоши. Дениза смеялась, довольная, что ее забавляло не только одно серьезное чувство ее любви.

Потье предупреждал Поля де-Браке-Саатра:

— Советы Зальцбаха о том, как нажить состояние, не более действительны, чем взаимоотношения гидравлики и музыки, выраженные формулой: мочиться в скрипку. Зальцбах вам не нужен. У вас симпатичная наружность, это уже много значит. Напишите ему так: «Дорогой друг и старая каналья» . . .

— Почему, — спросила мадам Кутанс, — мы пили за здоровье Гиацинта Петара?

Потье оживился:

— Я должен дать вам объяснение. Дело в следующем. Я познакомился в одном мюзик-холле с одной

испанской танцовщицей, у которой были диковинные привычки. Очень кокетливая, но неряшливая, она чаще меняла свои корсажи, чем рубашки. Ее звали Марией. Она соглашалась танцевать голой и отказывалась разделять любовь без лифа. Она обожала сладкое и очень острое; обед ей был не в обед без сладкого, шампанского и пикулей. Этого достаточно, чтобы предложить вам выпить еще раз за здоровье Гиацинта Петара. Сейчас я объясню вам почему.

Женщины, довольные своей красотой и тем, что их забавляли, — делая вид, будто хотят побить его, — протягивали к Потье свои белые руки, сверкавшие точно лучи.

Мадам Зальцбах жалела о натуральном цвете своих волос:

— Здесь страшно много брюнеток.

Она называла Денизу: «Госпожа Тайна» — за ее молчаливость.

При звонком откупоривании одной бутылки, мадам Кутанс закричала:

— Осторожно, не залейте мне платья!

Она не так боялась прикосновения к своему телу, как к дорогому наряду.

Потье нарисовал ей обезьяну, которая должна была украшать радиатор ее автомобиля.

Животное, лежа на спине и яростно раскрыв пасть, протягивало свои четыре растопыренные лапы.

— Настоящий демон из Самофракии!

Он заставил женщин вскрикнуть, изобразив усатую крысу, поднявшую свою морду по направлению ветра:

— Какая гадость!

— Почему не поставят фигуру женщины на радиаторе? Бронзовый орел на кузове автомобиля есть та же сирена, лепное изображение которой в прежнее время красовалось на носовой части корабля. Заменили пару грудей парю крыльев.

¹⁾ По-французски «petard» означает «пердун». (Прим. ред.)

— Если я снова пушу в моду женскую фигуру, я придам ей молитвенную позу. Надо читать молитву, когда садишься в автомобиль, точно так же как и перед поездкой по морю.

Он обратился к Денизе:

— Я сейчас зарисую вас, чтобы украсить вашу машину.

Она стала на колени с вытянутыми вперед руками. Ее роскошное тело опровергало своим великолепием ее смиренно преклоненную позу. Она поднялась, торжествуя среди шопота одобрения.

— Никогда нельзя быть уверенным, — сказал Потье, — что при скорости ста миль в час не произойдет какой-либо поломки. Красота женщины заставляет не считаться со степенью прочности машины. Красота вызывает в том, кто правит рулем, бешеное желание развить максимальную скорость. Поместите ваше изображение в молитвенной позе на вашем автомобиле. Вы слишком хороши для того, чтобы не требовать от машины, в которой вы сидите, всего, что она может дать.

Пламя камина озаряло розовым светом плечи и голые ноги женщин, умащенные благовониями. Они не любили держаться прямо. Прелестные и чувственные, расположившись в простых позах уставших зверьков, сидя на корточках, на полу или на низких диванах с большим количеством подушек, они разговаривали между собою о нарядах:

— Лучшие шляпы только у сестер Филион, а платья у мадам Элен. Можно иметь платье за тысячу двести франков у Падана, но вы должны будете отослать его назад: оно никогда не сидит хорошо.

Они гордились удачными приобретениями, как и возможностью тратить большие суммы.

Потье, любивший подзадорить собеседника, заговорил о портнихах:

— Когда хорошая домашняя швея спрашивает девятьсот франков, чтобы скопировать платье от Элен, вы торгуетесь для того, чтобы получить его за восемьсот, но вы соглашаетесь заплатить за точно такое же три тысячи франков от знаменитого портного.

«— Со времен земного рая, где фиговое дерево было первым дамским портным, женщины всегда стремились изменить очертания своего тела, несмотря на то, что их задницы и груди оставались на том же месте.

«— Теперь мода на низкий бюст для того, чтобы можно было глубже декольтироваться. Женщине с высокой и выдающейся грудью очень трудно одеваться по моде теперь, когда стараются обнажаться как можно больше. Для женского костюма холод и жар не состояния температуры, а моды. Дамы выходят с декольтированной грудью в декабре или с мехом на шее в июле, согласно законам более сильным, чем солнце и мороз.

«— Мадам Зальцбах, ваше мантио из шенилла подбито горностаем. В нем слишком много меха, — совсем на русский манер. Подбейте его абрикосовым атласом. Какой оттенок вы предпочитаете из новых непромокаемых материй: пармской фиалки, зелено-нефритовый, лимонный, герани, резеды, бледно-розовый, голубой цвет знамени или цвет блузы свиного торговца?

— Прекрасная ткань, — сказал Зальцбах: — чистая бумага, окраска высшего сорта. Рабочий не колеблется платить за блузу по восьмидесяти франков. Я не знаю ничего прочнее, чем бархат, из которого в Бретани шьют штаны, и который так прочен, что его называют «злопамятством священника».

Потье ответил на это похвалой по адресу Гиацинта Петара.

— Из него вышел бы плохой священник, так как в нем не было злобы. Очень общительный, он не имел друзей. Любезный и независимый, он разговаривал со всеми, но не доверял никому. Он был способен на двухчасовой разговор с путешественником, сидящим с ним рядом в купе вагона, но никогда не стремился увидеться с ним еще раз, будь то мужчина или женщина. У него были встречи, но не связи, и он чувствовал себя прекрасно и независимо. Он был другом всех в тот час, который он выбирал сам. Таким образом, будучи по своему характеру крайне общительным, он вел образ жизни, отличающийся всеми преимуществами одиночества. Он говорил: «Человек с улицы гораздо поучительнее, чем старый друг, который ничего не может сказать нового. Не менять своих симпатий то же, что читать одну и ту же книгу. Я знаю людей поглупевших, потому что в продолжение двадцати лет они любили все те же лица и говорили все те же вещи». Этот прекрасный характер Гиацинта Петара доказывает, что вы должны выпить за его здоровье. В пользу моего предположения есть еще один веский довод, который я вам изложу, если вино хорошо. Глубоко неправ был Малезерб, сказавший в 1789 году, когда виноградники замерзли: «Тем лучше, если не будет вина: наши головы будут благоразумнее». За это ему отрезали его собственную. Если и мне суждено будет лишиться головы, то это произойдет не потому, что я сказал вам такую глупость. За ваше здоровье!

Нагнувшись, чтобы с завистью посмотреть на изумруды на ногах Денизы, мадам Кутанс обнажила плечо, на котором платье держалось на одной только бриллиантовой застежке и, казалось, упадет, если только она расстегнется. Мужчины выжидали, не соскользнет ли с плеча материя, надеясь увидеть тело этой женщины, волнуящее потому, что оно случайно

обнажилось, тогда как другие женщины были декольтированы от груди до плеч. Они отодвинули сиденья, чтобы освободить место для танцев.

Дрожь пробегала по их холерной коже. Мадам Кутанс была прелестна в неподвижном состоянии, но изящная мадам Потье в танцах была неоспоримо лучше ее. Движение разделило женщин на тех, которые были элегантны только в спокойном состоянии, и на тех, которые хорошели, двигаясь и смеясь. Руки Денизы поднялись, как белые крылья.

От разгоряченных тел женщин носился запах страсти. Их жесты распространяли аромат садов. Потье, у которого были три темы для разговора: похоть, механика и революция — похвалил туалеты.

— Пользуйтесь временем, когда еще возможно так хорошо одеваться и тратить деньги, которые зарабатывают ваши мужья. Не пройдет и пяти лет, как вы будете носить рабочие одежды или вам отрубят голову. Не надейтесь очаровать пролетария: вам не удастся обольстить его. Работницы умеют целовать лучше вашего. Он возьмет вас из мести. Если он даже хорошо приударит за вами, это будет не из настоящей любви. Красные губы и томный взгляд не спасут вас, он всетаки кончит тем, что убьет вас, обрушившись на вас площадной бранью. Последние оскорбления не так уже неприятны, если они нанесены умело. Вы замените руководство хороших манер трактатом проклятий, чтобы пленить мужчин, которые сквернословят и орут.

Зальцбах рассмеялся, так как его не смущали никакие перспективы.

— Я поверю в революцию, когда она будет продавать ликеры и настойки, как продает их религия. Я учреждаю новое коммерческое предприятие. Я первый приготавливаю все необходимое для революции. Ко мне будут

приходить за запасами красных флагов, за веревками, чтобы вас вешать, и за бюстами Карла Маркса.

Мадам Кутанс громко рассмеялась и широко развела своими красивыми руками. Она была немного навеселе.*

— Мы поладим с революцией. О чем думали мужчины во время войны? О том, чтобы спать с нами. Никогда не были так исщипаны задницы. Во время революции они пострадают немного больше. Это уже вошло в привычку. Надо быть глупым, чтобы верить в то, что революция пойдет против женщин. Она удастся только в том случае, если мы пустим ее в моду; это даст нам возможность одеваться или раздеваться на другой манер. Мы вновь будем носить, косынки *à la victime*¹⁾. Мы не будем более спать с одним и тем же мужчиной.

— Для шикарной женщины, — сказал Потье, — война и революция это только перемена туалета и любовника. Но если разрушат заводы, вы будете ходить пешком, вместо того, чтобы помещать обезьян на кузовах ваших автомобилей. Вы смотрите на революцию с точки зрения вашей кожи, а я с точки зрения механика. Если рабочие уничтожат фабрики и откажутся работать, это заставит вас всех обратиться в первобытное состояние. Своего освобождения человечество добьется скорее усовершенствованием машины, чем политикой. Политика может остановить машины, и тогда вы будете одеваться в старые мешки из-под картофеля. Подлинная революция — в машине, когда она будет вырабатывать по двадцати су метр ткани, которую вы носите и которая стоит теперь по двести франков.

¹⁾ Костюмы и прически *à la victime*, в подражание тем, которые носили приговоренные к эшафоту, вошли в моду после 9 термидора. (Прим ред.)

Мадам Кутанс сказала:

— Если придется, я облачусь в картофельный мешок. Я с шиком буду носить то, что другие презирают, если я не в состоянии буду носить то, что унижает других. Был военный шик, будет шик революционный. Великий шик не боится великого заката.

— А если шик будет заключаться в смерти?

— Мы умрем!

Мадам Зальцбах спросила:

— Кто, по вашему мнению, самая шикарная женщина Парижа?

Все взоры обратились к Денизе. Из чувства ревности к ней, мадам Кутанс назвала:

— Ольга Шамаранд. У нее масса шика.

Потье непристойно похвалил ее:

— Она нажила состояние своей манерой любить, и создала из своего тела аппарат для удовлетворения чувственности. Оно весит сто тридцать фунтов, и при помощи его она заработала десять миллионов. Ни одна машина при столь незначительном весе не приносит столько барыша. Эта женщина стоит 153.846 франков за кило. Женская сила превосходит гидравлическую силу и силу артиллерийского взрыва. Она взрывала состояния лучше, чем динамит взрывает стены.

Мадам Кутанс защищала Ольгу Шамаранд:

— Она очень умна и совершенно не сентиментальна; она обожает физическую любовь и остроумный разговор. Эта женщина чувственна, но не чувствительна; она очень счастлива и твердо решила не считаться ни с какими препятствиями, осуществляя все, что ей нравится. У нее самые красивые ноги на свете. Она твердо стоит на них. Но это все, что у нее есть.

Потье прибавил к этой похвале:

— Эта женщина не смыкает глаз в часы своей работы. Характер женщины в момент, когда она

отдается, проявляется двояким образом: опусканием ресниц и широко раскрытыми глазами. Недостаточно только одной физической красоты, чтобы быть куртизанкой: надо проявлять также свой ум. Ольга Шамаранд — музыкантша, акварелистка, очень любит оперу и умеет возбудить мужчину, читая ему стихи. Девочки думают, что достаточно прикоснуться к нему и показать хорошенькие зубки для того, чтобы заработать двести тысяч франков в год. Женщина с головой и со всем прочим, Ольга Шамаранд, сумела себе составить состояние вещью, которую бог дал ей не для того, чтобы мерить овес.

Делая вид, что она не слушает этих грубых разговоров, мадам Зальцбах повела своих гостей в туалетную комнату, чтобы не итти одной освежиться и положить пудру и краски на свое лицо.

Эти женщины, начинавшие свой день в двенадцать часов дня, были совершенно бодры и оживленны в двенадцать часов ночи. Мадам Зальцбах приобрела вновь свой сияющий вид, подкрасив свое лицо, хотя на шее у нее были заметны морщины. Она пригласила своих гостей посмотреть на ванную комнату из позолоченной мозаики, скопированную с комнаты Ольги Шамаранд. Пол, выстланный металлом и покрытый стеклом, возвышался по направлению к низко сидящей ванне. От панели с закругленными углами до стен и вместилища воды все было покрыто одинаковой позолотой.

— В этой ванне, — сказала мадам Зальцбах, — я позолоченная.

На закраине стояли больших размеров тисовские флаконы:

«Апрель» и

«Куст Хлои».

«Песнь Песней» вызвала воспоминание о трехтысячелетней любви.

Мадам Зальцбах любила скульптурные вещи. На подставке черного дерева стояла китайская статуэтка, изображавшая пухлую женскую фигуру, которая защищала свою розу, как бы падая в обморок.

Мадам Зальцбах положила черную лепешку в маленькую жаровню из позолоченного серебра, из которой поднялся тонкий дымок, распространявший запах ладана.

Шутник-фабрикант предложил отслужить обедню.

— У вас здесь погребальный вид: мрамор такой же массивный, как на богатых памятниках, а золото, как в итальянской церкви.

Глаза мужчин любовались Денизой. Подобно лучу, пронизывающему мрак, она походила на изображение богини в этой золоченой комнате, отсвет которой усиливал блеск ее лица, похожего на неземное лучезарное тело.

Столь уверенная в своей красоте, что взгляд ее не выражал даже гордости, она сияла спокойствием звезды.

Она и жена Кутанса представляли два противоположных типа женщин, из которых один ограничивал линией тела всю красоту, замкнувшуюся в самой себе, а другой — эту красоту претворял в свет. Дениза создавала вокруг себя сияние. Она прежде всего не представлялась телесною формою, но как бы излучением. Одна была скульптурным изваянием, другая — ослепительной лучезарностью.

Потье отнесся неодобрительно к ароматическим курениям:

— Они не подходят к вашим помещениям: они предназначены для высоких сводов храмов или обширных жилищ жарких стран. В маленьких комнатах Парижа они являются ошибкой или свидетельствуют о пороке. Благовонный дым, некогда подымавшийся перед алтарем первых богов, в наше время встречается

в местах злчных и святых: в домах терпимости и в церквах.

«— Вы употребляете также эти вонючие шары?

Он называл так шелковые саше, наполненные душистым порошком и развешанные в туалетной комнате.

Женщинам очень понравилось покрывало из венецианских кружев, вышитое розами так плотно, что они казались лепным украшением, а не изделием из ниток. Глаза женщин восхищались громадным терпением, воплощенным в этой безупречной работе.

Мадам Зальцбах сказала:

— Это мой свадебный подарок Дебрие, сыну крупного бумагопрядильного фабриканта в Лилле.

Она открыла массивную мраморную дверь секретного шкафа: на железных полках этой блиндированной кассы были расставлены хрустальные банки, наполненные душистыми эссенциями, и ящики с драгоценными камнями.

Потье не без злости пояснил:

— Это последняя мера предосторожности, принимаемая Зальцбахом против нищеты. Он восстанавливает сокровища царя Соломона: золото, ладан и смирну.

Сильные запахи заводов Грасса неслись из металлического помещения, где блестели жемчуга. Дениза сравнивала эти чудеса, спрятанные здесь ради наживы, с теми, которые она собирала для любви.

Зальцбах объяснил причину такой предосторожности.

— Революция может экспроприировать ценные бумаги, земельную ренту, землю, аннулировать банковые билеты. Ничего нельзя будет спасти, за исключением того, что можно спрятать, зажав в кулак: драгоценные камни, редкие металлы, радий и парфюмерные эссенции.

Потье расхваливал Денизу:

— Вы, о совершенная, вы окружены совершенством. Вкус, с которым устроено это помещение, не спасет ни одной ножки кресла. Сможет ли покорить толпу красота вашего лица? Есть много беспокойных людей на свете: синфейнеры, большевики, спартаковцы, тред-юньонисты, индусы, египтяне и синдикалисты из департамента Сены. Революция надвигается со своей песенкой.

Он залпом выпил шампанское и загоlosил:

— Вставай, проклятем заклеянный...

«— Посмотрим, какую рожу скорчит Зальцбах, когда придут его убивать.

Он продолжал голосить, стоя под хрустальной люстрой, повешенной на медной длинной цепи. Это освещение посреди комнаты походило на свет церковной лампы. Шум Парижа замирал на суровых деревьях этого квартала.

Мадам Кутанс верила в то, что сладострастие сильнее всех революций:

— Им нужны будут женщины.

Потье, наклонив к себе золотую арфу, сыграл суровый гимн и высказал свое мнение:

— Это будет возбуждающая музыка. Гиацинт Петар сочинял похоронные марши более веселые, почему он и просил меня устроить его дирижером оркестра. Он говорил: «У меня на это большие способности. Это шикарное ремесло, и притом вечернее: весь день свободен, почти не устаешь — надо только махать палкой, в то время как все другие надрываются, дуя в трубы и пиликая».

«— Извините меня, если я слишком мало просил вас пить за здоровье этого прелестного человека, но сделайте это и вы поблагодарите меня за мой совет, когда вы современем узнаете, почему я так настаиваю на этом.

Мадам Кутанс и мадам Потье танцевали под звуки Интернационала. К ним присоединился грубый голос с улицы, и кулак раздраженного прохожего громкими ударами стал отбивать такт по звонкой двери. Мадам Потье грызла свои розовые ногти.

Ее супруг, одобрительно относившийся к шуму, громко играл на арфе.

Движение женщин, возбужденных соперничеством и желанием нравиться, распространяло вокруг запах драгоценных духов. Тонкий и сладостный аромат «Песни Песней» реял в этом роскошном помещении. Призрак мертвых цветов витал в воздухе, напоенном нежным запахом. Испарения столь же иступленные, как слова любви, действовали на воображение мужчин...

Дениза и Поль танцевали, бесчувственные ко всему, за исключением наслаждения, которое они испытывали, покоясь в объятиях друг друга.

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ленинград, Дом Книги, Проспект 25 Октября, 28. Тел. 132-44, 570-14.
Москва, Тверская, 51. Тел. 3-92-07, 4-92-31.

Серия „НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“

- Дюамель, Жорж.** — Полуночная исповедь. Пер. и предисл. В. Вейдле. Стр. 183. Ц. 75 к.
- Кальтнекер, Т.** — Рудник. Драма в трех действиях. Перевод с немецкого В. Гельмерсена, с предисловием А. Пиотровского. Стр. 76. Ц. 50 к.
- Лондон, Джек.** — Рассказы о смельчаках. Пер. с англ. В. А. Азова и А. Н. Горлина. Стр. 116. Ц. 45 к.
- Маркс, Мадлен.** — Женщина. Предисл. А. Барбюса. Пер. М. Елагиной. Под ред. В. А. Азова. Стр. 220. Ц. 50 к.
- Метерлинк, М.** — Белая невеста. (Помолвка.) Перев. Н. Эфрос, под редакцией М. Л. Лозинского. Стр. 136. Ц. 40 к.
- Мэйзфильд, Д.** — Пьесы. Перев. З. А. Венгеровой и О. И. Поддъячей. Предисл. и редакция К. Чуковского. Стр. 142. Ц. 45 к.
- О'Нилль, Юджин.** — Волосатая обезьяна. Комедия древности и современности в восьми сценах. Пер. с англ. М. Г. Волосова. Под ред. А. Н. Горлина. Стр. 83. Ц. 50 к.
- Роллан, Р.** — Клерамбо. Перев. Э. Л. Вейнбаум. Редакция В. Азова. Стр. 335. Ц. 75 к.
- Роллан, Р.** — Кола Бренъон. Перев. Елагиной. Под редакцией Н. О. Лернера. 2-е изд. Стр. 264. Ц. 70 к.
- Ромэн, Жюль.** — Преображенный град. Пер. О. Я. Скитальца-Яковлева. Под ред. Инн. Оксенова. Стр. 47. Ц. 20 к.
- Трессол, Роберт.** — Филантропы в рваных штанах. Пер. с англ. Э. Выходской, под редакцией А. Н. Горлина. Стр. 325. Ц. 1 р.
- Чапел, Карел.** — „Вур“. Верстандовы универсальные работари. Утопическая социальная драма в 3 действиях с прологом. Перевод И. Мандельштама и Е. Геркена. Стр. 135. Ц. 70 к.
- Энгельке, Г.** — Ритмы новой Европы. Перевел Вл. Пяст. Стр. 93. Ц. 50 к.
- Д'Эсм, Жан.** — Красные боги. Пер. с франц. Б. Лившица. Стр. 307. Ц. 1 р.